

801-11
637

55
349

А. С. Пругавинъ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

РАСКОЛЪ ВВЕРХУ.

ОЧЕРКИ РЕЛИГИОЗНЫХЪ ИСКАНІЙ
ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ СРЕДѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе товарищества „Общественная Польза“.
Бол. Подъячская, 89.
1909.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	Стр.
Ауто-да-фе. Исторія одной книги	1
Религіозныя иснанія въ обществѣ и народѣ	7
Въ привилегированной средѣ	51
1. Дворяне-раскольники	55
2. Аристократы - хлысты	63
3. Камергеръ-скопецъ	76
Бѣлые голуби	85
Секта Татариновой	97
1. Религіозныя движенія 40-хъ и 50-хъ годовъ	113
Апостольскія общины	125
I. На проповѣди	125
II. Богослуженіе и пророчества	139
III. „Апостолы послѣднихъ дней“	146
IV. „Апостолы“ и русское общество	160
V. Христось у дверей	172
VI. „Апостолы“ и политика	183
VII. Апостольская община въ наши дни	190
I. „Генераль“ Пашковъ и его проповѣди	199
Московскіе редстоиксты	201
I. „Вѣрующіе“	217
II. „Братья“ и „сестры“	223
Преслѣдованія пашковцевъ	243
При конституціи	255
Источники	267

2007059188

Ауто-да-фе.

Исторія одной книги.

Пропала книга! Ужь была
Совсѣмъ готова—вдругъ пропала...
Некрасовъ.

Вмѣсто предисловія позвольте сказать нѣсколько словъ—*pro domo sua*.

26 лѣтъ тому назадъ, въ 1882 году, въ Петербургѣ была отпечатана моя первая книга: «Расколъ внизу и расколъ вверху»,—книга, которой однако не суждено было увидѣть свѣтъ, такъ какъ по распоряженію петербургскаго цензурнаго комитета она была задержана въ типографіи, въ которой печаталась, и всѣ экземпляры ея конфискованы.

Главное управленіе по дѣламъ печати утвердило рѣшеніе цензурнаго комитета, признавъ книгу вредной и подлежащей уничтоженію; поѣтому, согласно существовавшему тогда порядку, дѣло, по жалобѣ издателя, А. С. Суворина, было перенесено въ комитетъ министровъ.

Для меня, какъ автора книги, только что начинавшаго въ то время литературное поприще, этотъ арестъ явился совершенно непонятной и даже необъяснимой неожиданностью, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что книга эта состояла исключительно изъ статей, которыя только что передъ тѣмъ были напечатаны мной въ разныхъ журналахъ и газетахъ и которыя, — сколько мнѣ было извѣстно, — не вызвали тогда со стороны цензуры никакихъ репрессій.

«Очевидно, тутъ какое-нибудь недоразумѣніе», думалъ я. «Не могутъ-же въ самомъ дѣлѣ власти преслѣдовать за дословную перепечатку статей, которыя только что были пропущены цензурой и которыя появлялись въ такихъ умѣренныхъ органахъ печати, какъ «Русская Мысль» и «Голосъ».

Но недоразумѣніе вскорѣ разъяснилось. Дѣло въ томъ, что мои статьи, вошедшія въ злополучную книгу, появились въ печати въ теченіе 1880 и въ началѣ 1881 года, — слѣдовательно, какъ разъ въ эпоху извѣстныхъ «новыхъ вѣяній» и политическихъ колебаній, когда сторонники реформъ и необходимости уступокъ обществу взяли верхъ, когда провозглашена была «диктатура сердца», когда графъ Лорисъ-Меликовъ составлялъ свою «куцую» конституцію и когда печать получила возможность говорить болѣе свободнымъ, болѣе смѣлымъ языкомъ.

Но какъ извѣстно, это продолжалось очень не долго. Вскорѣ же сторонники реформъ были побѣждены и должны были уступить свое мѣсто представителямъ реакціоннаго направленія. На стражѣ «незыблемыхъ устоевъ» стараго строя становятся: съ одной стороны—К. П. Побѣдоносцевъ, съ другой—графъ Д. А. Толстой. Перебѣна курса, какъ всегда, прежде всего отозвалась на положеніи печати. Между прочимъ, это пришлось испытать на себѣ и пишущему эти строки.

Въ комитетѣ министровъ,—какъ мнѣ тогда передавали,—при обсужденіи вопроса о судьбѣ моей книги раздались было голоса въ ея защиту, предлагавшіе отмѣнить распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати объ арестѣ книги. Эти голоса принадлежали: министру финансовъ Н. X. Бунге и министру государственныхъ имуществъ М. П. Островскому. Но противъ этихъ мнѣній горячо возстали: оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевъ и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Д. А. Толстой,—а они-то именно и представляли собою главную силу комитета.

Стоя на почвѣ чисто формальныхъ интересовъ казеннаго православія, комитетъ министровъ призналъ книгу вредной и опасной, а потому и постановилъ: уничтожить ее. Рѣшеніе это было оконча-

тельнымъ, а потому полиція, разумѣется, не замедлила привести его въ исполненіе.

Помню, все это чрезвычайно огорчило меня, и я пытался утѣшить себя, между прочимъ, такими соображеніями.

Было время, когда у насъ, «на святой Руси», жгли раскольниковъ и сектантовъ на площадяхъ, жгли на кострахъ живыхъ людей, виновныхъ только въ томъ, что они хотѣли вѣрить, хотѣли молиться такъ, какъ подсказывало ихъ внутреннее чувство, ихъ совѣсть, а не такъ, какъ предписывали имъ попы, монахи и миссіонеры «господствующей церкви». А теперь въ наши дни, жгутъ уже не людей, а только книги, въ которыхъ говорится о необходимости свободы совѣсти, свободы духовнаго творчества,—въ которыхъ сообщается объ ученіяхъ и жизни этихъ самыхъ раскольниковъ и сектантовъ.

Прогрессъ очевиденъ!..

Впрочемъ, я долженъ оговориться. За послѣднее время, когда число книгъ, подлежащихъ уничтоженію, сильно возросло, эти средневѣковыя ауто-да-фе болѣе уже не практикуются, такъ какъ это признано... невыгоднымъ для казны. Слишкомъ убыточно. Теперь книги, осужденныя на уничтоженіе, уже не жгутъ, какъ прежде «рукою палача», а рубятъ топорами, обращаютъ въ массу и затѣмъ приготавливаютъ изъ

нея снова бумагу, на которой печатаютъ... быть можетъ «Правительственный Вѣстникъ», быть можетъ «Россію» или иное какое-либо «частное изданіе».

Но какъ всегда, и на этотъ разъ репрессивныя мѣры правительства не достигли своей цѣли: не смотря на то, что все изданіе книги было арестовано и затѣмъ торжественно уничтожено, однако какими-то невѣдомыми путями книга все-таки успѣла распространиться въ обществѣ, хотя и въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Въ книжные магазины книга, разумѣется, не поступала, но у антикваріевъ она все таки продавалась, хотя и по высокой цѣнѣ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ въ теченіе очень долгого времени нельзя было и заикнуться о новомъ изданіи книги, такъ какъ темная туча реакціи нависла надъ Россіей. Всѣ попытки, предпринимавшіяся мною въ этомъ направленіи, неизмѣнно терпѣли полнѣйшее фіаско. Желѣзный гнетъ «Аракчеева православной церкви» стоявшаго во главѣ правительства Александра III-го, царилъ тогда въ полной силѣ, и свѣтская и духовная цензура буквально трепетали передъ его могуществомъ.

¹⁾ Судя по каталогамъ антикварныхъ магазиновъ, сначала по 20 и 25 рублей, а въ послѣднее время цѣна за экземпляръ дошла до 75 рублей.

Только по прошествіи 20 лѣтъ мнѣ удалось наконецъ,—хотя и не безъ цензурныхъ искаженій и купюръ,—издать нѣкоторые изъ очерковъ, входившихъ въ уничтоженную книгу. Эти очерки, рисовавшіе религиозно-этическое движеніе, происходившее въ то время внизу, т. е. въ народной средѣ, вошли въ первый выпускъ «Религіозныхъ отщепенцевъ», изданный «Общественной Пользой» въ концѣ 1903 года ¹⁾.

Теперь мы предлагаемъ вниманію читателей перепечатанные изъ той же уничтоженной книги очерки, въ которыхъ изображается религиозное движеніе, происходящее вверху, т. е. въ обществѣ, въ привилегированной средѣ. Такъ какъ со времени составленія этихъ очерковъ прошло уже около 25 лѣтъ, то поэтому, выпуская теперь ихъ въ отдѣльномъ изданіи, мы сочли необходимымъ значительно дополнить эти очерки, а также включить въ это изданіе и тѣ статьи которыя были написаны нами по этому вопросу послѣ выхода въ свѣтъ злополучной книги.

Религіозныя исканія въ обществѣ и народѣ.

¹⁾ Затѣмъ изданіе это было повторено въ 1906 году „Посредникомъ“, безъ перемѣнъ.

Кто же рѣшитъ мнѣ, что тайно отъ
вѣка?

Въ чемъ состоитъ существо чело-
вѣка?

Какъ онъ приходитъ? Куда онъ
идеть?

Кто тамъ вверху надъ звѣздами
живетъ?

Гейне.

Весь мѣръ есть глубокая тайна.

Бальмонтъ.

I.

Красиво и стильно построенные, хотя под-
часъ и подернутые слишкомъ густой метафизиче-
ской дымкой, рефераты о «богоскательствѣ и бо-
гостроительствѣ», о «новомъ религіозномъ созна-
ніи», о «мистическомъ анархизмѣ» и т. д., инте-
ресныя пренія и дебаты по поводу этихъ докла-
довъ, тонкіе анализы религіозныхъ переживаній—
все это занимаетъ и волнуетъ интеллигентную пу-
блику, охотно наполняющую залы литературныхъ и
философскихъ обществъ.

И это не въ одномъ только Петербургѣ. Въ
настоящее время религіозно-философскія общества

болѣе или менѣе правильно функционируютъ уже въ четырехъ главнѣйшихъ центрахъ русской жизни: въ Петербургѣ, Москвѣ, Киевѣ и Тифлисѣ.

Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что религиозные вопросы, темы религиозно-философскаго характера, духовныя переживанія разнаго рода все сильнѣе и замѣтнѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе широкихъ слоевъ русскаго общества. Эти темы, въ связи съ мучительными поисками смысла жизни, того высшаго синтеза жизни, утрата котораго такъ болѣзненно ощущается,—все чаще и чаще затрагиваются нашими молодыми художниками-балетристами, обсуждаются въ многочисленныхъ сборникахъ и разныхъ альманахахъ, въ еще болѣе многочисленныхъ лекціяхъ, которыя то и дѣло читаются теперь въ разныхъ обществахъ и кружкахъ, на разныхъ собраніяхъ.

Вчерашніе модернисты и декаденты, только что приглашавшіе людей «любить себя, какъ Бога», вчерашніе марксисты, которые еще наканунѣ третируютъ религію какъ жалкій пережитокъ народного невѣжества, а о христіанствѣ отзывались не иначе, какъ о «религіи рабовъ»,—теперь только и говорятъ о Богѣ, о божествѣ, о религиозномъ сознаніи и т. д.

И хотя для всѣхъ, конечно, вполне ясно, что

въ эти термины господами новыми религіантами вкладывается совершенно произвольно свое собственное содержаніе, по своему личному усмотрѣнію, нисколько не считаясь съ общепринятыми понятіями и представленіями, тѣмъ не менѣе однако публика далека отъ мысли обвинять этихъ господъ въ предосудительной игрѣ словами, въ недостойной игрѣ въ религію.

Правда, многіе скептики, относясь съ явнымъ недоверіемъ къ проповѣди этихъ «искателей Бога», не стѣсняясь, высказываютъ свои сомнѣнія относительно глубины и искренности самыхъ исканій новоявленныхъ прозелитовъ, вдругъ и неожиданно восплававшихъ религиознымъ экстазомъ. Быстрые, рѣзкіе эволюціи и этапы въ области духовныхъ переживаній, пройденные у всѣхъ на глазахъ нѣкоторыми изъ этихъ прозелитовъ въ самый короткій срокъ, невольно заставляютъ прислушиваться къ голосу скептиковъ, а нерѣдко и соглашаться съ ними.

Но гдѣ подобныя подозрѣнія не могутъ имѣть никакого мѣста, никакого основанія, такъ это, безъ сомнѣнія, въ средѣ нашей молодежи, съ одной стороны, и въ широкихъ массахъ трудового народа—съ другой.

Горячо и страстно ищеть смысла жизни чуткая, нервная русская молодежь. И въ навѣрное

припомните столь нерѣдкіе теперь страшные, хватающіе за душу случаи, когда тотъ или иной юноша, та или иная дѣвушка, отчаявшись разрѣшить мучительный вопросъ о томъ:—во имя чего жить?—предпочитають при помощи браунинга или стакана укусуной эссенціи покончить съ жизнью, которая только что развертывалась.

То же глубокое и страстное отношеніе къ религознымъ исканіямъ мы наблюдаемъ въ народной средѣ. Конечно, эти исканія начались не со вчерашняго дня.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество начало сознавать себя, оно не переставало мучиться надъ рѣшеніемъ проблемъ о цѣли и смыслѣ жизни, о назначеніи человѣка, о томъ, что ждетъ его за гробомъ, о началѣ и концѣ міра и т. д. Идуть вѣка, тысячелѣтія, а эти вѣчные вопросы остаются попрежнему нерѣшенными, такъ какъ ни опытная наука, ни философія не чувствуютъ себя въ силахъ дать на нихъ отвѣты. И вотъ, покинутые наукой, вопросы этого порядка всецѣло остаются во власти религіи, во власти мистицизма.

Добрыя отношенія, существовавшія нѣкогда между наукой и религіей, какъ извѣстно, давно уже нарушены. Религозные люди все рѣже и рѣже встрѣчаются въ рядахъ крупныхъ ученыхъ. Едва ли

не послѣднимъ изъ нихъ былъ знаменитый англійскій физикъ и химикъ Фарадей, отличавшійся глубокой религозностью. Какъ говорятъ, онъ даже состоялъ чѣмъ-то въ родѣ пресвитера въ одной изъ англійскихъ религозныхъ сектъ. Когда ему выражали удивленіе по этому поводу, то онъ обыкновенно объяснялъ это такъ:—«Когда я вхожу въ лабораторію,—я закрываю двери моленной; когда я вхожу въ моленную, я закрываю двери лабораторіи».

Но людей, которые, подобно Фарадею, умѣли примирять и согласовать глубокія религозные убѣжденія съ дѣятельностью въ области точныхъ наукъ, съ теченіемъ времени становится все меньше. Все чаще и чаще появляются ученые, которые исповѣдуютъ убѣжденіе о полной несовмѣстимости науки и религіи. Эта мысль, между прочимъ, была вполне опредѣленно, хотя рѣзко и грубо, формулирована извѣстнымъ французскимъ ученымъ Наке, провозгласившимъ: «Какъ только наука дѣлаетъ шагъ впередъ, Богъ отступаетъ на шагъ назадъ».

Однако несмотря на побѣдоносное движеніе науки, особенно въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій,—религозная, мистическая идея попрежнему живетъ въ сердцахъ огромной части современнаго человѣчества. Но этого мало. Рядомъ съ религіей,

вѣрой всегда идти суевѣріе. И вотъ мы видимъ, что многіе даже передовые, выдающіеся умы и таланты близкой къ намъ эпохи были не свободны отъ суевѣрій—въ той или другой формѣ. Вальтеръ-Скоттъ вѣрилъ въ «Абракадабру», т. е. въ особенную, таинственную силу этого слова. Пушкинъ вѣрилъ въ примѣты: заяцъ, перебѣжавшій ему дорогу, заставилъ его повернуть обратно въ село Михайловское и не ѣздить въ Петербургъ, куда онъ было отправился и гдѣ въ то время подготавлился бунтъ декабристовъ.

Извѣстно суевѣріе Шопена. Онъ питалъ какой-то болѣзненный страхъ и ужасъ передъ цифрой 7: онъ никогда не бралъ квартиры въ домѣ съ номеромъ, въ который входила эта цифра, избѣгалъ быть седьмымъ въ обществѣ, ничего не предпринималъ 7-го числа и т. д. Въ объясненіе этого факта, одинъ изъ біографовъ Шопена говоритъ: «по странной случайности въ его жизни эта цифра дѣйствительно оказалась роковой; онъ познакомился съ Жоржъ Зандъ въ 1837 году и разошелся съ ней въ 1847 году»¹⁾. А извѣстно, какую огромную роль сыгралъ въ жизни Шопена его романъ съ Ж. Зандъ.

Суевѣріе Рубинштейна шло еще дальше: онъ боялся трехъ свѣчей въ комнатѣ, числа 13-ти, боялся пятницы, вѣрилъ въ разныя примѣты. Въ день одного изъ своихъ концертовъ онъ былъ крайне озабоченъ и обезпокоенъ тѣмъ, что графиня съ водой разбилась, что въ его глазахъ являлось дурнымъ предзнаменованіемъ. Какъ нарочно, въ этотъ вечеръ оркестръ сбился съ такта и принужденъ былъ остановиться. За годъ до своей смерти Рубинштейну пришлось жить въ домѣ подлѣ № 13. Это обстоятельство показалось ему несчастнымъ предзнаменованіемъ и онъ тогда же написалъ свое завѣщаніе и приготовилъ послѣднее изданіе своихъ произведеній.

Военный геній особенно часто уживается съ мистицизмомъ и даже съ грубымъ суевѣріемъ. Передъ каждымъ рискованнымъ дѣломъ Наполеонъ заглядывалъ въ имѣвшуюся у него гадательную книгу. Суевѣріе Скобелева слишкомъ хорошо извѣстно. Но едва ли не больше всего распространены суевѣрія въ артистической средѣ, особенно среди актеровъ и актрисъ. Можно указать цѣлый рядъ пользующихся широкой извѣстностью и славой артистовъ и артистокъ, которые вѣрили и вѣрятъ въ разныя нелѣпыя примѣты, предрасудки, предзнаменованія.

Послѣ этого можно-ли удивляться той толщѣ

¹⁾ „Ф. Шопенъ“, Л. К. Давыдовой. Спб., 1892 г., стр. 40.

всевозможныхъ суевѣрій, которая неизмѣнно окружаетъ существованіе обыкновеннаго, средняго, рядового обывателя, до сихъ поръ сохраняющаго вѣру и въ спиритизмъ, и въ магію, и въ хиромантію, и въ чернокнижіе и во всякаго рода чудеса...

II.

Въ разгаръ общественной борьбы, въ моменты политическихъ бурь такъ называемые «вѣчные» вопросы забываются, они отходятъ на задній планъ, о нихъ не говорятъ, на нихъ не сосредоточиваются.

Но какъ только проходятъ острые моменты социальныхъ грозъ, какъ только смолкаютъ боевыя тревоги—немедленно же всплываютъ наружу эти вѣчныя проблемы, эти тайны бытія, скрытыя отъ человѣческаго ума загадки жизни и смерти.

И вотъ людей, въ которыхъ всегда живетъ жажда жизни, жажда безсмертія, въ которыхъ постоянно клокочетъ возмущеніе противъ случайности жизни, противъ неизбежности могилы,—мучительно охватываетъ желаніе если не проникнуть, то хотя заглянуть въ эти бездонныя глубины, таинственно зіяющія во мракъ вѣковъ. Эти загадочныя бездны неудержимо влекутъ къ себѣ воображеніе людей пытливыхъ, страстныхъ.

Трудно указать поэта, который бы такъ или иначе не отозвался на эти вѣчные вопросы. Жизнерадостный Гейне, жившій полной жизнью, испытывшій страстныя и глубокія увлеченія идей, отдававшійся и революціонной борьбѣ и прожигающую жизни въ мимолетныхъ романахъ,—ярко и граціозно отмѣтилъ эти вѣчныя, мучительныя исканія смысла жизни.

Глухою ночью, на берегу бушующаго моря, стоитъ юноша, грустный, задумчивый, «полный сомнѣній». Съ тяжелой тоскою въ сердцѣ онъ обращается къ волнамъ:

О, разрешите мнѣ жизни загадку,
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ!..
Столько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
Столько имъ муки принесъ!..

Кто-же рѣшитъ мнѣ, что тайно отъ вѣка?
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?
Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?

Какаясь волны съ ихъ шумомъ обычнымъ,
Вѣтеръ несетъ и тучи несетъ,
Звѣзды мерцаютъ въ безстрастн. холодномъ...
Вѣдн. безумецъ отвѣта все ждетъ.

Этотъ безумецъ—все мыслящее челоѣчество...
Съ тѣхъ поръ, какъ появилось это стихотвореніе.
прошло три четверти вѣка, въ теченіе которыхъ
наука получила огромное развитіе, реализмъ сдѣ-

лалъ колоссальныя успѣхи, разбивъ и разсѣявъ много всякаго рода иллюзій и суевѣрій. Однако и сейчасъ тайны, окутывающія человѣческую жизнь, какъ и мировую жизнь вселенной, не разсѣялись, и люди по прежнему столь же мучительно и столь же напрасно ждуть отвѣта на «вѣчные», «тревожные и страшные» вопросы. И потому возгласъ, вырвавшійся изъ груди современнаго намъ поэта:

Весь миръ есть глубокая тайна!

находить откликъ въ душѣ человѣка XX столѣтія.

Умъ, научно дисциплинированный, усвоившій себѣ методы точнаго знанія, обыкновенно покорно останавливается на тѣхъ граняхъ, которыя указываютъ ему предѣлы для человѣческой мысли. Съ грустью онъ покоряется неизбежной необходимости и старается утѣшить себя мыслью, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ знанія и культуры рано или поздно наступитъ такой моментъ, когда явится возможность разрѣшать эти проблемы.

Но люди сердца и чувства по преимуществу не мирятся на этомъ и смѣло вступаютъ на тотъ скользкій путь догадокъ, гипотезъ и откровеній, который фатально, роковымъ образомъ, приводитъ ихъ въ туманную и загадочную область мистицизма. Самыя проявленія и формы мистицизма бываютъ разнообразны до бесконечности.

Доведенный до крайности, мистицизмъ обнаруживаетъ отрицательное, презрительное, иногда прямо враждебное отношеніе къ земной жизни, ея интересамъ, къ нуждамъ людей и ихъ стремленіямъ. Все это въ глазахъ такого мистика не имѣетъ ровно никакой цѣны, все это для него замѣняется пареніемъ къ небу, стремленіемъ къ Богу и къ вѣчной, загробной жизни, въ которую онъ вѣритъ непоколебимо и по сравненію съ которой земная жизнь представляется такой ничтожной, мелкой, незначительной.

Яркимъ и типичнымъ образчикомъ такого именно крайняго и односторонняго развитія мистицизма является то душевное состояніе, до котораго дошелъ Гогель въ послѣдніе годы своей жизни, когда гениальный сатирикъ—отецъ и родоначальникъ реалистической школы,—подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ мистицизма, пересталъ понимать потребности дѣйствительной жизни, нужды и стремленія живыхъ людей, и весь ушелъ въ аскетизмъ чисто монашескаго, средневѣковаго характера.

Но, съ другой стороны, исторія разныхъ эпохъ и различныхъ народовъ представляетъ много такихъ примѣровъ, когда несомнѣнные мистики не только не порывали своихъ связей съ реальными условіями современной имъ дѣйствительности, но наоборотъ, энергически и настойчиво преслѣдовали чисто жиз-

ненные задачи и самоотверженно дѣйствовали въ интересахъ народныхъ массъ.

Позволю себѣ указать два-три примѣра. Знаменитый Фома Мюнцеръ былъ не только мистикъ, но и духовидецъ, что однако нисколько не мѣшало ему горячо преслѣдовать вполне реальныя задачи и цѣли, въ качествѣ вождя крестьянскихъ массъ. Полныя жгучей страсти рѣчи Мюнцера, несмотря на ихъ мистическую оболочку, дышали плотью и кровью.

Несомнѣнный религиантъ аббатъ Ламеннэ, проповѣдникъ евангельскаго коммунизма, въ эпоху революціи 1848 года, имѣлъ огромное вліяніе на населеніе и долгое время пользовался громкой популярностью во Франціи. Его увлекательно написанное знаменитое «Письмо вѣрующаго къ народу» выдержало сотни изданій и читалось современниками съ захватывающимъ интересомъ. Въ исторіи русскаго раскола также можно встрѣтить немало явленій, если не по размѣрамъ, то по характеру болѣе или менѣе аналогичныхъ съ только что приведенными примѣрами. Укажу на личность вожака казанскихъ раскольниковъ Антона Петрова, вызвавшего въ началѣ 60-хъ годовъ извѣстное народное движеніе въ селѣ Безднѣ, Казанской губерніи. Наконецъ среди участниковъ послѣдняго освободи-

тельнаго движенія въ Россіи можно указать не мало завѣдомыхъ и несомнѣнныхъ мистиковъ.

III.

Религиозныя исканія захватываютъ и увлекаютъ людей, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ интеллектуальнаго развитія и соціальной лѣстницы. Нерѣдко исканія религиозно-этического или религиозно-философскаго характера властно завладѣваютъ психологіей людей, которые стоятъ на самыхъ вершинахъ человѣческой культуры. XIX-й вѣкъ полонъ такихъ примѣровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вспомните имена: Мицкевича, Гоголя, Рѣскина, Льва Толстого, Достоевскаго, Владимира Соловьева. Цѣлая плеяда гениальныхъ писателей, рѣзко и безповоротно порвавшихъ съ материализмомъ, а нѣкоторые изъ нихъ и съ позитивной философійю, съ той философійю, которая въ теченіе послѣдняго полустолѣтія являлась и до сихъ поръ является, безъ сомнѣнія, господствующей среди цивилизованнаго общества.

На живучесть религиознаго чувства, на растущую въ культурномъ обществѣ потребность въ религіи указывалъ, между прочимъ, и покойный Н. К. Михайловскій, за нѣсколько лѣтъ до своей смерти.

«Потребность въ религіи,—пишетъ онъ,—постоянно давала и даетъ себя знать въ европейскомъ обществѣ, хотя мы и не знаемъ ни одного опыта, дѣйствительно удовлетворяющаго ее. Потребность эта сказывается и въ Робеспьеровской «религіи разума» и въ «религіи человечества» Огюста Конта и въ «религіи морали» «общества нравственной культуры», и въ нео-буддизмѣ «теософическаго общества» и въ магизмѣ и прочихъ *petites religions de Paris* декадентовъ, и въ увлеченіи ученіемъ Толстого, и въ «религіи красоты» Рескина и въ конгрессѣ религіи въ Чикаго...¹⁾).

Эти указанія покойнаго писателя можно было бы значительно пополнить многими другими фактами и явленіями какъ русской, такъ и западно-европейской и американской жизни послѣдняго времени, несомнѣнно доказывающими, насколько глубоко коренится въ человѣческомъ сознаніи религіозное чувство и какъ велика въ современномъ обществѣ потребность въ религіи.

Между прочимъ, въ Россіи эта потребность проявляется съ особенной интенсивностью и настойчивостью, захватывая не только широкіе слои народной массы,—гдѣ съ давнихъ поръ кишатъ

¹⁾ «Отрывки о религіи». Н. К. Михайловскаго. „Русское Богатство“, 1901 г. № 9.

всевозможныя религіозныя секты,—но по временамъ и общество, и интеллигенцію. Такъ было, напри- мѣръ, въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія, когда религіозно-этическая проповѣдь графа Л. Н. Толстого глубоко всколыхнула русское общество и приковала его вниманіе къ вопросамъ религіи и этики. Затѣмъ идеи и взгляды Толстого проникли въ народную среду и здѣсь,—по увѣренію отчетовъ г. обер-прокурора святѣйшаго синода,—получили широкое распространеніе, главнымъ образомъ среди нашихъ религіозныхъ отщепенцевъ-сектантовъ и старообрядцевъ. Одновременно съ проповѣдью Толстого, шла дѣятельность Владиміра Соловьева, который также находилъ свою аудиторію, своихъ послѣдователей.

Въ Россіи мы можемъ наблюдать, какъ религіозныя исканія проникаютъ иногда даже въ среду социалистической и радикальной молодежи, которая въ большинствѣ обыкновенно остается почти совершенно чуждой и равнодушной къ вопросамъ и задачамъ религіознаго характера. Но отъ времени до времени идея обновленія человѣчества при помощи религіи вдругъ проникаетъ въ среду активныхъ и боевыхъ элементовъ молодежи и находитъ тамъ послѣдователей изъ числа весьма видныхъ и крупныхъ представителей политическихъ кружковъ и партій.

Такъ было, напримѣръ, въ 70-хъ годахъ, въ самый разгаръ «хожденія въ народъ», когда вдругъ возникло ученіе «богочеловѣковъ», провозглашенное бывшимъ каракозовцемъ А. К. Маликовымъ, находившимся передъ тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ ссылкѣ въ Архангельской губерніи. Въ числѣ наиболѣе убѣжденныхъ послѣдователей этого ученія былъ основатель знаменитаго кружка «чайковцевъ», кандидатъ петербургскаго университета Николай Васильевичъ Чайковскій, а также нѣкоторые другія лица, какъ напримѣръ, офицеръ Аятовъ, студентъ-медикъ С. А. Клячко, кандидатъ университета В. И. Алексѣевъ и многіе другіе.

Ученіе Маликова до сихъ поръ еще не выслано въ печати должнымъ образомъ. Попытка г. Фаресова—явно неудачная—дать изложеніе этого ученія въ «Вѣстникѣ Европы»¹⁾ вызвала со стороны Н. В. Чайковскаго рѣзкое возраженіе; но опровергая свѣдѣнія, приведенныя г. Фаресовымъ, онъ, къ сожалѣнію не сообщилъ, въ чемъ именно состояло, по его мнѣнію, ученіе о «богочеловѣчествѣ».

Базельскій профессоръ Тунъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ о революціонномъ движеніи въ Россіи, посвящаетъ Маликову и его ученію лишь нѣ-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1904 г. № 9.

сколько строчекъ, которыя очень мало уясняютъ дѣло. Болѣе опредѣленные свѣдѣнія по этому поводу сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшій пилсбургецъ М. Ф. Фроленко. По его словамъ, Маликовъ велъ «горячую проповѣдь о возрожденіи людей путемъ вѣры въ то, что люди—боги, что стоитъ людямъ повѣрить въ это (найти въ себѣ бога,—какъ выражались тогда) и съ нихъ спадетъ гора всѣхъ порочныхъ страстей и чувствъ, и они превратятся въ непорочныхъ агнцевъ, неспособныхъ ни на что злое, дурное. Міръ быстро обновится и на землѣ водворится земной рай»¹⁾.

Затѣмъ въ недавнее время можно было наблюдать, какъ религиозныя идеи проникли даже въ среду послѣдователей историческаго матеріализма и увлекли за собой лицъ, только что передъ тѣмъ игравшихъ выдающуюся роль въ дѣлѣ распространенія марксизма въ Россіи. (С. Н. Булаковъ, Н. А. Бердяевъ и многіе другіе). Явленіе это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что рѣзко отрицательное отношеніе социаль-демократіи къ религіи вообще и къ христіанству въ частности не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію.

¹⁾ „Минувшіе годы“, 1908 г. № 7, „Изъ далекаго прошлаго“ М. Ф. Фроленко.

IV.

Бываютъ эпохи, когда религіозно-мистическія исканія захватываютъ все общество, начиная съ самыхъ верховъ и кончая самыми низами. Такъ было, напримѣръ, у насъ сто лѣтъ тому назадъ, когда во главѣ мистическаго движенія стоялъ самъ императоръ Александръ I, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ ближайшихъ сановниковъ.

Масонство съ его философско-мистической доктриной получило тогда широкое распространеніе въ средѣ высшаго и средняго класса. Параллельно съ масонствомъ въ обществѣ того времени быстро распространялся піэтизмъ, еще ранѣе проникшій къ намъ изъ Германіи. «Въ грубой массѣ тогдашняго общества, не думавшей ни о какихъ отвлеченно-стяхъ,—писалъ А. Н. Пыпинъ,—піэтисты и мистики являлись все-таки людьми съ какимъ бы то ни было убѣжденіемъ, которое имѣло свой элементарный смыслъ. Но по мѣрѣ того, какъ піэтизмъ заручался могущественными покровителями, онъ быстро утрачивалъ свой прогрессивный характеръ, мало-помалу переходилъ на сторону ожесточенной реакціи и при первой возможности начиналъ преслѣдованія противъ науки, университетовъ, литературы».

Быстрое развитіе піэтизма въ русскомъ обществѣ

слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ нашель у насъ благоприятную для себя почву, подготовленную разными мистическими ученіями хлыстовскаго характера. Эти ученія — какъ увидить далѣе читатель—были сильно распространены у насъ въ XVIII вѣкѣ не только среди «простонародья», но и въ высшихъ общественныхъ слояхъ. Изъ архивныхъ дѣлъ XVIII столѣтія можно видѣть, что къ хлыстовской сектѣ, напримѣръ, въ то время принадлежали «многіе князья, бояре, боярыни и другіе разныхъ чиновъ помѣщики и помѣщичи».

Разные люди-божьи, хлысты, юродивые всегда находили радушный пріютъ въ барскихъ домахъ и усадьбахъ того времени. Съ развитіемъ въ Россіи масонства и піэтизма высшее общество начинаетъ охлаждать къ хлыстовщинѣ въ тѣхъ примитивныхъ формахъ, которыя культивировались народомъ, и переноситъ свои симпатіи на «Орденъ вольныхъ каменщиковъ», на «союзъ братства» Татариновой, на секту полковника Дубовицкаго и т. д. Разумѣется, это сдѣлалось не вдругъ, такъ какъ долгое время послѣдователи мистическихъ сектъ, возникшихъ въ высшихъ петербургскихъ кругахъ, шли рука объ руку съ доморощенными хлыстами, «сѣрыми» и «бѣлыми голубями».

Въ это самое время въ низахъ и пѣдрахъ народа происходило крупное мистическое движеніе, выразившееся въ сильномъ распространеніи хлыстовщины и скопчества—секты «сѣрыхъ» и «бѣлыхъ голубей». Императоръ Александръ, а также министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Головинъ внимательно и съ полнымъ сочувствіемъ относились ко всѣмъ этимъ сектамъ, не исключая и скопцовъ.

Знаменитый Кондратій Селивановъ, «живой Богъ» скопцовъ, открыто и свободно жилъ въ Петербургѣ, въ домѣ богатыхъ купцовъ Ненастевыхъ. Здѣсь его постоянно навѣщали великосвѣтскія дамы, сановники, министры, различные придворные чины, гвардейскіе офицеры и т. д. Однажды его посѣтилъ даже самъ императоръ. Это было въ 1805 году, передъ отъѣздомъ въ армию, отправляющуюся въ Австрію для дѣйствій противъ Наполеона. «Тогда говорили, что государь испрашивалъ благословенія Селиванова, но не получилъ его, такъ какъ «Искушитель» предвидѣлъ неудачный походъ войны»¹⁾. У скопцовъ до сихъ поръ сохраняются стихи, въ которыхъ описывается это событіе.

Невольно возникаетъ вопросъ: что-же привле-

¹⁾ Н. Ф. Дубровинъ: „Наши мистики-сектанты“, „Русск. Старина“, 1895 г. № 10, стр. 36.

каетъ въ эти секты людей самыхъ различныхъ общественныхъ положеній и стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ интеллектуальнаго развитія? Что именно влечетъ всѣхъ этихъ людей на таинственныя собранія послѣдователей нашихъ мистическихъ сектъ?

Конечно, уже одна таинственность этихъ собраній сама по себѣ не можетъ не возбуждать въ публикѣ извѣстнаго любопытства и интереса къ нимъ. Но, разумѣется, не этимъ только объясняется дѣло. По нашему мнѣнію, главнымъ магнитомъ, который больше всего привлекаетъ людей въ наши мистическія секты хлыстовскаго характера, являются тѣ радѣнія и пророчества, которыя составляютъ отличительную характерную особенность этого рода сектъ.

Радѣнія вызываютъ религіозный экстазъ, дѣйствующій на участниковъ возбуждающимъ и ослѣпляющимъ образомъ. Подъ вліяніемъ экстаза, отдѣльныя лица, чувствуя на себѣ наитіе св. духа, начинаютъ пророчествовать. Самыя формы радѣній, какъ и проявленія экстаза бываютъ въ высшей степени разнообразны.

Изъ дневника принадлежавшаго къ сектѣ Татариновой извѣстнаго художника-академика начала XIX вѣка В. А. Боровиковскаго можно видѣть, что

онъ съ большимъ увлеченіемъ и постоянствомъ предавался радѣніямъ, которыя происходили въ этой сектѣ. («До обмороковъ» — по словамъ его друзей). Въ то же время онъ очень высоко цѣнилъ пророчества, которыя тамъ произносились, особенно пророчества самой Ек. Фил. Татариновой.

Дамы на эти радѣнія являлись въ бѣлыхъ платьяхъ, а мужчины одѣвали бѣлые халаты. Самыя радѣнія, по словамъ участниковъ, состояли изъ «святого плясанія» и «какъ бы духовнаго вальса». Изъ писемъ другого члена секты Татариновой генералъ-лейтенанта Е. А. Головина видно, что онъ больше всего на свѣтѣ цѣнилъ пророческое слово Екатерины Филипповны.

По объясненію самой Татариновой, радѣнія имѣли цѣлью ослабленіе и умерщвленіе плоти. Точно такое же объясненіе даютъ своимъ радѣніямъ и наши хлысты. Въ видахъ «утомленія плоти» они поютъ, кричатъ, топя ногами въ тактъ, бѣгаютъ, скачутъ, пляшутъ, вертятся на одной ногѣ по солнцу, прыгаютъ, кружатся до потери сознанія и т. д.

Необходимо, однако, признать, что формы и характеръ мистическихъ радѣній и сопровождающаго ихъ религіознаго экстаза, психологія, а также фізіологическая подбладка этихъ явленій до сихъ поръ не выяснены въ достаточной степени ни нашими

врачами, ни нашими психологами. Объ этомъ нельзя, конечно, не пожалѣть особенно въ виду необыкновенно быстрого распространенія у насъ секты и ученій мистическаго характера.

Необходимо пожелать, чтобы хлыстовскія радѣнія были описаны вполне безпристрастными и компетентными очевидцами. Духовные же писатели передаютъ объ этихъ радѣніяхъ по наслышкѣ, съ чужихъ словъ, не рѣдко изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, поэтому основываться на ихъ сообщеніяхъ совершенно не представляется возможнымъ.

На этотъ разъ, однако, мы не будемъ описывать здѣсь радѣнія хлыстовскаго характера, а лицамъ, желающимъ ближе ознакомиться съ этимъ бесспорно чрезвычайно интереснымъ явленіемъ религіозной жизни, рекомендуемъ недавно появившееся изслѣдованіе г. Коновалова: «Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ»¹⁾. Но мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей на одну сторону этого явленія, которая чаще всего освѣщается духовными писателями совершенно произвольно, съ явнымъ искаженіемъ истины.

Я имѣю въ виду тѣ очень распространенные у насъ рассказы, толки и легенды о чудовищномъ развратѣ, который, якобы царитъ въ средѣ послѣдова-

¹⁾ Сергіевъ Посадъ, 1908 г.

телей русской хлыстовщины, о «свальномъ грѣхѣ», которымъ будто бы всегда заканчиваются всѣ ихъ радѣнія и т. д.

По этому поводу я прежде всего долженъ замѣтить, что хлыстовщина не представляетъ собою чего-нибудь однороднаго, однообразнаго, а состоитъ изъ множества различныхъ развѣтвленій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои существенныя и отличительныя особенности. Есть и такія отрасли хлыстовщины, въ которыхъ никакихъ радѣній никогда не бываетъ. Затѣмъ можно указать секты хлыстовскаго характера, въ которыхъ хотя и происходятъ радѣнія, но они не заключаютъ въ себѣ ничего экстравагантнаго.

Далѣе необходимо имѣть въ виду, что въ хлыстовщину идутъ обыкновенно наиболѣе религіозные, наиболѣе вѣрующіе и набожные люди, люди, жаждущіе откровеній и общеній съ Богомъ, т. е. того, что составляетъ самую суть религіи, какъ таковой. Настроенные самымъ возвышеннымъ образомъ, люди эти стремятся всячески бороться со своими инстинктами, стараясь по возможности умерщвлять свою плоть продолжительнымъ постомъ ¹⁾ и частыми изнурительными радѣніями.

¹⁾ Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, хлысты извѣстны подъ именемъ „постниковъ“.

При этихъ условіяхъ, по меньшей мѣрѣ, несправедливо изображать собранія хлыстовъ въ видѣ какихъ-то безобразныхъ вакханалій и разнузданныхъ оргій, въ родѣ тѣхъ, которыя еще такъ недавно устраивались у насъ разными «лигами свободной любви» и кружками, ставящими своимъ единственнымъ девизомъ: «лови моментъ»! отождествлять хлыстовъ съ участниками подобныхъ оргій, ставить ихъ на одну доску съ разными «огарками» и «саинцами» — прямо недобросовѣстно.

Говоря все это, мы однако, какъ нельзя болѣе далеки отъ желанія отрицать то, безъ сомнѣнія, очень крупное значеніе, какое имѣетъ половой элементъ въ жизни послѣдователей секты хлыстовскаго характера. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы имѣли случай подчеркнуть эту мысль въ своемъ рефератѣ о значеніи сектанства, прочитанномъ въ Географическомъ обществѣ и иллюстрировать ее разными фактами и наблюденіями.

Мы тогда же доказывали, что вопросы пола играютъ большую роль въ развитіи сектъ мистическаго характера. Многія мелкія секты, какъ напримѣръ: «Любушкино согласіе», «поцѣлуйки», «секта лобызающихся» ¹⁾ и т. д. даже своими названіями

¹⁾ „Секта лобызающихся“ была обнаружена въ концѣ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ г. Новочеркасскѣ и въ

указывают на тѣ черты, которыя особенно бросались въ глаза постороннимъ наблюдателямъ и которыя, по ихъ мнѣнію, составляютъ основной мотивъ, главную особенность этого рода сектъ. Известно, что и въ настоящее время пощѣлуи и объятія въ большомъ ходу въ нѣкоторыхъ развѣтвленіяхъ хлыстовщины.

Но при изученіи роли полового элемента въ мистическихъ сектахъ необходимо подойти къ этому явленію совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ это дѣлаютъ наши миссіонеры и другіе изболитители хлыстовскаго «разврата». Этими болитителямъ прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду тотъ вполне установленный фактъ, что религіозная экзальтація нерѣдко совершенно неожиданно влечетъ за собою возбужденіе полового инстинкта. Этотъ фактъ признается и представителями православной церкви, которые не разъ съ огорченіемъ должны были констатировать,

ближайшихъ къ нему станицахъ. Это были остатки известной „библейской секты“ есаула Котельникова. Главнымъ руководителемъ секты лобызавшихся былъ отставной чиновникъ кавказской казенной палаты, коллежскій ассесоръ Никольскій. Въ числѣ послѣдователей его значились два казацкихъ урядника, двѣ дѣвицы изъ офицерскихъ дѣтей, казаки, казачки и т. д. Собранія этихъ сектантовъ, бывшія всегда по вечерамъ, проходили обыкновенно въ молитвахъ и пѣніи духовныхъ стиховъ; это продолжалось до 10 часовъ вечера; затѣмъ всѣ цѣловались другъ съ другомъ — „лобызались во Христа“.

что даже самый искренній молитвенный подвигъ иногда сопровождается и смѣняется побужденіями чисто эротическаго характера... Должно быть дѣйствительно справедливо старинное изреченіе: гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно.

Но здѣсь мы входимъ въ область такихъ психофизиологическихъ явленій, сущность которыхъ до сихъ поръ выяснена очень мало,—къ область, гдѣ религія переходитъ въ эротику. Эта область, эти явленія ждутъ еще своихъ безпристрастныхъ и компетентныхъ изслѣдователей.

V.

Необходимо констатировать, что въ періоды общественаго подъема и возбужденія, а также въ эпохи, непосредственно слѣдующія за такими подъемами—религіозное броженіе, происходящее въ народѣ, всегда замѣтно усиливается и обостряется. Такъ было, напримѣръ, въ началѣ 60-хъ годовъ, наканунѣ и вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостнаго рабства; такъ было въ началѣ 80-хъ годовъ, въ эпоху борьбы «народной воли» и послѣ катастрофы 1 марта 1881 года,—и наконецъ то же самое мы наблюдаемъ и сейчасъ, послѣ только что пронесягося надъ страной жестокаго и грандіознаго политическаго урагана.

Еще недавно всѣ газеты обошло извѣстіе о томъ, что „въ синодѣ получены свѣдѣнія, констатирующія, не смотря на усиленную миссіонерскую дѣятельность, увеличеніе числа различныхъ сектъ». И дѣйствительно, мы видимъ, какъ напряженно и страстно проявляются теперь религіозныя исканія въ средѣ трудового народа, среди крестьянства и низовъ городского населенія. Иначе, разумѣется, и быть не могло.

Событія послѣднихъ лѣтъ, взволновавъ и возбуждивъ народную мысль, народное сознаніе даже въ самыхъ глухихъ, въ самыхъ захолустныхъ углахъ Россіи, произвели, конечно, глубокіе надломы, оставили неизгладимые слѣды въ психикѣ народа, какъ рабочихъ массъ, такъ и крестьянства.

Глубокій переворотъ, совершившійся въ народномъ сознаніи, захватилъ не только политическіе и социальныя интересы, но и область религіи, область вѣры—уже по одному тому, что въ сознаніи народа эти области, эти интересы всегда неразрывно переплетаются между собой.

Старья, наивныя вѣрованія, которыя давно уже пошатнулись, теперь распадаются по всѣмъ швамъ. Объ этомъ въ одинъ голосъ говорятъ всѣ, кто только близко стоитъ къ народу, и, прежде всего, конечно, лица заинтересованныя: священники, миссіонеры, духовенство.

— Оскудѣла вѣра!. Пала вѣра въ народъ!..— вотъ что слышится теперь со всѣхъ сторонъ.

Недавно одинъ петербургскій священникъ публично заявилъ, что за послѣдніе годы православныя церкви опустѣли на половину.

— Не все вѣрой, надо и мѣрой,—говорятъ крестьяне. И эту пословицу, произносимую обыкновенно съ глубокимъ убѣжденіемъ, намъ приходилось слышать въ послѣдніе годы въ самыхъ глухихъ углахъ Россіи.

Сильное развитіе раціоналистическихъ сектъ въ народѣ намъ уже не разъ приходилось отмѣчать и раньше, въ своихъ прежнихъ работахъ. Но теперь мы должны установить, что рядомъ съ раціоналистическимъ движеніемъ въ народѣ идетъ необыкновенно быстрое и широкое распространеніе разнаго рода сектъ мистическаго характера. Особенно хлыстовщина дѣлаетъ огромные успѣхи въ разныхъ концахъ Россіи: въ среднемъ Поволжьи, на сѣверномъ Кавказѣ, во многихъ центральныхъ губерніяхъ, въ Новороссіи и т. д.

Религіозныя исканія въ народной средѣ все равно—мистическаго или раціоналистическаго отбѣнка—прежде всего неразрывно связываются съ запросами этического характера. И эта связь отражается самымъ осязательнымъ образомъ на жизни

самихъ искателей, на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, на всемъ строѣ ихъ личной, семейной, а иногда и общинной жизни.

Увлечение религиозной идеей здѣсь всегда влечетъ за собою извѣстное этическое обновленіе человѣка. Подъ вліяніемъ новаго религиознаго сознанія, человѣкъ перерождается нравственно. Вчерашній пьяница и забулдыга становится трезвымъ человѣкомъ, серьезно относящимся къ жизни и людямъ. Сухой и жесткій эгоистъ, заботившійся только о собственныхъ узко личныхъ интересахъ, о собственномъ теплѣ и сытости, вдругъ начинаетъ думать о ближнихъ, начинаетъ проявлять вниманіе и заботливость о тѣхъ людяхъ, съ которыми сталкиваетъ его судьба, начинаетъ проявлять къ нимъ мягкое и любовное отношеніе.

И вотъ мы видимъ, что въ семьѣ такого «сектанта» — ярлыкъ, который неизмѣнно присваивается такому «искателю» предрержащими властями — водаряется миръ и любовь. Мужъ не колотитъ жены, въ семьѣ не слышно брани, ссоръ, грубыхъ ругательствъ, которыя такъ обычны въ крестьянской и рабочей средѣ. Въ избѣ становится чисто, опрятно; появляются книжки.

Правда въ избахъ этихъ людей очень часто недостаетъ иконъ, лампадокъ, и тому подобныхъ атри-

бутовъ православія. Правда, нерѣдко эти люди перестаютъ ходить въ церковь, стараются порвать всякія отношенія съ духовенствомъ, не совершаютъ установленныхъ требъ и т. д. Но все это отнюдь не мѣшаетъ этимъ людямъ проникаться глубокимъ религиознымъ настроеніемъ.

Но этимъ дѣло не ограничивается. Люди обновленные новымъ религиознымъ сознаніемъ, нерѣдко пытаются перестроить всю свою жизнь, согласно новаго ученія, новыхъ идей, усвоенныхъ ими. Вслѣдствіе этого въ нашемъ сектантствѣ постоянно происходили и происходятъ попытки созданія новыхъ формъ жизни — семейной, общественной, социальной.

Всѣ самыя сложныя, самыя важныя проблемы личной, семейной и социальной жизни эти люди надѣются разрѣшить при помощи религіи, при посредствѣ ученія Христа. На основаніи Евангелія они пытаются построить всѣ свои отношенія къ людямъ, къ обществу, къ государству. Исходя изъ ученія Христа, они пытаются перестроить свою семью, свою общину, весь строй своей жизни.

Черезъ весь нашъ расколъ, черезъ все наше сектанство красной нитью проходятъ постоянныя стремленія по своему, по новому разрѣшить или по крайней мѣрѣ, упростить самыя трудныя, самыя сложныя проблемы жизни, проблемы брака и семьи,

проблемы пола, наконецъ проблемы труда и личной собственности въ особенности земельной.

Если съ этой точки зрѣнія мы посмотримъ на русское сектантство, то для насъ выяснятся очень многія явленія русской религиозной жизни, которыя до сихъ поръ являлись мало понятными и неясными.

Такъ, напримѣръ, тѣ многочисленные толки, которые постоянно возникали среди безпоповщинскаго раскола, всѣ эти «брачники», «безбрачники», «новожены» и т. п. Что это такое, какъ не попытки такъ или иначе разрѣшить семейный вопросъ, вопросъ брака вопросъ о реорганизаціи семьи?

Подходя къ этому явленію съ соціальной точки зрѣнія, необходимо прежде всего обратить вниманіе на тѣ общины и коммуны, которыя создавались и создаются послѣдователями разныхъ русскихъ сектъ. Не оставиваясь на старообрядческихъ скитахъ, въ которыхъ скитники «житейскимъ житіемъ жили», слѣдуетъ указать на идеальныя коммуны секты общихъ, которыя въ 40-хъ годахъ были организованы на Кавказѣ сектантами, сосланными туда изъ Самарской губерніи. Эти коммуны были въ свое время подробно описаны покойнымъ С. В. Максимовымъ.

Общины шундистовъ, хлыстовъ, шалопутовъ подробно описывались Я. В. Абрамовымъ, известнымъ

статистикомъ Ф. А. Щербиной, г. Пономаревымъ и другими лицами. Первый изъ нихъ наблюдалъ эти общины въ Терской области и въ Ставропольской губерніи, а послѣдній—въ Оренбургскомъ краѣ.

Какъ коммуны секты общихъ, такъ и другія сектантскія общины гибли главнымъ образомъ вслѣдствіе репрессій со стороны властей. Поэтому раскольники и сектанты всегда стремились «подальше отъ начальства», подальше отъ властей. И тамъ, гдѣ это имъ удавалось, какъ напримѣръ, въ Сибири,—ихъ общины всегда достигали замѣчательнаго благосостоянія и развитія.

Вынужденные политикою К. П. Побѣдоносцева покинуть Россію и переселиться въ Америку, русскіе духоворы—въ дали отъ станovýchъ приставовъ и земскихъ начальниковъ—сумѣли въ короткий срокъ организовать въ Канадѣ цвѣтуція и богатыя общины. Объ этихъ общинахъ не мало сообщалось въ русской печати В. Г. Таномъ, И. М. Трегубовымъ и другими лицами.

Всѣ эти многочисленные попытки реорганизаціи личной, семейной и общественной жизни представляють, безъ сомнѣнія, серьезный интересъ, такъ какъ являються результатомъ народной творческой мысли, непосредственнаго народнаго творчества.

VI.

Распространенное у нас мнѣніе о томъ, что религиозное сектантство составляетъ исключительную принадлежность темной, сѣрой массы и что разные религиозныя секты гнѣздятся лишь въ крестьянской средѣ и въ средѣ низовъ городского населенія, — какъ, вѣроятно, уже убѣдился читатель, — совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительности. Съ давнихъ поръ религиозныя исканія являются характерной чертой русскаго народа и не только его низовъ, т. е. крестьянства и рабочей массы, но и среднихъ, интеллигентныхъ и буржуазныхъ слоевъ, а также высшихъ и аристократическихъ круговъ. Эти исканія вызываются главнымъ образомъ, конечно, той полной религиозной неудовлетворенностью, которой издавна и одинаково страдали и страдаютъ какъ русскій народъ, такъ и русское общество.

Официальная или «господствующая» церковь, отъ которой уже цѣлые вѣка откололись многіе миллионы русскаго народа и которую старообрядцы, а за ними и славянофилы обыкновенно называли «казенной», давно уже перестала удовлетворять болѣе развитые и сознательные слои населенія. Что касается православнаго духовенства, то ни для кого, разумѣется, не секретъ, что въ огромномъ большин-

ствѣ оно совсѣмъ не пользуется довѣріемъ и расположеніемъ русскаго общества и народа.

При этихъ условіяхъ, религиозныя исканія и духовныя запросы, возникающіе въ разныхъ слояхъ русскаго народа, чаще всего отливаются въ форму ученій съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ антицерковнымъ направленіемъ, — ученій, которыя въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи обыкновенно принимаютъ характеръ секты. Этому какъ нельзя больше содѣйствуетъ та политика репрессій, которая съ давнихъ поръ практикуется у насъ духовными и гражданскими властями по отношенію ко всякаго рода религиознымъ разномысліямъ.

Разрастающееся сейчасъ, на нашихъ глазахъ, религиозно-мистическое движеніе точно также начинаетъ постепенно захватывать самые различные слои общества и народа. Въ интеллигентныхъ кругахъ снова появились массоны и мартинисты и число ихъ, какъ увѣряютъ, довольно быстро растетъ. Органы черной сотни, въ родѣ «Русскаго Знамени» усиленно кричатъ о проискахъ тайныхъ массоновъ и настойчиво требуютъ репрессій противъ массоновскихъ ложъ, преслѣдующихъ якобы политическія цѣли. По увѣренію гг. Дубровинныхъ и К^о, русскіе массоны начинаютъ все замѣтнѣе проявлять свою дѣятельность и оказывать свое вліяніе, особенно въ столицахъ.

Петербургскіе теософы организовались въ особый кружокъ, поставившій себѣ цѣлью изслѣдованіе „потусторонняго міра“, т. е. психическихъ явленій, въ родѣ гипнотизма, сновидѣній, спиритизма и т. д. Въ видахъ пропаганды своихъ идей, они начали издавать собственный органъ. Одно время въ Петербургѣ выходили даже два изданія, посвященныя вопросамъ теософіи: «Теософическое обозрѣніе» и «Вѣстникъ Теософіи». Члены кружка часто устраиваютъ лекціи, на которыхъ они выступаютъ противъ матеріализма и стараются примирить религію и науку, доказывая, что это „разные полюсы одной и той-же истины».

Далѣе, мы видимъ теперь, какъ религіозное чувство вспыхиваетъ въ такихъ людяхъ, которые, казалось, совсѣмъ освободились отъ него, усвоивъ позитивную или иную научную точку зрѣнія на всѣ явленія жизни. В. А. Даниловъ, напечатавшій въ «Быломъ» воспоминанія о своемъ революціонномъ прошломъ, прошлую зиму выступалъ въ Петербургѣ съ рефератами о необходимости созданія особаго общества «Духовнаго обновленія человѣчества», въ основу котораго долженъ быть положенъ принципъ «любви не только къ ближнему, но и къ дальнему».

Самая разнообразная публика, наполняла ауди-

торіи, въ которыхъ происходило чтеніе этихъ рефератовъ, внимательно прислушивалась къ преніямъ, закидывала лектора запросами и письмами по поводу его рефератовъ. Заинтересовавшись нашимъ рационалистическимъ сектанствомъ и желая стать къ нему возможно ближе, Даниловъ покинулъ Петербургъ и отправился къ кавказскимъ молоканамъ, среди которыхъ и поселился.

А вотъ случай еще болѣе поразительный. Заявившій себя въ области декадентской литературы ¹⁾ А. М. Добролюбовъ создаетъ какое-то религіозно-мистическое ученіе, уходитъ въ народъ, поселяется среди поволжскихъ сектантовъ и здѣсь находитъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей.

Міропониманіе Добролюбова, — насколько мнѣ удалось его усвоить, — весьма близко къ ученію Л. Н. Толстого. Отрицаніе насилія, любовь и братство всѣхъ людей — составляютъ главную сущность религіозно-этическихъ взглядовъ Добролюбова. Но есть и довольно существенная разница: взгляды

¹⁾ Ему принадлежитъ сборникъ стиховъ и книга подъ заглавіемъ: „Изъ книги невидимой“. Г. Добролюбовъ учился въ петербургскомъ университетѣ, прекрасно владѣетъ иностранными языками и, по отзыву такихъ компетентныхъ лицъ, какъ С. А. Венгеровъ, который зналъ его лично, — до тонкости знакомъ съ литературой европейскихъ народовъ.

Добролюбова окрашены вполнѣ опредѣленнымъ и яркимъ мистическимъ оттѣнкомъ, отъ котораго почти свободенъ нашъ геніальный писатель-моралистъ.

Добролюбовъ вѣритъ въ откровеніе, вѣритъ въ возможность непосредственнаго общенія съ невидимымъ міромъ, вѣритъ въ чудеса.

— Человѣку нужно только очиститься,—говорить онъ,—и тогда для него будутъ возможны и откровеніе и непосредственное общеніе съ духовнымъ, невидимымъ міромъ и чудеса... Толстой все хочетъ объяснить и понять холоднымъ разсудкомъ... Но откровеніе выше разума и потому мы должны стремиться достигнуть того состоянія, при которомъ будетъ возможно откровеніе.

Вотъ уже 5—6 лѣтъ, какъ г. Добролюбовъ живетъ среди народа, живетъ какъ простой мужикъ. Но онъ пользуется огромнымъ уваженіемъ всей округи, особенно же со стороны молоканъ, хлыстовъ и другихъ сектантовъ. По увѣренію лицъ, бывшихъ на мѣстѣ, всѣ эти сектанты очень высоко ставятъ его, какъ необыкновенную въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи личность.

—Братъ Александръ,—съ убѣжденіемъ сказалъ о немъ одинъ 80-лѣтній крестьянинъ,—это великій примѣръ!..

Нужно ли удивляться, что число его послѣдо-

вателей постоянно возрастаетъ и что онъ находитъ ихъ всюду, гдѣ только появляется.

И подобныхъ примѣровъ можно было бы привести не мало.

Законы 17 апрѣля и 17 октября 1905 года положили конецъ нелегальному существованію многихъ миллионовъ русскихъ людей, давно порвавшихъ съ господствующей церковью. До 1905 года жизнь этихъ людей протекала, можно сказать, внѣ закона. Теперь эти миллионы людей выходятъ изъ подполья,—выходятъ, конечно, не вдругъ, не сразу, а съ опаской, оглядкой и недовѣріемъ. (Это недовѣріе воспитывалось вѣками). Выходятъ и начинаютъ организоваться.

Издающійся въ Москвѣ старообрядческій церковно-общественный журналъ «Церковь» изъ номера въ номеръ велъ до самаго послѣдняго времени «перечень зарегистрированныхъ старообрядческихъ общинъ». По январь мѣсяць 1909 года такихъ обществъ оказывается было зарегистрировано болѣе 700. Но затѣмъ печатаніе этого перечня вдругъ оборвалось. Почему?.. Ужъ не опять ли на старыя позиціи—въ подполье?

Теперь въ рядахъ послѣдователей разныхъ сектъ все чаще и чаще появляются интеллигентные люди, съ высшимъ образованіемъ,—которые начи-

нають играть видную роль въ сектантскомъ мірѣ. Петербургскій врачъ А. С. Прохановъ издаетъ журналъ «Духовный Христіанинъ», который является органомъ послѣдователей рационалистической секты молоканъ. Его братъ, инженеръ И. С. Прохановъ редактируетъ журналъ «Христіанинъ», обслуживающій интересы «евангелическихъ христіанъ», т. е. баптистовъ и пашковцевъ.

При участіи интеллигентныхъ лицъ возникаютъ новыя религіозныя ученія, новыя секты, послѣдователи которыхъ организуются въ особыя общины. Таково ученіе «свободныхъ христіанъ», отрицающихъ не только авторитетъ церкви, но и авторитетъ Библии и руководящихся только голосомъ своей совѣсти.

Общины «свободныхъ христіанъ» организуются въ Петербургѣ, Москвѣ, Симбирскѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Изъ нихъ особенную дѣятельность проявляетъ петербургская община, выработавшая «основныя положенія», которыя въ литографированныхъ оттискахъ распространяются среди лицъ, сочувствующихъ этому начинанію. Къ общинѣ уже примкнуло немало лицъ какъ изъ интеллигенціи, такъ и изъ рабочихъ и ремесленниковъ. Инициатива этого движенія исходитъ главнымъ образомъ отъ «толстовцевъ».

Среди учащейся молодежи Петербурга недавно возникъ «С.-Петербургскій христіанскій кружокъ студентовъ и курсистокъ», присоединившійся къ «Всемирному христіанскому студенческому союзу», который существуетъ уже съ 1895 года ¹⁾. Въ разныхъ университетскихъ городахъ въ средѣ учащейся молодежи возникаютъ кружки, ставящіе своею цѣлью специальное изученіе исторіи религій. Другіе подобныя кружки заняты выясненіемъ «новаго религіознаго сознанія», трудятся надъ выработкой «синтеза религій», надъ созданіемъ «религій будущаго» и т. д. Въ Москвѣ пользуется извѣстностью религіозный кружокъ послѣдователей Владиміра Соловьева.

О дѣятельности «Религіозно-философскихъ обществъ», въ которой принимаютъ участіе многіе крупныя и видныя представители художественной литературы и журналистики—мы уже говорили выше. Напомнимъ здѣсь, что засѣданія этихъ обществъ всегда привлекаютъ массу публики и вызываютъ къ себѣ живой и все растущій интересъ со стороны различныхъ слоевъ населенія.

Къ чему приведутъ всѣ эти исканія? Въ какую

¹⁾ „Всемирный христіанскій студенческий союз“ въ январѣ 1908 года состоялъ изъ 2.000 мѣстныхъ союзовъ и 132.000 членовъ (студентовъ и профессоровъ).

форму отольются эти поиски, попытки и порыва-
нія? Удается ли имъ слиться въ одинъ общій
потокъ, достаточно могучій и глубокий по своему
внутреннему содержанію? Можетъ ли возникнуть
на почвѣ подобнаго рода исканій серьезное обще-
ственное движеніе реформаціоннаго характера, ко-
торое внесло бы обновленіе въ духовную жизнь
народа, которое освѣжило бы ту затхлую, удушли-
вую атмосферу, что вѣками скапливалась у насъ
въ области* религіи, въ интимной области вѣры,—
и которое помогло бы наконецъ намъ выйти изъ
того состоянія хаоса и распада, которое нестерпимо
гнететъ и давитъ всѣхъ насъ?..

Въ привилегированной средѣ.

Религіозныя движенія, извѣстныя у насъ подъ именемъ раскола, старообрядчества и сектантства, какъ прежде, такъ и въ настоящее время не ограничиваются одною народною средою, т. е. крестьянствомъ и рабочимъ людомъ, но проникаютъ также въ большей или меньшей степенѣ и во всѣ другіе слои населенія, захватываютъ общество, культурную и привилегированную среду, — вплоть до самыхъ верховъ.

Есть секты и религіозныя ученія, которыя находятъ себѣ поддержку и послѣдователей главнымъ образомъ среди торговаго сословія, среди купцовъ, капиталистовъ и иныхъ представителей буржуазіи. Есть секты и религіозныя ученія, которыя возникаютъ и развиваются преимущественно среди духовенства и монашества, въ тиши монастырскихъ келій. Наконецъ, есть религіозныя ученія и секты, которыя имѣютъ особенный успѣхъ среди представителей такъ называемаго «большого свѣта», среди кровной, родовитой знати и т. д.

Иногда то или другое сектантское учение, возникнув среди простого, рабочего люда, переходит в болѣе культурную и привилегированную среду и здѣсь, потерявъ тѣ или другія измѣненія, нерѣдко пускаетъ прочные корни. Такъ было, напримѣръ, съ нѣкоторыми отраслями хлыстовщины, которыя отъ времени до времени получали широкое распространение среди дворянскихъ и аристократическихъ слоевъ Москвы и Петербурга. Далѣе мы подробнѣе познанимся съ этимъ, безъ сомнѣнія, интереснымъ явленіемъ.

Бываетъ и наоборотъ: религиозное учение, зародившееся въ привилегированной средѣ, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ условий, мало-по-малу переходитъ въ деревню, спускается въ народъ и прививается тамъ. Такъ было у насъ, напримѣръ, съ редстокизмомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «пашковскаго ученія», которое, зародившись въ петербургскихъ великосвѣтскихъ гостяныхъ, съ теченіемъ времени перешло въ деревню, гдѣ и получило довольно широкое распространение въ цѣломъ рядѣ губерній.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію религиознаго или «сектантскаго» движенія, происходящаго въ настоящее время въ русскомъ обществѣ, напомнимъ, хотя въ общихъ и обглыхъ чертахъ, то про-

шлое, которое имѣетъ за собою наше привилегированное сектантство.

Дворяне-раскольники.

Прошло уже около двухъ съ половиною столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ впервые возникъ на Руси расколъ старообрядчества, увлекшій за собою нѣсколько миллионъ коренного русскаго населенія... Какъ же отнеслись въ свое время къ этому крупному и важному явленію народной жизни высшіе слои и классы русскаго общества?

Въ рядахъ послѣдователей раскола и горячихъ его сторонниковъ, на самыхъ первыхъ порахъ его развитія, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшей аристократіи того времени, — бояръ, боярынь, князей и княгинь. Такъ, мы находимъ здѣсь: князя Михаила Львова, князя Ивана Андреевича Хованскаго, князя Барятинскаго, князей Мышецкихъ, родственниковъ царицы бояръ Милославскихъ, княгиню Евдокію Урусову, боярыню Салтыкову, бояре: Воротынскаго, Соковнина, Стрѣшнева, Нарышкина, Плещеева, Ртищева и т. д.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся и энергическихъ

дѣателей раскола, знаменитый протопопъ Аввакумъ находить себѣ радушный пріютъ въ домѣ боярыни Салтыковой, у которой онъ и проживаетъ до самой ссылки своей. Царскій постельничій, бояринъ Ртищевъ, человекъ близкій къ царю, открываетъ свой домъ для споровъ о вѣрѣ, споровъ, въ которыхъ съ одной стороны выступаетъ Симеонъ Полоцкій, а съ другой — протопопъ Аввакумъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Ртищевъ явно всталъ на сторону защитниковъ «старой вѣры» и старины.

Нѣкоторые изъ князей и бояръ жестоко поплавились за свою приверженность къ старообрядчеству. Такъ, князь Михайло Львовъ, начальникъ печатнаго двора, «главнѣйшій единомышленникъ Аввакума съ братіей», былъ сосланъ въ Соловки, а боярыня Морозова и княгиня Урусова подверглись безпощаднымъ пыткамъ и заключенію въ земляной тюрьмѣ.

Это были первыя русскія женщины, добровольно и сознательно пошедшія на невѣроятныя лишенія и страданія во имя идеи... Пусть эта идея была узка, быть можетъ, даже ошибочна, но для нихъ она была дорога и свята, онѣ всей душой вѣрили въ нее и потому безъ колебаній пожертвовали всѣмъ ради этой идеи: богатствомъ, высокимъ общественнымъ положеніемъ, близкими связями съ царскимъ дворомъ, расположеніемъ государя, собственной семьей, личнымъ

счастьемъ, свободой и наконецъ — жизнью. Все это онѣ принесли въ жертву, не побоявшись ни глубокой земляной тюрьмы, ни тяжелыхъ желѣзныхъ оковъ, ни жестокихъ, звѣрскихъ пытокъ съ «дыбой» и «страской».

Пытка, которой были подвергнуты боярыня Морозова, княгиня Урусова и «дворянская жена» Марія Данилова, была мучительна. «Морозовой связали руки назадъ и повѣсили на дыбу. На страскѣ ее держали долго». Рядомъ съ ней висѣла на дыбѣ Марія Данилова; ее «немилостиво били плетью» по обнаженному до пояса тѣлу. Тѣмъ же угрожали Морозовой и княгинѣ Урусовой. Тѣло Маріи покрылось кровью и ранами. Увидя это, Морозова, вися на дыбѣ, спрашивала своихъ мучителей:

— Это ли христіанство, чтобы такъ людей мучить?

Когда княгиню Урусову вели на дыбу, титулованные палачи¹⁾ замѣтили на ней «цвѣтной покровъ».

— Ты въ оналѣ царской, а носишь цвѣтное! — съ гнѣвомъ закричали они и «содрали покровъ съ княгини».

Такъ какъ и пытки не заставили боярынь отказаться отъ ихъ убѣжденій, то предполагалось сжечь ихъ жи-

¹⁾ Пытку производили князь Воротынскій и князь Яковъ Одоевскій.

ыми въ срубѣ. Однако царь не рѣшился на эту мѣру и дѣло кончилось тѣмъ, что всѣхъ трехъ боярынь отравили въ ссылку въ г. Боровскъ (нынѣ Калужской губерніи) и тамъ заключили въ глубокую земляную тюрьму, въ которой несчастныя узницы были обречены на голодное и холодное существованіе «въ грязи и смрадѣ». Понятно, что при подобныхъ условіяхъ смерть не заставила себя долго ждать: 11 сентября 1675 года умерла княгиня Урусова, а вслѣдъ за нею вскорѣ и Морозова. «Тѣло ея завернули въ рогажу» и зарыли въ острогъ, рядомъ съ княгиней Урусовой ¹⁾).

По мѣрѣ того, какъ самодержавіе постепенно укрѣплялось все болѣе и болѣе, сторонники старообрядчества изъ среды бояръ и вельможъ не рѣшаются уже открыто выступать въ защиту «старой вѣры». Тѣмъ не менѣе однако еще при Петрѣ I число лицъ, сочувствующихъ старообрядчеству въ средѣ тогдашней знати, было весьма значительно. Симпатіи къ расколу проникли въ царскую семью; известно отношеніе къ старинѣ первой жены государя Евдокии Федоровны Лопухиной и наследника престола Алексѣя Петровича. Свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ также не былъ свободенъ отъ нѣкоторой

¹⁾ Н. С. Тихонравовъ, „Боярыни Морозова“, „Русскій Вѣстникъ“, 1865 г., сентябрь.

симпатіи къ расколу. Какъ человекъ, вышедшій изъ народа, Меньшиковъ не могъ, конечно, смотрѣть на расколъ исключительно съ правительственной точки зрѣнія.

Изъ бояръ того времени расколу болѣе или менѣе явно сочувствовали: Елагины, Полонскіе, Нелѣвы, Стоговы, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, генераль Аргамаковъ, царскій родственникъ С. Г. Нарышкинъ, генераль Корсаковъ, Челищевъ и другіе.

Что же заставляло всѣхъ этихъ бояръ и князей приставать къ расколу, сочувствовать его вожакамъ, оказывать поддержку имъ? Безъ сомнѣнія многіе изъ нихъ дѣйствовали вполнѣ искренно, въ силу глубокаго убѣжденія въ правотѣ той «старой вѣры», которую отстаивали предводители и вожаки раскола. Особенно это слѣдуетъ сказать о женщинахъ, боярыняхъ, изъ которыхъ многія съ замѣчательнымъ героизмомъ переносили всевозможныя гоненія и даже самыя жестокія, самыя безчеловѣчныя пытки и истязанія за свою принадлежность къ расколу.

Но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что извѣстная часть бояръ и вельможъ, приставшихъ къ расколу, дѣйствовали подъ вліяніемъ мотивовъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ религіи и руководствовались главнымъ образомъ соображеніями полити-

ческаго характера. Не слѣдуетъ забывать, что расколъ въ первый періодъ его развитія представлялъ изъ себя весьма крупную и грозную силу. Для бояръ, преслѣдовавшихъ личные, сословные и династическіе интересы, было весьма важно, конечно, заискать въ расколѣ, заручиться сочувствіемъ его многочисленныхъ послѣдователей. Особенно это было важно въ то время, когда стрѣльцы примкнули къ расколу и стали подѣ его знамя, придавъ ему такимъ образомъ чисто боевое значеніе.

Но съ тѣхъ поръ, какъ расколъ потерпѣлъ неудачу въ открытой борьбѣ съ властью, — борьбѣ, ареной которой служили съ одной стороны Соловки, съ другой — знаменитая Кремлевская площадь въ Москвѣ, съ тѣхъ поръ какъ расколъ сталъ побѣжденной стороной, — симпатіи къ нему въ средѣ высшихъ классовъ быстро охлаждаются. Это охлажденіе растетъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ положеніе нашего дворянства становится все болѣе привилегированнымъ. Высшіе классы, связавъ свою судьбу съ самодержавіемъ, окончательно отвертываются отъ раскола, который всецѣло сосредоточивается въ низшихъ слояхъ населенія, главнымъ образомъ въ крестьянствѣ и затѣмъ въ мѣщанствѣ и купечествѣ. Благодаря этому расколъ принимаетъ ярко-демократическій характеръ и ста-

новится религіей закрѣпленной и обездоленной массы.

Правда, и значительно позднѣе въ рядахъ пропагандистовъ раскола встрѣчаются отъ времени до времени служилые люди и дворяне обоого пола (капитанъ Левинъ, дворянинъ Дмитрій Хвостовъ съ двумя родными сестрами, дворянинъ Федоръ Яковлевичъ Толмачевъ и другіе), но подобные случаи становятся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе рѣдкими.

Въ теченіе XIX вѣка офицеры и чиновники въ роли дѣятельныхъ распространителей раскола встрѣчаются лишь спародически, т. е. въ отдѣльных и рѣдкихъ случаяхъ, — за исключеніемъ, впрочемъ, казачьихъ войскъ, о чемъ я сейчасъ скажу. Для того, чтобы познакомить читателя съ типомъ такихъ одиночекъ-раскольниковъ изъ среды служилаго сословія — я расскажу здѣсь краткую исторію одного изъ нихъ.

Въ 30-хъ годахъ, въ дѣсахъ, близъ города Новозыбокова, Черниговской губерніи, старообрядцы безъ разрѣшенія начальства «самовольно» устроили нѣсколько хуторовъ съ пасѣками. Въ одномъ изъ этихъ хуторовъ поселился отставной жандармскій штабсъ-капитанъ Масленниковъ; онъ запустилъ длинную бороду, отпустилъ длинные волосы на головѣ, надѣлъ старообрядческое монашеское платье, «вооружился

тостью раскольниковъ поповъ», устроилъ въ одномъ изъ скитовъ моленную и началъ отправлять богослуженіе. Масленниковъ поддерживалъ скиты деньгами и дѣлалъ пожертвованія на старообрядческіе монастыри.

Мѣстныя, уѣздныя власти со своей стороны не чинили никакихъ препятствій дѣятельности Масленникова, но, когда объ этихъ «хуторахъ» и «насъкахъ» узналъ губернаторъ—тотчасъ же возникло дѣло о самовольномъ устройствѣ раскольниковыхъ скитовъ. Масленниковъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими скитниками. При допросахъ онъ показалъ, что происходитъ изъ мѣщанъ города Богородицка, Тульской губерніи, служилъ въ военной службѣ, а въ послѣднее время «въ жандармскомъ полку», затѣмъ вышелъ въ отставку съ пенсіей и поселился въ скитахъ.

По словамъ Масленникова, родители его были раскольники и самъ онъ съ дѣтства принадлежалъ къ расколу; поступивъ на службу, онъ продолжалъ быть старообрядцемъ и затѣмъ, «отслуживъ двумъ государямъ вѣрою и правдою, вознамѣрился жить для Бога». Но въ глазахъ тогдашняго начальства все это представлялось крайне опаснымъ и вреднымъ, и вотъ «самовольно» устроенные хутора или скиты подвергаются немедленному уничтоженію, а

штабсъ-капитанъ Масленниковъ ссылается въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей ¹⁾.

Въ настоящее время старообрядчество въ привилегированной средѣ встрѣчается исключительно лишь среди казачьихъ войскъ: донского, терскаго, уральскаго. Многие изъ офицеровъ этихъ войскъ до сихъ поръ являются ревностными послѣдователями «старой вѣры», стараго обряда; дѣти ихъ неуклонно воспитываются въ правилахъ старообрядчества, которыя особенно строго блюдятся женскою половиною казачьяго сословія. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ послѣднее время дѣти казацкихъ офицеровъ-старовѣровъ все чаще и чаще начинаютъ появляться въ университетахъ, академіяхъ, на высшихъ женскихъ курсахъ и т. д.

Аристократы-хлысты.

Переходя отъ раскола старообрядчества къ сектантству и въ частности—къ ученіямъ и сектамъ *раціоналистическаго* характера, мы прежде всего должны отмѣтить, что этого рода секты и ученія

¹⁾ Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Н. Варадинова. Восьмая книга. СПб., 1863 г., стр. 391.

совѣмъ не пользовались симпатіями и поддержкой высшихъ классовъ русскаго общества. Ни духоворы, ни молокане не имѣли въ своихъ рядахъ ни одного послѣдователя изъ числа представителей нашихъ аристократическихъ фамилій¹⁾.

Въ то самое время, когда взгляды и вѣрованія старообрядчества были сильно распространены среди московской аристократіи,—въ это самое время въ той же Москвѣ начинаютъ распространяться идеи, проникнутыя свободомысліемъ и весьма смѣлымъ для того времени рационализмомъ. Но проповѣдниками и наиболѣе активными послѣдователями этихъ идей являются не бояре, не вельможи, а люди, вышедшіе изъ народа, люди, близкіе къ нему по происхожденію. Таковы были, напримѣръ, современникъ Петра I-го московскій лекаръ Тверитиновъ и его послѣдователи.

Дмитрій Евдокимовичъ Тверитиновъ учился въ Нѣмецкой слободѣ медицинѣ; подъ вліяніемъ своихъ учителей-нѣмцевъ, онъ увлекся протестантизмомъ и

¹⁾ Что касается средняго дворянскаго класса, то въ средѣ его находились лишь отдѣльныя лица, примыкавшія къ той или иной рационалистической сектѣ. Укажемъ для примѣра на дворянку Тамбовской губерніи Андрианову и отставного поручика Ивана Богданова, принадлежавшихъ къ молоканской сектѣ, на помѣщика Сердобскаго уѣзда Саратовской губерніи Викторова, бывшаго послѣдователемъ секты молоканъ—субботниковъ. Всѣ эти случаи относятся уже къ первой половинѣ XIX вѣка.

сдѣлавшись врачомъ, началъ ревностно распространять протестантскія идеи и воззрѣнія, пользуясь для этого всякимъ удобнымъ случаемъ. Иконы онъ называлъ кумирами и досками, св. крестъ—«деревомъ бездушнымъ», не соблюдалъ постовъ, смѣялся надъ монашествомъ.

Какъ врачъ, Тверитиновъ имѣлъ обширную практику; благодаря этому онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ разными слоями населенія и такимъ образомъ, имѣлъ возможность распространять свои идеи какъ среди бѣднаго городского люда, такъ и среди болѣе высшихъ слоевъ московскаго общества. Не довольствуясь устною пропагандою, Тверитиновъ во множествѣ распространялъ особыя «тетради», въ которыхъ развивались тѣ же отрицательныя рационалистическія идеи.

Пропаганда Тверитинова имѣла значительный успѣхъ; у него явилось много послѣдователей не только въ Москвѣ, но и въ сосѣднихъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Серпуховѣ. Но большинство этихъ послѣдователей принадлежало къ низшимъ слоямъ населенія. Московская знать и особенно высшее чиновничество отнеслись весьма враждебно къ смѣлому вольнодумцу. Особенно-же его не взибилъ московскій вице-губернаторъ Ершовъ и князь Козловскій. По инициативѣ Ершова, противъ Твери-

тинова было возбуждено обвиненіе въ иконоборствѣ. Ближайшій послѣдователь его, цирюльникъ Ѳома Ивановъ, былъ казненъ смертью на Красной площади.

Совсѣмъ иное явленіе представляютъ собою въ этомъ отношеніи ученія и секты *мистическаго* характера. Послѣднія большею частію пользовались явнымъ сочувствіемъ нашихъ привилегированныхъ классовъ. XVIII-ое и XIX-ое столѣтія, какъ мы сейчасъ увидимъ, представляютъ этому множество доказательствъ.

На таинственныхъ собраніяхъ и «радѣніяхъ» этихъ странныхъ, загадочныхъ сектъ можно было нерѣдко встрѣтить людей самыхъ противоположныхъ общественныхъ положеній, сословій и званій: тутъ и князь, чуть не отъ Рюрика ведущій свой родъ, тутъ и крѣпостные мужики, тутъ и вельможа-сапожникъ, близкій ко двору, тутъ и мѣщане, и блестящіе гвардейскіе офицеры, и прислуга, и великовѣтскія барышни, и юродивые, и богачи-милліонеры, и монахи и т. д.

Разнаго рода мистическія вѣрованія съ большимъ или меньшимъ оттѣнкомъ хлыстовщины были сильно распространены въ XVIII вѣкѣ у насъ, въ Россіи, не только среди одного «простонародія», но и въ высшихъ общественныхъ слояхъ. Москва играла

весьма видную роль въ дѣлѣ распространенія этихъ идей и вѣрованій.

Изъ указа императрицы Анны Іоанновны, отъ 7 іюня 1734 года, между прочимъ, узнаемъ, что хлыстовская ересь была чрезвычайно распространена по всей Россіи, особенно же въ Москвѣ, что послѣдователи этой секты «*разныхъ чиновъ люди*, старцы и старицы собираются въ праздники по ночамъ... и прежде сего были уже извѣстны въ этой богомерзкой ереси разнаго званія духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ люди обоого пола».

Изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. синода, можно видѣть, что въ сектѣ этой были «*многіе князья, бояре, боярыни и другіе разныхъ чиновъ помѣщичьи и помѣщицы*»; изъ духовныхъ лицъ — архимандриты, настоятели монастырей». Были, наконецъ, цѣлыя монастыри, мужскіе и женскіе, поговорно уклонявшіеся въ хлыстовщину.

Въ Петербургѣ первый хлыстовскій корабль былъ основанъ, въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія, московскимъ купцомъ И. Ф. Чуркинымъ. Этотъ человекъ много содѣйствовалъ распространенію хлыстовской секты среди разныхъ слоевъ тогдашняго петербургскаго общества. Дѣло пропаганды было облечено имъ въ строгую тайну; съ каждаго вступающаго въ эту секту отбиралась торжественная

клятва или присяга, точно дѣло шло о поступленіи въ какое-нибудь тайное, конспиративное общество карбонаровъ-заговорщиковъ.

«Клянусь душою своею,—долженъ былъ говорить вступающій въ секту,—претерпѣть плети, кнутъ, огонь, топоръ, плаху и всякую муку, а отъ вѣры нашей святой не отставать, и о томъ, что увижу и услышу, никому не открывать, ни даже отцу родному, ни отцу духовному».

Петербургскіе хлысты, или «сѣрые голуби», дѣятельно поддерживали постоянныя сношенія съ хлыстовскими кораблями, существовавшими въ Москвѣ, гдѣ хлыстовщина нашла многочисленныхъ послѣдователей среди тамошней аристократіи. Знатнѣйшіе дома тогдашнихъ московскихъ бояръ были гостепріимно открыты для проповѣдниковъ, учителей и вожаковъ этой секты.

Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, княгиня Марія Юрьевна Черкасская, княжна Дарья Федоровна Хованская, графиня Головкина, вдова Марія Михайловна Чаадаева, Настасья Лопухина, князь Ефимъ Васильевичъ Мещерскій—все эти лица слово и дѣломъ поддерживали пропагандистовъ хлыстовщины и вообще оказали огромныя услуги въ дѣлѣ распространенія хлыстовской секты.

Во главѣ хлыстовскихъ общинъ или «кораблей»

нерѣдко стояли въ то время титулованные представители знати—князья и графы. Такъ, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи мѣстнымъ хлыстовскимъ кораблемъ долгое время управлялъ князь Ефимъ Васильевичъ Мещерскій, владѣлецъ села Козьмадемьянскаго. Въ своемъ селѣ князь устроилъ моленную, въ которой онъ, между прочимъ, занимался изгнаніемъ духовъ изъ бѣсноватыхъ посредствомъ хлыстанія ихъ деревянными четками и крепленія водой. Къ нему московскіе хлысты ходили цѣлыми толпами. Обстоятельство это обратило на себя вниманіе властей, и князь Мещерскій былъ сосланъ за ересь въ Соловецкій монастырь, гдѣ долгое время томился въ суровомъ заточеніи монастырскаго острога.

Среди московскихъ проповѣдниковъ хлыстовщины особенною популярностью пользовался въ то время юродивый Андреянъ Петровъ, котораго московскія барыни не на шутку считали за пророка.

Вообще, московская знать оказала огромныя услуги въ дѣлѣ распространенія хлыстовщины. Она нянчилась съ пророками этой секты, покровительствовала хлыстовскимъ учителямъ и наставникамъ и щедрою рукою надѣляла ихъ средствами. Между прочимъ, московскіе бояре выстроили для Андреяна Петрова особый домъ, со всеми принадлежностями,

на землѣ княгини Черкасской, за Сухоревой башней, на углу 3-й Мѣщанской улицы.

У пророка-юродиваго появились лошади, экипажи и человекъ десять прислуги изъ числа «сѣрыхъ голубей». Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что прислуга эта состояла изъ крупнѣйшихъ людей покровителей Андреяна — фактъ весьма знаменательный, могущій указать, какимъ путемъ проникала иногда хлыстовщина въ народную среду.

Благодаря, такимъ образомъ, содѣйствію наиболѣе родовитыхъ московскихъ бояръ того времени, со-
здался въ Москвѣ одинъ изъ главнѣйшихъ хлыстовскихъ кораблей, который долгое время былъ извѣстенъ среди хлыстовъ подъ именемъ «Божьяго дома» и «Новаго Иерусалима». Главою или кормщикомъ этого корабля сдѣлался «самъ» пророкъ-юродивый Андрейанъ Петровъ.

Конечно, онъ не стоялъ одинокимъ, такъ какъ у него никогда не было недостатка въ ревностныхъ сотрудникахъ и сотрудницахъ. Главными его помощниками по распространенію хлыстовщины были: крупнѣйшій крестьянинъ княгини Черкасской Иванъ Башмачниковъ, по прозванію Бѣлый, отставной капитанъ Тихонъ Смурыгинъ, совращенный имъ въ секту хлыстовъ, и строитель Богословской пустыни, иеромонахъ Дмитрій Гусевъ. Эти лица обыкновенно выступали

на сцену въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ кормщикъ корабля, юродивый Андрейанъ, почему нибудь оказывался не на высотѣ своего призванія. А такіе случаи, разумѣется, бывали. Объ одномъ изъ нихъ я расскажу здѣсь со словъ г. Реутскаго.

Въ октябрѣ 1743 года княжна Дарья Сергѣевна Хованская, въ сопровожденіи лакея, пріѣхала къ Андрейану Петрову и объявила ему, что она явилась учиться истинной вѣрѣ. Тотъ очень охотно началъ излагать свои наставленія, но княжна, прослушавъ его съ четверть часа, встала и сказала:

— Какой ты учитель, ты мужикъ простой!...

Затѣмъ она тотчасъ же уѣхала и болѣе къ Андрейану не возвращалась. Но она не переставала искать учителей «истинной вѣры». Между прочимъ, съ той же самой просьбой она обратилась къ одному изъ сотрудниковъ Андреяна Ивану Бѣлому. Послѣдній началъ просвѣщать княжну и въ короткое время не только успѣлъ передать и внушить ей всѣ правила хлыстовскаго ученія, но и укрѣпить въ ней твердую вѣру въ ихъ истинность. Послѣ этого онъ псвезъ ее въ Егорьевскій монастырь и здѣсь, на собраніи хлыстовъ, привелъ княжну къ присягѣ на неизмѣнную вѣрность сектѣ.

Съ этихъ поръ коляску княжны начали видѣть около тѣхъ домовъ, въ которыхъ жили наиболѣе

влиятельные въ то время вожакъ хлыстовщины. На собранія ихъ она обыкновенно прѣѣзжала «съ двумя лакеями и горничной». Особенно часто она посѣщала собранія, которыя устраивалъ строитель Богословской пустыни, іеромонахъ Дмитрій Гусевъ. Княжна присутствовала и при радѣніяхъ хлыстовъ, но это тяжело отзывалось на ней и ея первахъ.

Реутскій приводитъ, на примѣръ, слѣдующее описаніе хлыстовскаго собранія, бывшаго у строителя Дмитрія, на которомъ присутствовала княжна. На этомъ собраніи участвовали кромѣ самого іеромонаха Дмитрія: Иванъ Бѣлый, московскій купецъ Сафьянниковъ, Савельевъ и другіе хлысты-мужчины, а также нѣсколько старицъ. Вечеромъ «къ кельѣ подѣхала коляска, и изъ нея вышла княжна Дарья Сергѣевна Хованская съ двумя лакеями и горничной. Всѣ они вошли въ келью строителя. Тотчасъ по прѣѣздѣ княжны, сѣли всѣ вмѣстѣ ужинать, а послѣ ужина княжна Хованская съ горничной отирались спать въ одну келью; строитель въ другую, а Савельевъ и остальные согласники расположились всѣ вмѣстѣ, въ третьей кельѣ».

На другой день, отслушавъ обѣдню, всѣ собрались въ келью строителя. При этомъ мужчины сняли съ себя верхнее платье и остались «одни въ камзолахъ, а другіе въ однѣхъ рубахахъ, а женщины

въ сарафанахъ». Затѣмъ всѣ размѣстились по лавкамъ. «Строитель усѣлся въ одномъ полукафтани, а княжна во всемъ платьѣ. Пошло, обычнымъ чередомъ, радѣніе. Когда же пророки стали бить себя по спиѣмъ обухами княжна испугалась и упала въ обморокъ. Ее вывели въ другую комнату, гдѣ горничная стала оттирать ее «мунгальской водкой»¹⁾.

При обращеніи въ хлыстовскую секту «дѣвицы Чаадаевой» также произошла заминка: Андреянь Петровъ, неоднократно пытавшійся увлечь ее въ секту, не имѣлъ успѣха, но какъ только появился іеромонахъ Дмитрій—Чаадаева не устояла: «духовный санъ соблазнителя подѣйствовалъ на Чаадаеву, и она поддалась искушенію». Такъ объясняетъ успѣхъ Дмитрія г. Реутскій. Однако, можно думать, что на Чаадаеву подѣйствовалъ не столько «духовный санъ» соблазнителя, сколько его способность изложить передъ ней интересовавшее ее таинственное, мистическое ученіе болѣе толково и талантливо, чѣмъ это могъ сдѣлать юродивый Андреянь. Вѣдь Иванъ Бѣлый, увлекшій въ секту княжну Хованскую, не имѣлъ никакого духовнаго сана, однако это отноудь не помѣшало ему быстро склонить княжну къ вступленію въ хлыстовскую секту.

¹⁾ „Люди Божьи и скопцы“ Н. В. Реутскаго. Москва 1872 г., стр. 60.

Изъ среды московской аристократіи Андреянъ и его сподвижники перенесли свою пропаганду въ монастырскую среду, гдѣ также встрѣтили вполне подготовленную и воспріимчивую почву. Благодаря дѣятельной поддержкѣ со стороны своихъ высокихъ покровителей, которые не жалѣли денегъ для распространѣнія симпатичнаго для нихъ ученія, Андреянъ получилъ возможность поставить дѣло пропаганды на широкую ногу и не стѣсняться расходами. И онъ, дѣйствительно, сумѣлъ воспользоваться средствами, которыя ему предлагали съ такой готовностью.

Андреянъ началъ строить кельи въ разныхъ монастыряхъ, началъ помѣщать туда старцевъ и старицъ изъ числа своихъ послѣдователей, которые дружно дѣйствовали въ интересахъ секты. Всѣ эти агенты-пропагандисты получали отъ Андреяна готовыя средства къ существованію. Въ одномъ Варсонофьевскомъ женскомъ монастырѣ Андреянъ содержалъ на свой счетъ пятнадцать старицъ и бѣлицъ-хлыстовокъ.

Усилія хлыстовскаго пророка и его сподвижниковъ увѣнчались полнымъ, блестящимъ, необыкновеннымъ успѣхомъ. Судите сами. Варсонофьевскій монастырь всецѣло, даже съ игуменьей, принялъ его ученіе. Ивановскій монастырь тоже почти въ полномъ составѣ перешелъ въ хлыстовскую вѣру.

Множество послѣдователей и послѣдовательницъ хлыстовщины оказались и въ другихъ монастыряхъ московскихъ и подмосковныхъ; особенно же много ихъ было въ женскихъ монастыряхъ: Никитскомъ, Егорьевскомъ, Страстномъ, Рождественскомъ, и въ мужскихъ: Чудовскомъ, Николаевскомъ, въ Богословской пустыни и т. д. Наконецъ, не-мало хлыстовъ было и среди бѣлаго духовенства.

Изъ столицъ хлыстовскія ученія разносились по провинціи и проникали въ самыя отдаленныя, глухіе углы Россіи.

Духовныя и свѣтскія власти были сильно обезпокоены быстрымъ развитіемъ хлыстовщины. Но нѣкоторое время онѣ, повидимому, не рѣшались прибѣгнуть къ репрессіямъ, въ виду тѣхъ связей, которыми располагали многіе изъ представителей московской аристократіи, принадлежавшихъ къ этой сектѣ.

Но вотъ въ 1745 г. надъ хлыстами разразился грозный погромъ. Въ одной Москвѣ были арестованы 333 человека, заподозрѣнные въ этой ереси; въ числѣ арестованныхъ находились: княжна Хованская, помѣщица Чаадаева, священникъ Васильевъ, іеромонахъ Варлаамъ Федотовъ, строитель Богословской пустыни Дмитрій и множество монаховъ, монахинь, старицъ, бѣлицъ и т. д.

Въ Петербургѣ, между многими другими, были арестованы: капитанъ Смурыгинъ, энергичный пропагандистъ хлыстовскихъ идей, и прибывшій изъ Москвы любимецъ тамошней знати, юродивый Андрейанъ Петровъ. Капитанъ Смурыгинъ на всѣхъ допросахъ держалъ себя стоически: на дыбѣ и подъ кнутомъ онъ утверждалъ, что въ хлыстовскихъ сборищахъ не видитъ ничего противнаго учению православной церкви, но Петровъ не вынесъ пытокъ: кнутъ и дыба вынудили у него раскаяніе и отреченіе отъ ереси.

Камергеръ-скопеецъ.

Хлыстовщина, какъ извѣстно, выдѣлила изъ себя еще болѣе странную, еще болѣе мястическую и антипатичную секту скопцовъ, или «бѣлыхъ голу-бей». Секта эта особенное сочувствіе и поддержку встрѣтила среди нашей буржуазіи, въ средѣ богатаго и именитаго купечества, какъ московскаго, такъ и петербургскаго и провинціальнаго.

Торговые дома Солодовниковыхъ, Колесниковыхъ, Жигаревыхъ, Ненастевыхъ, Плотициныхъ — были главными столпами скопчества. Нерѣдко цѣлые дома

хлыстовъ переходили въ скопческую секту; таковъ, напримѣръ, былъ въ Петербургѣ богатый домъ купцовъ Ненастевыхъ. Петербургскіе скопцы въ началѣ XIX-го вѣка, главнымъ образомъ, ютились по Надеждинской и Знаменской улицамъ и по примыкающимъ къ нимъ переулкамъ: Озерному, Ковенскому и друг.

Среди служилаго, чиновнаго люда также находилось немало лицъ, которыя примыкали къ этому удивительному ученію и принимали активное, иногда горячее участіе въ его распространеніи, особенно на первыхъ порахъ. Такъ, въ домѣ хлыста, *отставнаго капитана* И. Лугинина пріютились первые въ Москвѣ скопческіе корабли. Въ г. Ригѣ первый скопческій корабль былъ учрежденъ въ домѣ *чиновника* Пищулина, который находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ петербургскими скопцами и съ замѣчательною энергіей занимался пропагандою въ духѣ скопческой секты.

Но если кто изъ бюрократіи особенно много сдѣлалъ для скопцовъ, такъ это — статскій совѣтникъ Алексѣй Михайловичъ Елянскій, бывший камергеръ короля Станислава - Августа Полятовскаго. Послѣ третьяго раздѣла Польши, Елянскій вступилъ въ рус-

1) Въ то время Надеждинская улица называлась Шестилавочной.

скую службу и затѣмъ, въ 1794 году, принялъ православіе и былъ переименованъ въ статскіе советники.

Проживая въ Петербургѣ, Елянскій близко сошелся съ хлыстами, а потомъ, черезъ нихъ, и со скопцами. Это былъ человекъ, настроенный крайне мистически и, въ то же время, проникнутый стремленіемъ къ суровой, аскетической жизни. Неизвѣстно, когда именно Елянскій принялъ оскотченіе, но въ 1790-хъ годахъ онъ уже всею душой былъ преданъ скопцамъ и игралъ не послѣднюю роль среди руководителей петербургскаго скопческаго корабля.

Елянскій имѣлъ большія связи въ официальныхъ сферахъ и, къ тому же, обладалъ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ; все это особенно цѣнилось «бѣлыми голубыми». Однако, эти связи не могли избавить его отъ преслѣдованій, которымъ онъ подвергся за ревностное распространеніе скопчества. Въ 1794 году онъ сосланъ былъ по высочайшему повелѣнію въ Соловецкій монастырь «для покаянія» и находился тамъ до восшествія на престолъ Александра I-го. Новый государь отнесся къ Елянскому, повидимому, съ большимъ участіемъ: онъ былъ освобожденъ изъ Соловоковъ, переведенъ въ Петербургъ и затѣмъ направленъ къ митрополиту Амвросію для помѣщенія въ Александровскую лавру; при этомъ

ему назначена была изъ кабинета его величества пенсія въ 500 рублей въ годъ, въ лаврѣ ему была отведена приличная келья и оказывались всевозможныя услуги и содѣйствіе.

Въ типѣ этой кельи, Елянскій, по порученію и просьбѣ скопцовъ, занялся разработкой вопросовъ, связанныхъ съ развитіемъ скопчества въ Россіи, а также теоретическимъ обоснованіемъ этого ученія. Въ этихъ видахъ онъ прежде всего составилъ записку подъ заглавіемъ: «Извѣстіе, на чемъ скопчество утверждается».

Въ этой запискѣ Елянскій доказываетъ, что скопцы суть единые истинные христіане, сохранившіе во всей чистотѣ ученіе, преподанное Спасителемъ міра; они одни руководятся постояннымъ, непрерывнымъ откровеніемъ Св. Духа, возвѣщаемаго черезъ пророковъ; что затѣмъ всѣ остальные люди, именующіеся христіанами, основывающіе все на мертвыхъ книгахъ, преданіи и обрядности, вовсе не христіане; а ихъ духовенство, сдѣлавшее изъ своего сана лишь прибыльное ремесло, есть не что иное, какъ книжники и фарисеи.

Широкое распространеніе мистическихъ идей въ высшихъ, вліятельныхъ кругахъ тогдашняго петербургскаго общества и необыкновенный успѣхъ, которымъ пользовался тогда «Христось» и «Живой

Богъ» скопцовъ, знаменитый Кондратій Селивановъ— настолько вскружили голову Елянскому, что онъ началъ мечтать захватить въ руки скопцовъ все управленіе государственными дѣлами. Подъ вліяніемъ этой идеи онъ выработалъ цѣлый проектъ скопческо-теократическаго правленія въ Россіи или учрежденія «божественной канцеляріи».

По этому проекту, во всякій городъ, въ каждый полкъ и на всякій корабль слѣдовало назначить скопца-іероманаха и скопца-пророка, но такъ, чтобъ ни свѣтское, ни духовное начальства не знали, что они скопцы. Затѣмъ начальники городовъ, полковъ и кораблей не должны были принимать ничего, не посоветовавшись предварительно съ такимъ іеромонахомъ. Іеромонахъ же, узнавалъ волю Божию черезъ пророка, долженъ былъ направлять дѣятельность начальниковъ согласно этому высшему указанію.

Самъ Елянскій, съ двѣнадцатью пророками, хотѣлъ состоять, для той же цѣли, при главной арміи, а знаменитый Кондратій Селивановъ— «Христосъ» и «Живой Богъ» скопцовъ и въ то же время «государь-батюшка Петръ Федоровичъ»— долженъ былъ находиться при особѣ самаго государя императора, секретно руководя высшими правительственными распоряженіями. Весь этотъ теократическій

строй долженъ былъ составлять «божественную канцелярію.»

Въ мартѣ 1804 года, Елянскій, черезъ Новосильцева, представилъ свой проектъ и «Извѣстіе» на усмотрѣніе государя, а въ августѣ того же года онъ внезапно и навсегда исчезъ изъ Александроневской лавры. По высочайшему повелѣнію, Елянскій былъ сосланъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевскій монастырь. Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ Эргель отправилъ его во Владиміръ въ сопровожденіи унтеръ-офицера штата с. петербургской полиціи Горева. 3-го сентября 1804 года Елянскій былъ доставленъ въ г. Владиміръ.

Министръ юстиціи Петръ Васильевичъ Лопухинъ сообщилъ владимірскому губернатору князю Ивану Михайловичу Долгорукому, что Елянскій, во время содержанія его въ Александроневской лаврѣ за распространеніе секты скопцовъ, «сначала велъ жизнь безподозрительную», но затѣмъ завелъ знакомства «со многими людьми и домами», началъ распространять свою ересь и «собирать сообщниковъ». Вслѣдствіе этого состоялось высочайшее повелѣніе о ссылкѣ его въ Суздальскій Спасо-Евфиміевскій монастырь.

Сообщая объ этомъ, Лопухинъ просилъ губернатора имѣть «неослабое наблюденіе» за тѣмъ, чтобы

Елянскій не могъ болѣе распространять своей ереси. вмѣстѣ съ этимъ министр юстиціи просилъ губернатора доставлять ему «по часту» свѣдѣнія о поведеніи Елянскаго, — для доклада государю императору въ случаѣ, если онъ опять будетъ замѣченъ въ распространеніи секты.

Митрополитъ новгородскій Амвросій въ свою очередь смелъ долгомъ сообщить о ссылкѣ Елянскаго архимандриту Суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастыря и преподать ему нѣкоторые совѣты относительно содержанія и наблюденія за нимъ. При этомъ онъ находилъ нужнымъ дать краткую характеристику секты, къ которой принадлежалъ Елянскій, и сравниваетъ эту ересь съ другими русскими сектами, при чемъ обнаруживаетъ полное и грубое незнакомство съ ученіями даже такихъ крупныхъ сектъ, какъ хлысты и дохоборцы.

«Отправленный въ вашъ монастырь, — пишетъ митрополитъ, — для содержанія въ числѣ арестантовъ, нѣкто изъ поляковъ Алексій Елянскій зараженъ ересью, именуемую Христовщина, заключающую въ себѣ скопчество. Общія правила ихъ сходны съ заблужденіемъ въ вѣрованія духоборцевъ, которые видятъ спасеніе въ духовномъ возрожденіи и отрицаютъ совершеніе таинствъ и всѣхъ церковныхъ обря-

довъ, при умерщвленіи плоти и съ непризнаніемъ гражданской власти.»

Въ виду этого митрополитъ предлагаетъ архимандриту «наблюдать, дабы онъ (т. е. Елянскій), яко склонный къ распространенію сей заразы, ни съ кѣмъ тайно и явно не могъ разговаривать.»

Само собою понятно, что ссылка Елянскаго и заточеніе его въ монастырской тюрьмѣ не могли помѣшать дальнѣйшимъ успѣхамъ скопчества. Скорѣе наоборотъ: эта ссылка создала изъ него мученика, память о которомъ сдѣлалась священной для каждаго послѣдователя изувѣрскаго ученія.

Что касается самого Елянскаго, то преслѣдованія и гоненія, которымъ онъ подвергался, повидимому, только поднимали его духъ и энергію. Находясь въ заточеніи сначала въ Соловецкомъ, а затѣмъ въ Суздальскомъ монастырѣ, онъ не переставалъ энергически работать на пользу бѣлыхъ голубей.

Бѣлые голуби.

Ссылка и заточение Елянскаго въ монастырь еще болѣе заинтересовали общество таинственнымъ ученіемъ, которое онъ проповѣдывалъ и за которое такъ жестоко пострадалъ. Къ тому же какъ разъ въ это время необыкновенный интересъ въ обществѣ возбуждала къ себѣ личность главнаго столпа скопчества, ихъ Христа и «Живого Бога», Кондратія Селиванова, который окруживъ себя таинственностью, проживалъ въ домѣ богатыхъ петербургскихъ купцовъ Ненастьевыхъ. Многія высокопоставленныя лица явно покровительствовали живому богу; особенно много сдѣлали для него: завѣдывавшій въ то время духовными дѣлами министръ народнаго просвѣщенія князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, известный поклонникъ Бѣма, Эккартгаузена, Сведенборга и другихъ мистиковъ, а также тогдашній петербургскій военный генералъ-губернаторъ, графъ П. А. Толстой.

Князь А. Н. Голицынъ въ годы своей первой

молодости былъ извѣстенъ за поклонника французскихъ энциклопедистовъ, особенно Вольтера. Въ то время это былъ остроумный царедворецъ, эстетъ, большой поклонникъ женской красоты. Но не достигнувъ и тридцати лѣтъ, онъ вдругъ и круто повернулъ на набожность, сдѣлался религіознымъ, ударился въ мистицизмъ, началъ увлекаться Бемомъ и Штиллингомъ. Онъ окружилъ себя такими же мистиками и особенно сблизился съ тайнымъ совѣтникомъ Василиемъ Михайловичемъ Поповымъ, бывшимъ ревностнымъ членомъ секты Татариновой.

Съ легкой руки князя А. Н. Голицына и графа П. А. Толстого, Селивановымъ начала интересоваться петербургская знать.

Великосвѣтскія барыни стали искать случая видѣть этого таинственнаго затворника, о которомъ расходилась такая масса всевозможныхъ слуховъ и толковъ. Случай представился самъ собой. Семейство Ненастевыхъ, у которыхъ жилъ скопческій «Христосъ», имѣло большія знакомства въ богатомъ кругу петербургскаго общества, и не въ его расчетахъ было отказывать знати въ удовлетвореніи ея любопытства.

И вотъ, у дома Ненастевыхъ стали останавливаться ряды каретъ съ гербами. Свѣтскія барыни уѣзжали отъ этого царя и бога вполнѣ восхищен-

ныя: имъ удалось, наконецъ, увидѣть настоящаго праведника, блаженнаго святого мужа, послушать его наставленій, получить предсказаніе будущаго и какую нибудь вещицу на память, вродѣ образка, крестика, просфоры и т. п. Барыни ввели Кондратія Селиванова въ моду между своими мужьями. Живого бога стали навѣщать генераль-губернаторъ, министры, оберъ-полицеймейстеръ и проч. и проч.

По этому поводу одинъ изъ официальныхъ изслѣдователей скопчества, между прочимъ, писалъ: «Ряды каретъ у скопческой моленной и видъ выходящихъ изъ нихъ высокихъ сановниковъ производили на простой народъ одурающее впечатлѣніе. Поневолѣ могла родиться въ головѣ солдата, чернорабочаго или мѣщанина мысль, что, вѣроятно, все, творящееся въ этомъ домѣ, хорошо, если такія высокопоставленныя лица, ближайшіе совѣтники государя, навѣщаютъ этотъ домъ»¹⁾.

Послѣдователи же Селиванова ловко пользовались всѣмъ этимъ въ видахъ распространенія своего ученія въ массѣ простого народа; они указывали на эти ряды каретъ и визиты, какъ на должную дань, отдаваемую «императору Петру Феодоровичу», за котораго скопцы выдавали Селиванова.

¹⁾ Реутскій, „Люди Божьи и скопцы“. Москва, 1872 г.

Такимъ образомъ и здѣсь мы встрѣчаемся съ характернымъ явленіемъ русской исторической жизни—самозванствомъ, которое въ былыя времена всегда способствовало въ Россіи успѣху движенія въ широкихъ слояхъ народа...

Вотъ, между прочимъ, какими путями крѣпла и разросталась эта дикая, противоестественная секта!

Что касается высшаго петербургскаго общества, то увлеченіе его скопчествомъ, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать, не могло быть продолжительно: пелѣность и изувѣрство этой секты при ближайшемъ знакомствѣ съ нею непремѣнно должны были оттолкнуть отъ нея. Къ тому же какъ разъ около этого времени въ обществѣ возникаютъ новыя мистическія ученія, новыя секты, не менѣ туманныя и таинственныя, чѣмъ хлыстовщина, но зато лишенные того изувѣрскаго характера, какимъ отличается ученіе «бѣлыхъ голубей».

Сочувствіе отдѣльныхъ сановниковъ и петербургскихъ великосвѣтскихъ дамъ отнюдь не поколебало Селиванова и не заставило его измѣнить тѣ чисто демократическія взгляды, которыми онъ руководствовался въ своей дѣятельности. Задаваясь цѣлью «спасти и искупить русскій народъ», Селивановъ не терпѣлъ соціальнаго неравенства и не

допускалъ никакихъ титуловъ и чиновъ, ставящихъ одного человѣка выше другого.

«Я,—говорилъ Селивановъ въ одномъ изъ своихъ посланій, — всѣхъ равно почитаю, какъ вельможу, такъ и нищаго: и нищій да Бога сыщеть; а и вельможа, да въ дѣлахъ неугожихъ; у меня тотъ и генералъ, который дѣла Божіи не замаралъ; тотъ и архіерей, который въ жизни своей не захирѣлъ, тотъ и патріархъ, который будетъ въ жизни разумомъ здравъ и благъ», и т. д.

Подобный демократизмъ не могъ, конечно, не вызывать сочувствія къ ученію «бѣлыхъ голубей» среди сѣрой народной массы, изнывавшей отъ произвола властей и полнаго безправія. Но съ другой стороны тѣ-же демократическія взгляды Селиванова неминуемо должны были, конечно, рано или поздно оттолкнуть отъ него представителей привилегированныхъ классовъ.

Духовныя власти съ своей стороны ждали только удобнаго момента, чтобы начать походъ противъ Селиванова и его послѣдователей. И вотъ на петербургскую общину бѣлыхъ голубей налетѣлъ шквалъ и она подверглась страшному разгрому. Начались аресты, обыски, дознанія, ссылки, заточенія.

Нужно ли говорить, что подобныя мѣры

меньше всего способствовали искорененію нелѣпой секты, — а скорѣе наоборотъ, еще болѣе содѣйствовали ея усиленію. При видѣ этихъ гоненій, въ сознаніи большинства нелѣпость ученія отступала на задній планъ, ступевывалась, а на мѣсто ея выступало невольное сочувствіе къ гонимымъ, сочувствіе къ страдальцамъ за вѣру и убѣжденіе, — сочувствіе къ людямъ, которые гдѣ-то, вдали отъ родины и родныхъ, одиноко томилась за желѣзными рѣшетками мрачныхъ монастырскихъ казематовъ.

Лѣтомъ 1820 года Селивановъ тайно, ночью былъ увезенъ изъ Петербурга и заключенъ въ знаменитую Суздальскую крѣпость, находящуюся въ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ. Петербургскій митрополитъ Михаилъ лично составилъ и даже собственноручно переписалъ особую секретную инструкцію, которой долженъ былъ руководствоваться архимандритъ-комендантъ Суздальской крѣпости въ дѣлѣ надзора за Селивановымъ. Независимо отъ этого подобная же инструкція была составлена тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ В. П. Кочубеемъ.

Въ ведахъ соблюденія большей тайны воспрещено было употреблять въ перепискѣ самое имя «секретнаго арестанта», т.-е. Селиванова, а

строжайше предписано было называть его не иначе, какъ «старикомъ, начальникомъ секты скопцовъ». Съ цѣлью предупредить всякую возможность сношеній арестанта съ его единомышленниками, было предписано, чтобы «мѣсто, въ которомъ онъ содержится, охраняемо было карауломъ внутренней стражи по крайней мѣрѣ изъ четырехъ человѣкъ».

Однако, всѣ эти мѣры, — какъ я имѣлъ возможность лично убѣдиться изъ подлиннаго дѣла, — всѣмъ не достигли своей цѣли: о заточеніи Селиванова въ Суздальскомъ монастырѣ вскорѣ же узнали его послѣдователи, а затѣмъ и всѣ интересовавшіеся его судьбой. Точно также не помогли и всѣ строгости надзора и караула: сидя въ одиночномъ заключеніи, Селивановъ сумѣлъ войти въ сношеніе съ своими сторонниками.

Вообще необходимо отмѣтить, что первыя десятилѣтія XIX-го вѣка отличались необыкновенно сильнымъ развитіемъ скопчества и не только въ народной средѣ, но и въ привилегированной. Въ эти годы ученіе бѣлыхъ голубей находить себѣ сторонниковъ и фанатическихъ послѣдователей въ разныхъ концахъ Россіи, какъ въ центрѣ, такъ и на окраинахъ. Въ подтвержденіе этого позволю себѣ привести здѣсь хотя нѣсколько фактовъ.

Въ 1818 году, въ тульской уголовной палатѣ, а потомъ въ сенатѣ производилось дѣло о *неслужащихъ дворянахъ*, изъ которыхъ одни обвинялись въ распространении секты «бѣлыхъ голубей», а другіе — въ принадлежности къ этой сектѣ. По разсмотрѣніи этого дѣла, сенатъ рѣшилъ всѣхъ подсудимыхъ, кромѣ прапорщика Асанова, лишить дворянскаго достоинства и отдать въ военную службу, а тѣхъ, которые окажутся неспособными къ военной службѣ, заключить на всю жизнь въ монастыри.

Въ томъ же 1818 году имѣлъ мѣсто слѣдующій крайне любопытный фактъ: въ этомъ году въ Соловецкую тюрьму былъ присланъ дворовый чело­вѣкъ графа Головкина Антонъ Дмитріевъ, за распространіе скопчества и за то, что онъ оскотилъ себя и своего господина *графа Головкина*.

Вообще въ Соловецкомъ острогѣ въ разное время содержались многіе изъ бѣлыхъ голубей. Въ 1821 году, по Высочайшему повелѣнію, туда былъ заключенъ за скопчество томскій купецъ-милліонеръ Мефодій Петровичъ Шумиловъ. Его имущество было оцѣнено въ 2.591.000 рублей. Едва ли не главная его вина состояла въ томъ, что онъ былъ слишкомъ преданъ «Живому Богу» скопцовъ, Кондратию Селиванову.

Въ половинѣ 20-хъ годовъ, въ томъ же Соло-

вецкомъ острогѣ сидѣлъ за скопчество *штабсъ-капитанъ* Сазоновичъ. Въ 1825 году, сидя въ монастырскомъ острогѣ, Сазоновичъ произвелъ операцію оскотленія надъ «земскимъ писаремъ» Варфаломеемъ Павловымъ, который за основаніе въ Калужской губерніи особой секты, сходной съ скопчествомъ, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь.

Наконецъ, вотъ фактъ сравнительно изъ недавняго уже времени. Въ 1874 году въ Казанскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло о разныхъ лицахъ, обвинявшихся въ распространіи скопческой секты. Главнымъ подсудимымъ по этому дѣлу явился *штабсъ-капитанъ* Невѣровъ, у котораго при обыскѣ была найдена цѣлая масса книгъ и вещей, почитаемыхъ бѣлыми голубями и употребляемыхъ ими при радѣніяхъ. Невѣровъ за дѣятельное распространіе секты и за совращеніе въ нее разныхъ лицъ былъ приговоренъ къ ссылке въ Восточную Сибирь.

Но ни дебри Сибири, ни сырые, душные казематы Соловецкаго острога и Суздальской крѣпости — ничто не помогало: секта бѣлыхъ голубей и до сихъ поръ находитъ себѣ сторонниковъ и послѣдователей среди аскетически настроенныхъ людей, хотя теперь, въ наши дни она гнѣздится, главнымъ образомъ, среди полутемнаго крестьянства, зажиточнаго мѣщанства и купечества.

Секта Татариновой.

I.

Въ 1817 году до свѣдѣнія правительства дошло, что живущая въ Михайловскомъ дворцѣ (нынѣ Инженерный замокъ), при матери своей полковницѣ Буксгевденъ, жена статскаго совѣтника Екатерина Филипповна Татаринова основала какую-то особую секту, которую ревностно распространяеть среди своихъ знакомыхъ.

Немедленно, конечно, назначено было слѣдствіе, которое обнаружило, что число послѣдователей этой новой секты доходило до сорока человекъ и что въ этомъ числѣ было немало представителей высшаго петербургскаго общества того времени.

Стоявшая во главѣ секты Екатерина Филипповна Татаринова, урожденная фонъ Буксгевденъ, родилась въ 1783 году; мать ея была урожденная баронесса Мальтицъ. Образование Екатерины Филипповны получила въ Смольномъ институтѣ, при чемъ

все время учения жила въ семействѣ начальницы института, графини Адлербергъ. За отличные успѣхи въ наукахъ она была награждена фрейлинскимъ приданымъ.

Бракъ ея съ Иваномъ Михайловичемъ Татариновымъ былъ несчастливъ; вскорѣ супруги должны были разстаться. Татариновъ, служившій сначала въ гренадерскомъ полку, перешелъ въ статскую службу и, получивъ мѣсто директора гимназіи въ городѣ Рязани, уѣхалъ туда, оставивъ жену въ Петербургѣ.

По происхожденію и связямъ семья Буксгевденъ принадлежала къ высшему петербургскому обществу. Мать Татариновой была назначена императоромъ Павломъ къ великой княжнѣ Александрѣ Александровнѣ главной дамой, и съ тѣхъ поръ она жила въ Михайловскомъ дворцѣ. Александръ I-й оставилъ квартиру за г-жею Буксгевденъ «со всѣми удобствами» и пожаловалъ ей пенсію. Екатерина Филипповна, оставшись, послѣ отъѣзда мужа, одна, поселилась вмѣстѣ съ матерью во дворцѣ.

У нея былъ единственный ребенокъ, восьмилѣтній сынъ, котораго она горячо и страстно любила. Вдругъ этотъ ребенокъ умираетъ. Смерть эта была страшнымъ ударомъ для любящей матери. Нервы ея, разстроенные разрывомъ съ мужемъ, еще болѣе были потрясены этимъ событіемъ. Она пала духомъ,

все отдавшись неутѣшному горю; она была близка къ отчаянію.

Въ этотъ роковой для нея моментъ судьба сталкиваетъ ее съ мистиками, идеи и вліяніе которыхъ все сильнѣе и сильнѣе распространялись въ то время среди петербургскаго общества. Они указываютъ ей на религію, которая одна только можетъ доставить покой и нравственное удовлетвореніе. Одинъ изъ мистиковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Багипскій, говоритъ ей:

— «Возлюбите, сударыня, Спасителя, паче всѣхъ и паче всего. Онъ одинъ можетъ утѣшить и успокоить ваше сердце». И тутъ же предлагаетъ ей книжку мистическаго содержания: «Капли Меда», съ совѣтомъ читать ее какъ можно внимательнѣе и прилежнѣе. Съ этихъ поръ устанавливаются ея сношенія съ мистиками.

Съ другой стороны въ это же самое время она заинтересовывается хлыстовскими ученіями, распространенными среди простонародія, знакомится съ членами хлыстовскихъ кораблей, сходится съ «сѣрыми» и «бѣлыми голубями». Она посѣщаетъ ихъ собранія, присутствуетъ при радѣніяхъ. Многое изъ того, что она видитъ тутъ, нравится ей, влечетъ ее къ себѣ, но многое также и отталкиваетъ, вызываетъ возраженія. И вотъ она рѣшаетъ устроить

свои собственные собранія, чуждыя тѣхъ недостатковъ, которые шокировали ее въ хлыстовскихъ корабляхъ.

Каждое воскресенье, по утрамъ, съ шести часовъ, въ квартиру Татариновой начинаютъ собираться ея друзья и послѣдователи. Постоянными посѣтителями этихъ собраній, кромѣ самой Татариновой, были: жена майора Францъ, лейбъ-гвардіи семеновскаго полка подпоручикъ А. Милорадовичъ, офицеры того же полка, три брата Рачинскіе, капитанъ Буксгевденъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка капитанъ Бригенъ, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка поручикъ Миклашевскій, дѣвица Н. П. Пиперъ и другіе.

Полиціей были перехвачены, между прочимъ, письма Татариновой къ женѣ майора польской службы Аниѣ Францъ. Въ письмахъ этихъ Татаринова, называя Францъ «дражайшею во Христѣ сестрицею», просить никому не открывать ихъ тайны. Вообще, ученіе секты хранилось въ самомъ строгомъ секретѣ, и слѣдствію не удалось выяснитъ даже главныхъ положеній этого ученія. Но было установлено, что члены секты называли другъ друга братьями и сестрами, а самая секта называлась «союзомъ братства». Публика же называла эту секту «тайнымъ обществомъ адамитовъ».

При вступленіи въ эту секту, Анна Францъ

была приведена въ безчувственное состояніе; когда же она оправилась, то увидѣла пророка, который сказалъ ей, что вскорѣ явятся ангелы и возмутъ ее отъ этой жизни, а потому совѣтовалъ ей, въ видахъ спасенія души, быть благотворительною. Нѣчто подобное случилось также съ солдатскою женою Варварою Осиповою, которая находилась въ услуженіи у Татариновой и въ то же время состояла членомъ «союза».

Осипова рассказывала, что, при пріемѣ ея въ секту, она была положена въ постель и затѣмъ «не знаетъ, отчего пришла въ безпамятство»; когда же она почувствовалась, то увидѣла явившагося къ ней пророка, который предсказалъ, что къ ней придетъ корабль съ деньгами и что тогда она сама будетъ раздавать деньги бѣднымъ.

Въ комнатахъ, гдѣ собирались члены секты, висѣлъ на стѣнѣ большой образъ тайной вечера кисти художника Боровиковскаго. На собраніяхъ читались молитвы и Евангеліе, говорились проповѣди и распѣвались духовные стихи. Особенно часто распѣвался слѣдующій стихъ:

*Дай намъ, Господи,
Къ намъ Иисуса Христа,
Дай намъ сына Твоего!
Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!*

Изъ Твоея полноты
 Дай, Создатель, теплоты;
Наряди изъ насъ пророка,
 Чтобы силы подкрѣпить;
 Засуди судомъ небеснымъ
 И не дай врагу мѣшать,
Ниспосли живое слово
 Здѣсь просящимъ всѣмъ сердцамаъ,
 Ты, Христось, ты нашъ Спаситель!
 Иного Бога нѣтъ у насъ;
 Твоею силой укрѣпимся,
 За Тобой во слѣдъ идемъ.
 Прими слезы Твоей твари
 И поставь всѣхъ на пути!

Достаточно пробѣжать этотъ стихъ, чтобъ убедиться, что «союзъ братства» былъ не что иное, какъ отпрыскъ все той же хлыстовщины. Эти призывы Христа, эти просьбы о ниспосланіи «живого слова» и «пророка» не оставляютъ никакого сомнѣнія въ хлыстовскомъ происхожденіи этой пѣсни.

Наконецъ, тѣ немногіе обряды секты, которые были открыты слѣдствиемъ, также носятъ на себѣ несомнѣнный хлыстовскій характеръ. Во время моленія членовъ союза, одинъ изъ молящихся становился обыкновенно по срединѣ комнаты и начиналъ вертѣться кругомъ на востокъ; по окончаніи же молитвы подходилъ къ каждому и пророчилъ, большую

частью, лестными предсказаніями, нараслѣвъ, скороговоркою, безъ всякой связи и порядка въ рѣчахъ.

Пророчествовали болѣе женщины, между прочимъ, и сама Татаринова. Члены секты вѣрили, что на этихъ пророковъ и пророчицъ, дѣйствительно, бываетъ сошествіе Св. Духа, который и говоритъ ихъ устами. Сами же пророки и пророчицы увѣряли, что когда они пророчествуютъ, то не помнятъ, не сознаютъ себя и говорятъ не по собственной волѣ, но по волѣ Св. Духа, а потому они сами не знаютъ, что кому предсказываютъ.

Все свое ученіе члены братскаго союза основывали, главнымъ образомъ, на первыхъ четырехъ стихахъ XIV-й главы перваго посланія къ коринфянамъ, гдѣ, между прочимъ, говорится: «ревнуйте о дарахъ духовныхъ, особенно же о томъ, чтобъ пророчествовать... кто пророчествуетъ, тотъ говоритъ людямъ въ назиданіе, увѣщаніе и утѣшеніе... кто пророчествуетъ, тотъ назидаетъ церковь» и т. д.

Въ числѣ поклонниковъ Татариновой и посѣтителей ея собраній былъ между прочимъ извѣстный художникъ В. Л. Боровиковскій, пользовавшійся въ то время громкой славой. Подъ вліяніемъ Татариновой Боровиковскій написалъ цѣлый рядъ картинъ духовнаго содержанія для «союза братства». Картины эти были поставлены въ тѣхъ комнатахъ Тата-

риновой, въ которыхъ происходили собранія «адамистовъ». Изъ записной книжки Боровиковскаго, напечатанной въ сборникѣ г. Бартенева «XIX вѣкъ», несомнѣнно видно, что онъ не только посѣщалъ собранія Татариновой, но и принималъ личное, дѣятельное участіе въ радѣніяхъ.

Императоръ Александръ Павловичъ, рассмотрѣвъ записку о собраніяхъ въ Михайловскомъ замкѣ, не придавъ имъ никакого значенія. На докладѣ по поводу этихъ собраній онъ положилъ такого рода резолюцію: «оставить оныя (т. е. собранія) безъ вниманія, какъ не заключающія въ себѣ важности». Тѣмъ дѣло было и кончилось.

Настроенный мистически, государь Александръ I-й относился съ явнымъ сочувствіемъ къ дѣятельности Татариновой и не скрывалъ этого сочувствія. Татаринова дважды лично представлялась ему. Однажды онъ сказалъ ей:

— Продолжайте ваше дѣло... Нынѣ на Западѣ распространились карбонары и проникли даже въ мою державу... ¹⁾ Я очень доволенъ вами за ваше ученіе о Спасителѣ». И тутъ же объявилъ о назначеніи ей пенсіи.

Изъ приведенныхъ словъ государя видно, что

¹⁾ Въ этихъ словахъ видятъ намекъ на то, что Александру I были извѣстны замыслы декабристовъ.

онъ поощрялъ религіозную дѣятельность Татариновой вполне сознательно, вида въ такого рода дѣятельности противовѣсъ революціоннымъ настроеніямъ, которыя въ то время, какъ извѣстно, все сильнѣе и сильнѣе распространялись въ обществѣ.

Насколько цѣнилъ Александръ Павловичъ дѣятельность Татариновой, можно видѣть между прочимъ изъ того, что онъ обыкновенно пользовался каждымъ случаемъ, чтобы подчеркнуть свое вниманіе къ ней. Такъ, напримѣръ, проѣзжая однажды черезъ Рязань, государь пригласилъ къ своему столу мужа г-жи Татариновой, служившаго въ то время директоромъ рязанской гимназіи, и за обѣдомъ большею частію разговаривалъ съ нимъ.

Бывали случаи, когда государь Александръ I-й выступалъ въ качествѣ защитника Татариновой противъ тѣхъ обвиненій и подозрѣній, которыя возникали у тѣхъ или иныхъ лицъ высшаго общества по поводу собраній, устраиваемыхъ ею въ Михайловскомъ дворцѣ. Такъ, напримѣръ, тайный совѣтникъ Григорій Петровичъ Милорадовичъ одно время былъ крайне озабоченъ тѣмъ, что сынъ его, гвардейскій офицеръ, часто посѣщалъ собранія Татариновой. И вотъ государь считаетъ нужнымъ успокоить его; онъ пишетъ Милорадовичу собственноручное письмо, въ которомъ сообщаетъ: «Я старался про-

никнуть сына вашего Алексѣя связи и по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ нашли, что тутъ ничего такого нѣтъ, что бы отводило отъ религіи; напротивъ, онъ сдѣлался еще болѣе привязаннымъ къ церкви и исправнымъ въ своей должности».

II.

Проходить двадцать лѣтъ. Новое царствованіе, новыя вѣянія. Вмѣсто слабовольнаго мистика Александра престолъ занимаетъ суровый, непреклонный Николай. Правой рукой государя вмѣсто религіозно-настроеннаго князя Голицына является шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ, какъ нельзя болѣе далекій отъ всякихъ увлеченій мистическаго характера. Всѣ эти перемѣны не могли, разумѣется, не отзываться и на судьбѣ религіозныхъ искателей.

Татаринава давно уже принуждена была покинуть Михайловскій дворецъ. Теперь она, вмѣстѣ съ своими ближайшими послѣдователями, жила на дачахъ, у Московской заставы.

Въ 1837 году, находившійся въ услуженіи у тайнаго совѣтника Попова крѣпостной человекъ, Петръ Александровъ, сдѣлалъ доносъ, что близъ Московской заставы, среди лицъ, жившихъ на дачахъ, существуетъ какая-то секта, въ которой между прочимъ принимаетъ

участіе статская совѣтница Татаринава. Началось слѣдствіе, въ которомъ дѣятельное участіе принялъ составившій себѣ столь печальную извѣстность начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генераль Дубельтъ.

Прежде всего, слѣдствіемъ было обращено вниманіе на то, чтобы узнать личный составъ членовъ и приверженцевъ новой секты. Оказалось, что въ числѣ послѣдователей этой секты были слѣдующія лица: генераль лейтенантъ Е. А. Головинъ, его жена, дочь и два сына, тайный совѣтникъ Поповъ и его три дочери, Татаринава, статскій совѣтникъ Пилецкій, инженеръ-капитанъ Буксгевденъ, князь Энгальчевъ съ женою и дочерью, служащій въ канцеляріи государыни коллежскій ассесоръ Родіоновъ и другіе.

Въ виду того, что въ числѣ послѣдователей этой секты снова оказались Татаринава и Буксгевденъ, слѣдуетъ заключить, что якобы „открытая вновь секта“ являлась въ сущности прямымъ продолженіемъ существовавшаго ранѣе «союза братства», или «тайнаго общества адаmistовъ». Слѣдствіемъ, между прочимъ, было констатировано, что наемная прислуга замѣшанныхъ въ сектѣ лицъ никакого участія въ ихъ собраніяхъ не принимала.

На членовъ секты глухою ночью была предпринята облава, которою руководилъ опытный въ по-

добнаго рода дѣлахъ генераль Дубельтъ. Всѣ сектанты были застигнуты врасплохъ и арестованы въ своихъ квартирахъ. Въ помѣщеніяхъ, занимаемыхъ послѣдователями секты, были найдены особо устроенныя моленныя, внутренность которыхъ имѣла видъ церкви, съ образами и огромными церковными подсвѣчниками. А это, по тому времени, составляло уже весьма серьезное преступленіе.

Въ домѣ одного изъ послѣдователей секты, тайнаго совѣтника Попова, найдены были двѣ моленныя, изъ которыхъ одна была украшена, какъ самая лучшая церковь; тутъ были образа въ дорогихъ ризахъ, паникадила, плащеница, хоругви—все это было сдѣлано съ большимъ вкусомъ и какъ нельзя болѣе изящно. Около моленной былъ расположенъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ комнатъ, также украшенныхъ различными священными предметами и роскошно отдѣланныхъ.

На собраніяхъ послѣдователи союза братства обыкновенно одѣвались въ бѣлую одежду: женщины—въ платья обыкновеннаго покроя, мужчины—въ бѣлые халаты. Затѣмъ слѣдовало пѣніе разныхъ духовныхъ пѣсень; при этомъ одинъ или одна изъ принадлежавшихъ къ сектѣ начиналъ вертѣться и продолжалъ это до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ въ себѣ вдохновеніе къ пророчеству или

сошествіе Св. Духа. Иногда такого рода круженіе исполнялось всѣми присутствовавшими вдругъ, одновременно. Такимъ образомъ, на этотъ разъ мы встречаемъ уже въ союзѣ братства настоящія радѣнія, чисто-хлыстовскаго характера.

Далѣе слѣдствіемъ былъ обнаруженъ слѣдующій возмутительный фактъ, показывающій, до какихъ безобразій можетъ довести религиозный фанатизмъ даже сравнительно развитыхъ людей. Средняя изъ дочерей тайнаго совѣтника Попова, Любовь, не скрывала своей антипатии къ обрядамъ братскаго союза и отказывалась участвовать въ нихъ; этимъ она навлекла на себя гнѣвъ своего отца и особенно Татариновой, которая выдавая себя вдохновенною святымъ духомъ, приказывала Попову подвергать дочь тѣлесному наказанію.

Въ теченіе года Поповъ билъ «непослушную дочь» палками по два, иногда по три раза въ недѣлю, иногда до крови, не позволяя ей имѣть общеніе съ сестрами, держалъ ее въ строгомъ уединеніи, а на ночь запиралъ въ чуланъ и бралъ къ себѣ ключъ. При обыскѣ, несчастная дѣвушка дѣйствительно была найдена запертою въ темномъ чуланѣ, неимѣвшемъ оконъ. Сестры ея утверждали, что ранѣе она всегда пользовалась цвѣтущимъ здоровьемъ и только со времени этихъ истязаній начала хирѣть и чахнуть. Въ актѣ,

составленном по этому поводу, сказано, что на ней «осталась, такъ сказать, одна кожа и кости, такъ что видъ сей дѣвицы внушаетъ невольное состраданіе».

Осмотръ дома, занимаемаго Татариною, обнаружилъ, что у нея всѣ приемныя комнаты украшены были образами огромной величины съ такими же подсвѣчниками передъ каждымъ. Въ спальнѣ ея, на маленькомъ столикѣ, найдена была дароносица, въ которой оказался кусокъ благаго сдобнаго хлѣба. Все это, безъ сомнѣнія, доказывало, что у братскаго союза выработался уже цѣлый религіозный культъ съ разнаго рода таинствами, обрядами и т. п.; видно было, что внѣшняя, чисто-обрядовая сторона получила особенный перевѣсъ, особенно сильное развитіе среди послѣдователей этой секты.

На этотъ разъ правительство уже совершенно иначе отнеслось къ сектантамъ, чѣмъ въ 1817 году: почти всѣ они подверглись тяжелымъ наказаніямъ. Большая часть изъ нихъ, по обычаю того времени, была заточена по монастырямъ и монастырскимъ тюрьмамъ.

Такъ, тайный совѣтникъ Поповъ сосланъ въ казанскій Зилантовъ монастырь, гдѣ и умеръ; Татаринова, вмѣстѣ со своею воспитанницею Васильевою, отправлена была въ женскій Кашинскій монастырь, Тверской губерніи, гдѣ она пробыла около десяти

лѣтъ, послѣ чего ей было разрѣшено поселиться въ Москвѣ. Статскій совѣтникъ Пилецкій былъ заключенъ въ знаменитую суздальскую тюрьму, находящуюся въ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ пробылъ до 1842 года, обнаруживъ замѣчательную твердость духа; титулярный совѣтникъ Федоровъ былъ сосланъ въ Юрьевскій монастырь, а жена его—въ Свято-духовъ, новгородской епархіи. Родной братъ Татариновой, капитанъ Буксгевденъ, высланъ былъ въ г. Бѣлозерскъ, подъ строгій надзоръ полиціи. Всѣ остальные члены братства также подверглись болѣе или менѣе строгимъ взысканіямъ.

Религіозныя движенія 40-хъ и 50-хъ годовъ.

Репрессіи, которыми духовныя и гражданскія власти неизмѣнно встрѣчали всякое религіозное движеніе, сколько-нибудь уклонявшееся отъ господствующей церкви,—конечно, отнюдь не могли остановить религіозныхъ исканій, которыя постоянно возникали въ обществѣ вслѣдствіе глубокой религіозной неудовлетворенности.

Не прошло и десяти лѣтъ послѣ погрома, разразившагося надъ послѣдователями Татариновой, какъ

петербургская тайная полиція снова начала получать доносы о религиозном броженіи, снова возникшемъ среди высшаго петербургскаго общества.

На этотъ разъ центромъ движенія была Сергіевская улица, которая и въ то время считалась одной изъ наиболѣе аристократическихъ улицъ Петербурга. Для наблюденія за этимъ движеніемъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, назначилъ опытныхъ, испытанныхъ сыщиковъ, на обязанность которыхъ было возложено выслѣдить главныхъ вожаковъ секты и узнать сущность ихъ ученія.

Вскорѣ полиціи сдѣлалось извѣстнымъ, что члены секты имѣютъ постоянныя собранія въ домѣ князя Энгальчева, на Сергіевской улицѣ, и въ квартирѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ханькова, жившаго также на Сергіевской улицѣ. У этихъ лицъ были устроены для собраній особыя моленныя.

На этихъ собраніяхъ, кромѣ семействъ Энгальчева и Ханькова, постоянное участіе принимали, между прочимъ, слѣдующія лица: отставной полковникъ гвардіи князь Н. С. Кропоткинъ, князь С. А. Кропоткинъ съ дочерью, дѣйствительный статскій совѣтникъ Родіоновъ, генералъ-лейтенантъ Головинъ, помѣщикъ Нелидовъ, г-жа Лермонтова, предсѣдатель адреснаго стола Богатскій, пріѣзжавшая изъ Москвы

генеральша Бутурлина, многіе гвардейскіе офицеры и проч. Почти всѣ эти лица жили въ районѣ Литейной части, группируясь около Сергіевской улицы.

Общій характеръ этого движенія, насколько онъ могъ выясниться изъ официальной переписки, возбужденной по этому поводу, былъ тотъ же самый мистико-хлыстовскій, которымъ отличались и прежнія, только что указанные нами секты «братскаго союза».

Почти въ это же самое время, т. е. въ 1850—1852 году, въ Петербургѣ была обнаружена новая секта, во главѣ которой стоялъ полковникъ Дубовицкій. Дубовицкій былъ помѣщикъ Орловской губерніи, въ которой, какъ извѣстно, особенно сильно распространены хлыстовская и скопческая секты. Въ одномъ изъ своихъ имѣній, находящемся въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, Дубовицкимъ былъ организованъ хлыстовскій корабль, котораго онъ состоялъ кормщикомъ.

Членами этого «корабля» были мѣстные дворяне, помѣщики и ихъ крѣпостные крестьяне. Такъ, ближайшими помощниками и наперсниками Дубовицкаго были: съ одной стороны крѣпостной крестьянинъ, пророкъ Ермилушка, а съ другой—помѣщикъ Рязанской губерніи Л. М. Гагинъ. Особыя моленныя, устроенныя Дубовицкимъ въ его имѣніи прилежно

посѣщались послѣдователями его ученія, носившаго несомнѣнно хлыстовскій характеръ.

Самъ Дубовицкій значительную часть года проводилъ въ Петербургѣ, гдѣ усиленно пропагандировалъ свое ученье. Здѣсь, въ числѣ послѣдователей его секты находилось, между прочимъ, нѣсколько лютеранъ.

Сыщики лѣзли изъ кожи, желая выполнить возложенное на нихъ порученіе; они выслѣживали, шпионовали, подслушивали, подкупали прислугу заподозрѣнныхъ лицъ и т. д. Надъ князьями, генералами и гвардейскими офицерами, очевидно, собиралась гроза. Но въ это самое время графъ Перовскій оставляетъ министерство, а преемникъ его, Вибиковъ, съ перваго же дня началъ отмѣнять все, предпринятое его предшественникомъ. Такимъ образомъ, выслѣживанія были прекращены, и дѣло на этотъ разъ «оставлено безъ послѣдствій». Разумѣется, это было сдѣлано не изъ чувства гуманности, въ которомъ, конечно, никто не заподозритъ г. Вибикова, стяжавшаго слишкомъ опредѣленную извѣстность въ этомъ отношеніи.

Необходимо однако замѣтить, что какъ Дубовицкому, такъ и его главнымъ послѣдователямъ не удалось-таки избѣжать преслѣдованій со стороны правительства: одно время полковникъ Дубовицкій былъ

заточенъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, а помѣщикъ Л. М. Гагинъ — въ Валаамовъ монастырь.

Вообще Дубовицкому за свои религіозныя убѣжденія пришлось испытать множество всякаго рода гоненій и преслѣдованій со стороны властей, духовныхъ и свѣтскихъ. Между прочимъ, онъ въ теченіи долгихъ лѣтъ томился въ ссылкѣ въ разныхъ глухихъ и отдаленныхъ монастыряхъ. Когда-же его освобождали изъ монастыря, то окружали такой системой тайнаго и явнаго надзора, что буквально отравляли ему всю жизнь.

Не смотри на подобныя мѣры, а можетъ быть отчасти, и благодаря имъ, ученія и секты мистико-хлыстовскаго характера распространялись все болѣе и обнаруживались въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Такъ, въ 1842 году хлыстовская секта была открыта въ Нижегородской губерніи. Здѣсь во главѣ ея стояла мордовка Арина Лазарева, а въ числѣ ея послѣдователей оказались: православный священникъ, благочинный села Ревезени, архіерейскій духовникъ, совѣтникъ губернскаго правленія, помощникъ управляющаго удѣльною конторою, жительницы Зеленогорской женской общины и другія лица.

Въ концѣ 50-хъ годовъ на Уралѣ возникаетъ секта десныхъ или «десное братство», основателемъ котораго былъ капитанъ артиллеріи Николай

Сазоновичъ Ильинъ, а первыми и наиболѣ активными послѣдователями его: подпоручикъ корпуса лѣсничихъ А. С. Лалетинъ, его жена А. И. Лалетина, полицеймейстеръ николаевскаго оружейнаго завода, титулярный совѣтникъ Протопоповъ, контролеръ уральскаго горнаго правленія, коллежскій ассесоръ Буринъ, купеческій сынъ Шептаевъ и друг.

По словамъ духовныхъ писателей, Ильинъ, читавшій западныхъ мистиковъ, и въ особенности «Побѣдной Исповѣди» Юнга Штиллинга, увлекся духомъ протестантскаго свободомыслія и мистицизма, отвергъ всѣ преданія св. церкви, ея таинства и обряды, посты и вообще все внѣшнее церковное богослуженіе и составилъ въ Баранчинскомъ заводѣ— на которомъ онъ служилъ,—особое религиозное общество подъ названіемъ «десное братство».

Все ученіе «десныхъ» было основано на законѣ любви, причемъ въ практической жизни этотъ законъ «десные» думали осуществить слѣдующимъ образомъ: всѣ «десные» должны составить братство, членами котораго могутъ быть люди всѣхъ сословій и націй. Въ братствѣ десныхъ всѣ должны быть равны между собою, сильные же міра сего должны считать себя въ братствѣ меньшими. Высшій судъ въ братствѣ принадлежитъ всѣмъ членамъ его, и «десные» ни подъ какимъ видомъ не должны разбирать свои дѣла

на судъ у «ошуиныхъ», т. е. лицъ, не принадлежащихъ къ сектѣ.

Члены братства во всѣхъ своихъ дѣлахъ должны руководствоваться любовью другъ къ другу; эта любовь особенно должна обнаруживаться въ готовности отказаться отъ своего имущества въ пользу братства. Вообще идеаломъ этой братской общины служить полный коммунизмъ имущества, но по ученію Ильина, этотъ идеаль долженъ достигаться постепенно.

Сначала же деснымъ заповѣдуется жертвовать въ пользу братства возможно больше, но не все, а членамъ купцамъ дозволяется даже имѣть въ личномъ владѣніи оборотный капиталъ, съ котораго только проценты должны поступать въ пользу братства. Но эта заповѣдь временная и годная только для несовершеннолетнихъ въ любви, кто же достигъ совершенной любви, у того не должно быть ничего своего, ничего личнаго, а все для братства богочеловѣческаго.

О существованіи этой секты мѣстнымъ властямъ сдѣлалось извѣстно въ 1858 году. Въ высшихъ сферахъ взглянули на это крайне серьезно. По высочайшему повелѣнію назначено было строжайшее слѣдствіе, при участіи особой комиссіи изъ Петербурга. Всѣ сколько нибудь видные члены и участники секты, были арестованы, а затѣмъ поплатились крайне тяжело за свое религиозное увлеченіе.

Главный руководитель секты капитанъ Ильинъ, послѣ заключенія въ Петропавловской крѣпости, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ провелъ въ одиночномъ заключеніи цѣлыя четырнадцать лѣтъ. Но этимъ не кончились его мытарства: въ октябрѣ 1873 года Ильинъ былъ переведенъ изъ Соловоковъ въ Суздальскую монастырскую крѣпость, въ которой и пробылъ еще шесть лѣтъ.

Двадцатилѣтнее одиночное заключеніе роковымъ образомъ сказалось на душевномъ состояніи мистически настроеннаго основателя «деснаго братства»: онъ вышелъ изъ каземата Суздальской крѣпости психически больнымъ. Всѣ, обнаруженные слѣдствіемъ послѣдователи и послѣдовательницы Ильина также были разсланы по разнымъ монастырямъ.

Но и на этотъ разъ я долженъ констатировать полную бесплодность и бесполезность тѣхъ преслѣдованій и гоненій, которыя были пущены въ ходъ правительствомъ по отношенію къ руководителю и членамъ «деснаго братства». Какъ ни строго держали Ильина въ Соловкахъ и Суздаль, онъ все-таки находилъ возможность поддерживать постоянныя сношенія со своими послѣдователями и почитателями.

И когда, по прошествіи двадцати лѣтъ, проведенныхъ въ казематахъ монастырскихъ тюремъ, онъ

былъ наконецъ освобожденъ изъ заключенія и отправленъ въ ссылку въ Митаву—число его послѣдователей, получившихъ въ народѣ названіе «іеговистовъ», возросло до крупной цифры, и ихъ можно было встрѣтить уже не на одномъ только Уралѣ, но и на Волгѣ, и на Кавказѣ, и въ Сибири и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Въ настоящее время послѣдователи секты іеговистовъ считаются тысячами.

Въ концѣ 50-хъ годовъ впервые проникаетъ въ Россію изъ за границы ученіе ирвингянъ или «апостоловъ послѣднихъ дней». Сначала оно утвердилось въ Ревелѣ, Ригѣ, Митавѣ и Либавѣ, въ средѣ нѣмецкаго общества, а затѣмъ, въ концѣ 60-хъ годовъ, перешло въ Петербургъ, гдѣ и была основана ихъ «апостольская община», существующая до сихъ поръ.

Пишущій эти строки имѣлъ возможность одно время, — а именно въ началѣ 80-хъ годовъ, — довольно близко наблюдать петербургскую апостольскую общину. Наблюденія эти читатели найдутъ въ слѣдующихъ за симъ очеркахъ.

АПОСТОЛЬСІЯ ОБЩИНЫ.

I.

На проповѣди.

Туманный, мгlistый петербургскій зимній вечеръ повисъ надъ столицей. У воротъ дома графа Шувалова ¹⁾, что на Сергіевской, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ впадаетъ въ нее Моховая, остановилось щегольское ландо. Рослый лакей, въ длинной ливреѣ, съ широкимъ скунгсовымъ воротникомъ, ловко прыгнувъ съ козелъ, проворно отворилъ дверцы и помогъ дамамъ выйти изъ экипажа. Въ пріѣхавших нетрудно было угадать мать съ двумя дочерьми—красивыми, стройными дѣвushками, и ихъ гувернантку.

— Est-ce là?—спросила полная, пожилая дама, выходя изъ экипажа и озираясь вокругъ.

— Oui, oui, madame, c'est justement la maison 10 log. № 8,—отвѣчала гувернантка и, пригласивъ слѣдовать

¹⁾ Теперь этотъ домъ принадлежитъ австрійскому посольству.

за собою, вошла во дворъ. За нею, предшествуемая дочерьми, медленно направилась полная дама брезгливо оглядываясь по сторонамъ.

— Подождать здѣсь!—кинула она въ сторону лакея, который въ нерѣшительности слѣдовалъ по пятамъ господъ.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство.

Въ то же время у воротъ графскаго дома остановилось двое мужчинъ.

— Прощайте! Мнѣ—сюда,—сказалъ одинъ изъ нихъ, высокій, немного неуклюжій, бородатый джентльменъ, обращаясь къ своему спутнику, плотному господину въ прекрасной ильковой шубѣ, съ буржуазно-сытымъ лицомъ.

— А что здѣсь такое?

— Здѣсь помѣщается церковь нашей общины; тутъ происходитъ богослуженіе, читаются проповѣди... Не хотите ли зайти?

— Но что я буду у васъ дѣлать?

— Сегодня—среда, а по средамъ у насъ всегда проповѣдь на русскомъ языкѣ.

— Воображаю, какъ это весело! Кто же проповѣдываетъ?

— Кто?.. вамъ сейчасъ же нужно назвать фамилію, кличку, какъ будто человѣческое имя что-нибудь можетъ значить! Впрочемъ, что же, это—не

секретъ; проповѣди обыкновенно у насъ говоритъ г. Дитманъ, Викторъ Александровичъ Дитманъ.

— Но кто же онъ такой?

— Кто онъ такой? О, если я вамъ скажу, какое положеніе занимаетъ онъ у насъ въ общинѣ, вы, навѣрно, разсмѣетесь, потому что въ васъ нѣтъ вѣры.

— Ну, однако, что же онъ такое? Монахъ, чиновникъ, схимникъ, гвардейскій офицеръ или, можетъ быть, самъ архіерей?

— Оставьте шутки. Онъ... онъ... ангелъ Сына Человѣческаго или вѣстникъ Христовъ... Это, собственно, все равно... Ну, вотъ видите, вы уже улыбаетесь.

— О, нѣтъ! помилуйте,—съ живостью возразилъ буржуазный господинъ.—Это преинтересно: послушать ангела! Это не каждому удается. Я иду съ удовольствіемъ.

И они направились въ глубь двора, причемъ высокій господинъ, не переставая, толковалъ о томъ, что не праздно любопытство должно побуждать насъ къ изслѣдованію религіи, а искреннее стремленіе найти спасительный выходъ изъ гнетущаго хаоса современной жизни, полной грѣха, безвѣрія и преступленій.

Они прошли первый дворъ и потомъ, вступивъ во второй, повернули вправо и начали подниматься

по лестницѣ, которую только съ большой натяжкой можно было назвать парадною. У дверей квартиры № 8-й они позвонили. Имъ отворила молодая, красивая дѣвушка, въ темномъ платьѣ, съ бѣлымъ передникомъ, какія обыкновенно носятъ въ институткахъ. Изъ прихожей, гдѣ они оставили шубы, одна дверь вела въ комнату для священнодѣйствующихъ, другая—въ залу, служащую церковью. Привратница общины, пожилая, скромно одѣтая женщина, отворила дверь, ведущую въ залу, и любезно указала имъ мѣста на передней скамьѣ.

Помѣщеніе, въ которомъ происходитъ апостольское богослуженіе и читаются проповѣди, очень скромное. Оно состоитъ изъ прихожей, комнаты священнодѣйствующихъ и довольно обширной залы, замѣняющей церковь. Во всю ширину этой залы, въ нѣсколько рядовъ, поставлены скамьи съ подушками и подушками въ ногахъ; подушки устроены такъ, чтобъ на нихъ было удобно становиться на колѣни; справа отъ входа, въ углу, стоитъ небольшой органъ. Глубина залы отгорожена перилами и устлана бархатными коврами—здѣсь происходитъ богослуженіе. Въ правомъ углу стоитъ кафедра, окрашенная въ бѣлый цвѣтъ, съ золотыми украшеніями. Противъ входныхъ дверей помѣщается такой же алтарь съ хранилищемъ для даровъ; налѣво стоитъ красивое

кресло, въ видѣ трона, для настоятеля общины. По сторонамъ, около стѣнъ стоятъ особыя скамьи, на которыя садятся во время богослуженія діаконы и другіе чины іерархіи.

На этотъ разъ, какъ и всегда, публики было весьма немного. На переднихъ скамьяхъ возсѣдали постоянные посѣтители апостольскихъ проповѣдей: графъ Сиверсъ и княжна М. М. Дондукова-Корсакова, тут же помѣщалась знакомая намъ полная дама съ красавицами-дочерьми и гувернанткой, а также два господина, вошедшіе слѣдомъ за ними. Что касается остальной публики, то, судя по костюмамъ, лицамъ и манерамъ, можно было безошибочно заключить, что она не имѣла ничего общаго со знатно первыхъ рядовъ и принадлежала къ сѣрой, разношерстной толпѣ столичнаго населенія.

Всѣ входившіе въ залу, прежде чѣмъ сѣсть на скамью, опускались на колѣни и, закрывъ лицо руками, шептали молитву.

Ровно въ семь часовъ, дверь, ведущая въ комнату для священнодѣйствующихъ, отворилась, и оттуда показался «вѣстникъ Христовъ». Всѣ тотчасъ же поднялись со своихъ мѣстъ и продолжали стоять до тѣхъ поръ, пока «ангелъ» не занялъ мѣста на кафедрѣ. Съ перваго взгляда, костюмъ «вѣстника» поразилъ меня своею фантастичностью;

но, всмотрѣвшись внимательно, я увидѣлъ, что этотъ костюмъ имѣлъ большое сходство съ одѣянiемъ, употребляемымъ католическими ксендзами во время богослуженiя.

Увѣренно, легкою походкой свѣтскаго чело-вѣка взошелъ «вѣстникъ» на кафедру. Это былъ чело-вѣкъ средняго роста, хорошо сложенный, лѣтъ 38-ми, брюнетъ, съ бакенбардами, въ видѣ кот-летъ, на полномъ бритомъ лицѣ, съ черными, кра-сиво подстриженными и необыкновенно тща-тельно расчесанными волосами. Темные, юркіе, про-ница-тельные глаза зорко обѣгали присутствующихъ, пы-тливо всматриваясь въ ихъ лица.

— Сначала,—проговорилъ «вѣстникъ»:—пропо-емъ, для ободренiя, стихъ № 20-й: «Что имѣете, держите, пока прiйду» (Откр. 20, 15).

Всѣ развернули лежавшія на пюпитрахъ книжки съ извѣстными «Любимыми стихами» и подъ акком-паниментъ органа запѣли хоромъ:

О, товарищи, смотрите,
Съ неба данъ сигналъ;
Новые полки, глядите,
Намъ Господъ послалъ.

„Крѣпость Мою не сдавайте:
Скоро Я прiйду!
Вы на небо отвѣчайте:
„Не сдадимъ врагу“!

Вотъ идутъ полки чужіе—
Сатана ведетъ;
Братья падаютъ родные,
Страхъ ужъ всѣхъ беретъ.

„Крѣпость Мою не сдавайте...»

и т. д.

Знамя выше подымите,
Слушайте трубу;
Смѣло, дружно всѣ бѣгите
Въ божію войну!

„Крѣпость Мою... и т. д.

Длится бой, полки рѣдѣютъ,
Помощь ужъ близка:
Не сдаются, не робѣютъ
Воины Христа.

„Крѣпость Мою... и т. д.

Вотъ идетъ Господъ нашъ съ неба,
Легионы съ Нимъ!
Съ нимъ и радость и побѣда,
Славу воздадимъ!

„Крѣпость Мою не сдавайте,
Вотъ ужъ Я иду!
Вы на небо отвѣчайте:
„Не сдали врагу“!

Пѣніе отличалось большимъ воодушевленіемъ, можно сказать энтузіазмомъ. Съ особеннымъ увле-ченіемъ пѣли дамы изъ числа постоянныхъ посѣти-тельницъ апостольскихъ проповѣдей. Губернантка

полной дамы старательно выводила верхнія ноты; но ея патронесса молча хранила недовольный видъ; ее видимо шокировало близкое сосѣдство одной плотной особы, нѣсколько вульгарнаго вида, которая, фальшивя и сбиваясь ежеминутно съ тона, тѣмъ не менѣе, громко съ необыкновеннымъ водушевлениемъ вторила вѣстнику. Лица молоденькихъ красавицъ не выражали ничего, кромѣ явнаго любопытства и нѣ котораго недоумѣнія. Господинъ съ буржуазнымъ лицомъ кусалъ губы, стараясь скрыть улыбку.

— Пощадите, ради Создателя, — шептала онъ своему пріятелю: — вѣдь это, наконецъ, невозможно... Что за галиматья расцѣвае вы?

Вмѣсто отвѣта, пріятель хмурилъ брови и начиналъ еще съ большимъ усердіемъ подтягивать хору.

Пѣніе окончилось. Проповѣдникъ снова пытливымъ, пристальнымъ взглядомъ окинулъ ряды присутствующихъ; затѣмъ, повернувшись по направлению къ востоку и промолвивъ «спомолимся!», онъ опустился на колѣни и закрылъ лицо руками.

Всѣ послѣдовали его примѣру.

— «Всемогущій, вѣчный Боже! — началъ вѣстникъ, — Ты — Богъ истины, утѣшенія и щедротъ. Ты — нашъ Отецъ, пребудь съ нами въ теченіе этого часа. Молимъ Тебя, Боже, ниспосли намъ благодать Духа Твоего Святаго; отверзи сердца наши, дабы мы

восприняли и усвоили Твое святое слово. Услыши насъ, ради Сына Твоего возлюбленнаго, Господа нашего Иисуса Христа, который вѣчно живетъ и царствуетъ съ Тобою въ единомъ божествѣ. Аминь!»

Наконецъ, началась проповѣдь. Постараюсь воспроизвести ее здѣсь, по возможности, въ томъ самомъ видѣ, какъ она произносилась.

«Если мы бросимъ взглядъ, — началъ вѣстникъ: — на великія міровыя событія, на ходъ всемірной исторіи и на то, что совершается теперь, въ наши дни, то мы найдемъ, что пророчества священнаго писанія проливаютъ на все это удивительный свѣтъ. Прежде всего мы видимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ земля, никогда еще не было такого невѣрія, какъ въ наше время. Никогда!.. Быть можетъ, вы укажете мнѣ на французскую революцію, бывшую въ концѣ прошлаго столѣтія? Правда, тогда невѣріе было ужасно и дошло, наконецъ, до того, что революціонное правительство Франціи провозгласило закономъ, что пѣть Бога! Нѣтъ болѣе Бога! и подъ страхомъ смертной казни запретило молиться... Но вѣдь такое безбожіе выразилось тогда лишь въ одной странѣ; вся остальная Европа, весь свѣтъ возсталъ тогда противъ революціи, противъ ея невѣрія и ея ужасовъ.... Но что мы видимъ теперь?

«Увы! теперь мы видим, что тѣ же самыя мысли полнаго невѣрія, матеріализма, атеизма и нигилизма проповѣдываются повсюду открыто, публично, даже съ большею энергіей и съ большею послѣдовательностью, чѣмъ прежде. Въ каждой странѣ, среди каждой націи, вы найдете множество людей, раздѣляющихъ подобныя воззрѣнія, сочувствующихъ имъ. Отрицатели Бога, разные атеисты и нигилисты дошли нынѣ до того, что, унижая человѣка до животнаго, о себѣ самихъ говорятъ, что они происходятъ отъ неразумныхъ тварей, отъ животныхъ, отъ обезьянъ. И это проповѣдываютъ не невѣжественные и не неученые люди, но считающіеся передовыми, философами, мыслителями. И ихъ слушаютъ, имъ вторять цѣлыя тысячи людей! Не печально ли это? Вотъ, до какого униженія дошелъ человѣкъ, отрицающаго своего Творца! Такъ глубоко могутъ пасть только христіане, отпавшіе отъ Евангелія. Только отпаденіе дѣлаетъ людей способными на такое страшное униженіе. Язычники не могутъ пасть такъ низко, такъ глубоко; они съ презрѣніемъ отвернулись бы отъ подобной мысли, отъ подобнаго позора!

«Въ то же время, нашъ вѣкъ гордится своею высокою цивилизаціей, блестящею культурой. Дѣйствительно, во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія и искусства наше время поразительно преуспѣло.

Но, вспомните: вѣдь, всѣ почти народы, пришедшіе теперь въ полный упадокъ, находились нѣкогда на высокой степени культуры. Не удивляемся ли мы теперь откапываемымъ остаткамъ древней цивилизаціи? То же самое ожидаетъ и насъ, и нашу культуру.

«Наряду съ этимъ, мы видимъ, что страшное растлѣніе нашихъ нравовъ пятнаетъ наше время. Гдѣ теперь любовь къ правдѣ и справедливости? Куда дѣвалась чистота нравовъ нашихъ предковъ, которые были въ язычествѣ и которые прелюбодѣяніе наказывали смертю?.. Въ плачевное, мрачное состояніе погрузилось наше общество...

«Все это явно доказываетъ, что мы—наканунѣ суда Божія.

«Одинъ изъ самыхъ распространенныхъ грѣховъ нашего времени—непослушаніе, неповиновеніе. Оно не считается даже грѣхомъ. Между тѣмъ, это—одинъ изъ самыхъ важныхъ, самыхъ тяжкихъ и страшныхъ грѣховъ. Непослушаніемъ нашихъ прародителей потерявъ рай, и чрезъ него въ міръ вошла смерть, вошло зло. Нынѣшніе социалисты, нигилисты и революціонеры—воплощеніе зла и смерти, воплощеніе духа антихриста!.. И посмотрите вокругъ, какую адскую, какую чудовищную силу имѣютъ теперь эти слуги антихриста, эти исчадія сатаны, эти посланники ада!..»

Здѣсь проповѣдникъ пріостановился съ явнымъ желаніемъ усилить эффектъ своей филиппики. Вообще, невольно бросалось въ глаза стремленіе вѣстника про- извести впечатлѣніе, поразить своихъ слушателей; для этого онъ пускалъ въ ходъ всевозможные ораторскіе приемы, въ родѣ неожиданныхъ остановокъ, повышенной голоса, доходившихъ иногда до крика, грозныхъ, строгихъ, почти свирѣпыхъ взглядовъ, какіе онъ металъ на присутствовавшихъ, и т. д.; я уже не говорю о страшныхъ словахъ и всевозможныхъ «жупелахъ», которыми проповѣдникъ щедро уснащалъ свою рѣчь. Дикція его была вполне выработанная и могла производить впечатлѣніе.

«Да, мрачные дни переживаемъ мы—продолжалъ проповѣдникъ—поистинѣ мрачные!.. Наступили въ христіанскомъ мірѣ тѣ дни, въ которые, по пророческому слова Господа: «люди будутъ издыхать отъ страха и ожиданія бѣдствій, грядущихъ на вселенную» (Лук. 21, 26). Эти дни наступили—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія!

«Чтобы понять роковое значеніе нашего времени и событій, совершающихся теперь въ христіанскомъ мірѣ, необходимо прибѣгнуть къ свѣтильнику слова Божія. «Мы имѣемъ вѣрнѣйшее пророческое слово, и вы хорошо дѣлаете, что обращаетесь къ нему,

какъ къ свѣтильнику, сияющему въ темномъ мѣстѣ» (2 Петр. 1, 19).

«Настаетъ конецъ вѣка! Все, что нынѣ совершается и что теперь предстоитъ всему христіанскому міру—все это оказывается подробно предвѣщаннымъ концомъ теперешняго вѣка... Приближается второе пришествіе Господа съ небесъ во славу!.. Приближается!.. Слушайте же и примите къ сердцу слова наши.

«Приблизилась пора явнаго личнаго возвращенія Господа нашего Иисуса Христа съ небесъ... Вотъ Онъ идетъ! Вотъ Онъ уже при дверяхъ!.. Онъ возвращается, чтобы судить «живыхъ и мертвыхъ» (2 Тимоф. 4, 1).

«Онъ идетъ для того, чтобы истребить и уничтожить беззаконниковъ на землѣ и чтобы взять и восхитить къ Себѣ на небо всѣхъ тѣхъ, которые до сихъ поръ остались вѣрными Ему. Онъ возьметъ насъ живыми на небо, если мы останемся вѣрными Ему. Мы будемъ вѣчно съ Нимъ и съ Нимъ сойдемъ на землю, чтобы принять участіе въ Его судѣ надъ міромъ беззаконниковъ (Іуда, 14; Откр. 19, 11)»...

И вотъ, все въ такомъ родѣ, «вѣстникъ» говорилъ цѣлый часъ. Нельзя сказать, чтобы присутствовавшая на проповѣди публика особенно внима-

тельно слѣдила за рѣчью оратора. Дѣло въ томъ, что каждую среду обыкновенно говорится одно и то же, лишь съ небольшими варіаціями.

Вѣстникъ кончилъ, произнесъ благодарственную молитву и, объявивъ, что въ слѣдующую среду онъ будетъ толковать первую главу Апокалипсиса, оставилъ собраніе.

Публика поднялась со своихъ мѣстъ и направилась въ прихожую. Полная дама поспѣшила первою выйти изъ церкви; по ея лицу, по тѣмъ взглядамъ, какіе кидала она на плебейскую публику заднихъ рядовъ и на скудную обстановку «общины», было ясно видно, что ея нога не будетъ болѣе здѣсь. Буржуазный господинъ, посмѣиваясь въ нафабранные усы, что-то шепталъ своему спутнику, который съ недовольнымъ видомъ пожималъ плечами и укоризненно качалъ головою.

Молодая дѣвушка съ необыкновенно длинною шею и узкими плечами, сходя съ лѣстницы, признавалась своей подругѣ:

— Я — грѣшница: мнѣ такъ спать хотѣлось, когда онъ говорилъ, такъ хотѣлось, какъ никогда въ жизни.

Однимъ изъ послѣднихъ вышелъ графъ С.; въ лицѣ его свѣтилась тихая, умная улыбка; большіе, выразительные глаза разбѣянно смотрѣли куда-то вдаль.

— Онъ скоро получилъ запечатлѣніе, — шепотомъ произнесла та самая плотная особа, которая своимъ видомъ и пѣніемъ такъ сильно шокировала полную даму...

— Вамъ нужно послушать наше богослуженіе, — говорилъ бородатый джентльменъ. — Ахъ, какое у насъ богослуженіе! Точь-въ-точь, какое было въ первыя времена апостоловъ...

II.

Богослуженіе и пророчества.

Каждый день, въ извѣстные часы, въ церкви апостольской общины происходитъ богослуженіе. Особенною торжественностью отличается богослуженіе, совершаемое въ воскресные и праздничные дни, по утрамъ, отъ 10-ти до 12-ти часовъ. Всѣ эти богослуженія происходятъ на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ большинство членовъ петербургской апостольской общины состоитъ изъ нѣмцевъ.

Воскресное богослуженіе начинается ровно въ 10 часовъ. Всѣ присутствующіе встаютъ со своихъ мѣстъ; боковая дверь залы открывается и оттуда появляется духовенство общины. Обыкновенно, шестіе

открываютъ два маленькіе мальчика, одѣтые въ бѣлые кафтаны съ черными пелеринками, какія употребляютъ у католиковъ. За мальчиками слѣдуютъ дьяконы, тоже въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, съ темно-красными пелеринками, которыя иногда замѣняются красными лентами черезъ плечо. За дьяконами идутъ священники, или «пастыри», опять-таки въ бѣлыхъ одѣяніяхъ; иногда они бывають перепоясаны шнурами съ кистями или же украшены синими лентами черезъ плечо. Позади всѣхъ, съ служебникомъ въ рукахъ, идетъ обыкновенно настоятель общины или же лицо, занимающее его мѣсто. Въ торжественные дни онъ бываетъ одѣтъ въ роскошную, пурпуровую мантию съ золотою звѣздой на груди.

Настоятель останавливается передъ алтаремъ, священники и епископы размѣщаются по обѣ стороны отъ него, а дьяконы становятся у рѣшетки, какъ бы охраняя входъ въ алтарь. Начинается богослуженіе.

Всѣ эти, облеченные въ фантастическіе костюмы, чины апостольской іерархіи—люди, пользующіеся извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ. Въ одномъ изъ дьяконовъ, напримѣръ, вы можете узнать занимающаго административный постъ доктора медицины, отличившагося въ послѣднюю войну съ Турціей; одинъ изъ священниковъ—извѣстный докторъ гомео-

патіи г. Адамсъ, другой—педагогъ, воспитатель казеннаго учебнаго заведенія; наконецъ, настоятель общины—инженеръ генераль-майоръ г. фонъ-Эрдберъ.

Богослуженіе апостольской общины, состоящее изъ цѣлаго ряда всевозможныхъ обрядовъ, таинствъ, чтеній Евангелія, молитвословій и т. п., болѣе всего приближается къ католическому. Каждое воскресенье священнослужители общины совершаютъ евхаристію, причемъ всѣ члены общины, присутствующіе въ церкви, приобщаются св. таинъ, кромѣ оглашенныхъ, т. е. временно отлученныхъ отъ церкви за тотъ или другой проступокъ. Сначала приобщается настоятель общины, потомъ епископы (ангелы), евангелисты, священники или пастыри, дьяконы и т. д.

Вслѣдъ за причтомъ приобщаются прихожане; первыми встають и выходятъ за рѣшетку, гдѣ происходитъ причащеніе, всѣ сидящіе въ первомъ ряду; войдя за рѣшетку, всѣ они выстраиваются въ рядъ и опускаются на колѣни. Настоятель подходит къ каждому изъ нихъ, поочереды, и даетъ причастіе въ видѣ бѣленькихъ облачковъ; за нимъ идетъ священникъ съ чашею въ рукѣ; онъ также подходит къ каждому изъ причащающихся и даетъ отпить вина изъ чаши. Причастившись, всѣ встають и возвращаются на прежнія мѣста; тогда поднимается второй рядъ, затѣмъ третій и т. д.

Молитвы поютъ подь аккомпаниментъ органа, за которымъ сидитъ молодая дама, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ. Въ пѣніи участвуютъ всѣ прихожане; каждый держитъ въ рукахъ молитвенникъ, по которому слѣдитъ за богослуженіемъ. Если вы пришли въ церковь безъ молитвенника, вамъ сейчасъ же предложатъ его вашъ сосѣдь или сосѣдка; мало того: вамъ будутъ любезно указывать и подыскивать страницы каждый разъ, какъ только вы потеряете нить.

Кончится моленіе, вы спѣшите принести благодарность любезной сосѣдкѣ, красивой, серьезной дѣвушкѣ, что такъ внимательно заботилась о вашей душѣ; но она, смиренно потупивъ глаза, молча дѣлаетъ чопорный книксенъ и походкой монахини направляется къ выходу.

Больше всего меня интересовали чины іерархіи—всѣ эти епископы, ангелы, евангелисты, пастыри и т. п. Насколько искренни всѣ эти лица?—вотъ вопросъ, который прежде всего требовалъ отвѣта. И я внимательно всматриваюсь въ ихъ лица, стараясь угадать тѣ мотивы, которые привели ихъ сюда.

Одинъ изъ пресвитеровъ представляетъ собою типичную фигуру петербургскаго бюрократа, дѣльца: плотный, коренастый, лѣтъ подь шестьдесятъ, господинъ, съ тщательно выбритымъ подбородкомъ и ста-

рательно выхолонными бакенбардами, въ золотыхъ очкахъ, съ степенными, плавными движеніями. Въ манерѣ служенія онъ, видимо, старается подражать протестантскимъ пасторамъ, но часто не выдерживаетъ роли, и тогда въ тонѣ, которымъ онъ читаетъ Евангеліе и произноситъ молитвы, слышатся ноты, невольно напоминающія чиновника, дѣлающаго докладъ. Отъ этого пастыря такъ и вѣетъ сухой, казенною атмосферой министерской канцеляріи.

Изъ числа евангелистовъ и дьяконовъ выдается молодой человекъ, лѣтъ 27-ми, съ приемами и манерами свѣтскаго денди; достаточно взглянуть только, какъ онъ вскидываетъ и играетъ своимъ золотымъ пенсне, на ту небрежно-развязную, почти хлыщеватую манеру, съ которою онъ прислуживаетъ при богослуженіи, чтобъ рѣшить, что его мѣсто не въ церкви, а въ гостиной. Въ немъ слишкомъ много кавалерскаго, свѣтскаго лоска и очень мало той христіанской простоты, когорую мы привыкли требовать отъ пастырей духовныхъ. Странное впечатлѣніе производитъ фигура этого фата съ евангеліемъ въ рукахъ. Что привело его сюда? Что заставило его промѣнять салонъ на алтарь? Что заставило его надѣть этотъ бѣлый хитонъ, вмѣсто моднаго жакета?

Самое существенное отличіе апостольскихъ богослуженій отъ католическихъ и другихъ христіан-

скихъ исповѣданій заключается въ пророчествахъ, которыя нерѣдко изрекаются какъ чинами іерархіи, такъ и обыкновенными прихожанами. Пророчества эти, по убѣжденію послѣдователей апостольскаго ученія—не что иное, какъ прямой результатъ сошествія Св. Духа.

— Если-бъ Господь,—говорилъ мнѣ одинъ изъ членовъ общины,—далъ вамъ благодать услышать голосъ самого Духа Святого, который раздается иногда въ нашихъ общинахъ... о, тогда! навѣрно, вы вполне увѣровали бы въ наше дѣло! Эти пророчества бываютъ такъ поразительны, что у насъ нерѣдко женщины падаютъ отъ нихъ въ обморокъ.

Пишущему эти строки удалось однажды присутствовать при подобнаго рода пророчествахъ. Духъ Святой сошелъ на одного изъ дьяконовъ, здороваго, мускулистаго господина, лѣтъ подь сорокъ, съ темнымъ, малоинтеллигентнымъ лицомъ и огромными усами. Сидя на скамьѣ, назначенной для чиновъ іерархіи, онъ вдругъ началъ покачиваться и подергиваться. Глаза, блуждая по сторонамъ, засверкали дикимъ огнемъ; исказившееся лицо, казалось, потемнѣло еще болѣе; нервныя судороги пробѣгали по немъ. Онъ что-то крикнулъ. Пѣніе нѣсколько смолкло, но богослуженіе продолжалось, хотя, очевидно, всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили за словами, выле-

тавшими изъ вдохновенныхъ устъ пророка; при этомъ съ нимъ творилось нѣчто необычайное: точно приподнимаемый какою-то сверхъестественною силой, онъ привскакивалъ съ мѣста, но затѣмъ, тотчасъ же, какъ бы въ изнеможеніи, снова опускался на скамью, раскачивался по сторонамъ и дико, безумно озирался вокругъ.

Собственно говоря, онъ не сказалъ ничего новаго; онъ повторялъ давно уже извѣстныя общинныя избитыя фразы о необходимости немедленнаго покаянія, о близости второго пришествія Господа и т. п. Мнѣ показалось, что пророчества выходили черезчуръ закругленными, гладкими періодами и фразами; въ нихъ слышалось много искусственности, много предварительной подготовки. Представленіе о страстномъ вдохновеніи какъ-то плохо вяжется съ этою рутинностью формы.

Смотря на все это, невольно думалось: что это, комедія или искренній энтузіазмъ? Кто этотъ пророкъ? Вѣрующій ли, всецѣло увлеченный христіанинъ или шарлатанъ, морочащій публику?

III.

„Апостолы послѣднихъ дней“.

Желая уяснить себѣ сущность ученія апостольскихъ общинъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомиться съ ихъ организаціей, я обратился къ одному изъ наиболѣе выдающихся «епископовъ» общины («ангелъ» тожъ) съ просьбою сообщить мнѣ интересовавшія меня свѣдѣнія. «Епископъ», привыкши постоянно встрѣчать меня на проповѣдяхъ и собраніяхъ общины и, быть можетъ, предполагая приобрѣсти въ моемъ лицѣ новаго послѣдователя апостольскаго ученія, весьма внимательно и любезно отнесся къ моей просьбѣ.

— Прежде всего,—многозначительно сказалъ онъ:—вы должны знать, что наше дѣло не получило своего начала отъ какого-нибудь человѣка или отъ какой-нибудь партіи. Оно нисколько не зависѣло отъ воли того или другого лица, отъ ученія той или другой церкви. Этимъ именно мы и отличаемся отъ послѣдователей *всѣхъ* существующихъ вѣроисповѣданій, церквей, сектъ и партій въ христіанствѣ.

— Но, въ такомъ случаѣ, какимъ же путемъ могло возникнуть ваше ученье?

— Наше дѣло обязано своимъ происхожденіемъ прямому вмѣшательству живого Бога,—съ разстановкою произнесъ епископъ.—Да! Самъ Богъ далъ намъ возможность услышать Его голосъ. Вѣрите вы этому?

Я не спѣшилъ отвѣчать на вопросъ. Помолчавъ минуту, епископъ продолжалъ:

— Мы видимъ, къ сожалѣнію, что люди не вѣрятъ этому, смѣются надъ подобнымъ вѣрованіемъ. Но—подумайте,—что доказываетъ этотъ смѣхъ, это невѣріе? Это доказываетъ, что люди почему-то считаютъ невозможнымъ, чтобъ въ наши дни Богъ могъ проявляться въ христіанствѣ, какъ живой Богъ. Вотъ что означаетъ это невѣріе! Вы понимаете меня? Всѣ христіане признаютъ тѣ чудеса, которыя были во времена первыхъ апостоловъ. Но почему же, спрашиваю я васъ, почему теперь не можетъ быть такихъ или подобныхъ чудесъ? Развѣ дѣйствіе живого Бога прекратилось? Вы помните, что сказалъ Господь по этому поводу? Онъ говоритъ: «Увѣровавшихъ же (въ Меня) будутъ сопровождать сіи знаменія: именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ, будутъ говорить новыми языками; будутъ брать змѣй, и, если что смертоносное выпьютъ, не повредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здоровы» (Маркъ, 16-я гл., ст. 17-й и 18-й). Или еще: «истинно, истинно говорю вамъ: вѣрующій въ Меня

дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворить, и больше сихъ сотворить»... Чего же вамъ еще нужно? Между тѣмъ мы видимъ, что теперь въ христіанствѣ совѣмъ исчезла вѣра въ то, что Духъ Святой *лично* присутствуетъ въ насъ, т. е. въ христіанахъ, которые составляютъ тѣло Господа Иисуса Христа. А въ чемъ, главнымъ образомъ, выражается присутствие Св. Духа? Безъ сомнѣнія—въ дарѣ пророчества и въ «дарѣ языковъ». Между тѣмъ, большинство не вѣрять теперь ни въ то, ни въ другое.

Здѣсь епископъ началъ цитировать первые пять стиховъ 14-й главы 1-го посланія къ коринфянамъ, т. е. тѣ самые стихи, которые, какъ мы видѣли, составляли нѣкогда главную основу въ ученіи «братскаго союза».

— Прежде, во времена первыхъ апостоловъ, люди нерѣдко слышали голосъ Духа Святого. Помните, какъ однажды Духъ Святой сказалъ апостоламъ: «отдѣлите мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому я призвалъ ихъ». Такимъ образомъ, прежде Духъ Святой прямо указывалъ на тѣхъ людей, которые должны были обречь себя на служеніе. Впоследствии даръ пророчества ясчезъ изъ среды церкви. Отъ этого произошло страшное зло. Избраніе и назначеніе служителей церкви, отъ высшихъ до низшихъ, стало производиться самими людьми, а не по

указанію Св. Духа. Тайны Священнаго Писанія, которыя прежде были открываемы Св. Духомъ, впоследствии начали объясняться человѣческимъ знаніемъ и мудростью. Это сдѣлалось причиною всѣхъ нашихъ несчастій.

— Правда, Св. Духъ не окончательно еще оставилъ христіанскую церковь; онъ до сихъ поръ еще пребываетъ въ христіанствѣ; но весь вопросъ въ томъ, *какъ* онъ пребываетъ? Находить ли онъ теперь христіанство въ томъ порядкѣ, при которомъ онъ могъ говорить во всеуслышаніе и дѣлать все, что долженъ и хотѣлъ? Какъ былъ принятъ Св. Духъ на землѣ? Встрѣтилъ ли онъ болѣе сочувствія въ людяхъ, чѣмъ Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій? Нѣтъ! Онъ точно также былъ не узнавъ и отвергнутъ людьми. Еще первые апостолы должны были твердить людямъ: «Духа не угашайте, пророчество не унижайте». Впоследствии же люди совсѣмъ забыли о Духѣ Святомъ, забыли о чудномъ дарѣ пророчества. Что жъ изъ этого произошло? Надежда на скорое возвращеніе Господа, свѣтлая надежда, которая была такъ жива въ первые времена церкви, теперь совершенно угасла въ христіанствѣ. Люди перестали понимать признаки и знаменія времени, люди утратили способность предвидѣть тѣ судьбы, которыя предстоятъ христіанству. И вотъ

сердца вѣрующихъ объаты страхомъ, отчаяніемъ и безпомощностью, потому что голосъ пророчества, голосъ Св. Духа не свидѣтельствуетъ болѣе, не указываетъ болѣе надежды на избавленіе отъ угрожающихъ со всѣхъ сторонъ бѣдъ и опасностей. А только одинъ Духъ Святой знаетъ будущее, одинъ онъ, и никто больше!..

— Мнѣ очень хотѣлось бы знать, — сказала я епископу, — къ какому времени относится возникновеніе вашихъ общинъ и при какихъ именно условіяхъ онѣ образовались?

— Французская революція, — началъ епископъ: — которую люди называютъ *великою* и которая, дѣйствительно, страшно велика по своему беззаконію, имѣла огромное, отрезвляющее значеніе. Она пробудила общество, пробудила людей отъ нравственной апатіи. Но, въ то же время, эта революція была лишь увертюрою того ужаснаго, моральнаго разложенія, которое всюду происходитъ теперь на нашихъ глазахъ. Эта революція была первымъ признакомъ пришествія въ міръ антихриста. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, что произошло въ этотъ роковой, кровавый 1789 годъ? Цѣлый народъ возсталъ противъ Господа и хотѣлъ искоренить самое имя Его съ земли. Началась открытая, бѣшеная пропаганда идей беззаконія и невѣрія по всей Европѣ, по всему міру.

Но, видно, дѣйствительно, нѣтъ худа безъ добра: подъ впечатлѣніемъ этихъ ужасовъ, вѣрующіе хрістіане различныхъ вѣроисповѣданій пробудились отъ долгаго сна и оцѣпенѣнія. И вотъ, въ разныхъ странахъ, особенно въ протестантскихъ, начали возникать религиозныя общины, началось прилежное изученіе Св. Писанія, начались молитвенныя собранія. Молились, читали библию, пѣли псалмы и священные гимны и снова молились. Такъ шло до 1830 года. Въ этотъ годъ свершилось дивное, необыкновенное дѣло. Свершилось чудо..

— Что же именно случилось въ этотъ годъ?

— Случилось то, что Духъ Святой нарушилъ свое 1.800-лѣтнее молчаніе, — торжественно проговорилъ епископъ. — Въ этотъ годъ онъ снова заговорилъ! Да, снова заговорилъ Онъ, Который со времени Пятидесятницы хранилъ строгое молчаніе. Въ этотъ годъ Духъ Святой снова сошелъ на вѣрующихъ.

— Какъ же произошло это сошествіе Св. Духа?

— Это произошло на одномъ изъ молитвенныхъ собраній вѣрующихъ. Духъ Святой сошелъ на молодую дѣвицу Мэри Кемпель, принадлежавшую къ Шотландской церкви. Это была набожная и вполне просвѣщенная хрістіанка. Какъ только Духъ Святой осѣнилъ ее, она вдругъ, побуждаемая сверхъ-

естественною силою, начала говорить на незнакомомъ языкѣ и пророчествовать.

— О чемъ же она пророчествовала?

— Она воскликнула... въ порывѣ страстнаго религіознаго энтузіазма она воскликнула: «Се же-нихъ идетъ въ полночи! Выходите на встрѣчу!» Только она и сказала. Но этого было вполне достаточно: всѣ сразу вдругъ поняли, что ея устами говоритъ самъ Духъ Святой. И, въ то же время, всѣ поняли, что пришествіе Христово приближается.

— Гдѣ же именно это случилось?

— Въ Шотландіи, въ западной части Шотландіи. Вскорѣ та же самая сила спизошла на двухъ братьевъ Магдональдъ и на сестру ихъ, Маргариту. Мэри Кемпель и Маргарита Магдональдъ были больны, такъ что врачи отъ нихъ отказались, но онѣ были внезапно исцѣлены силою Духа Святого. Не подумайте, что это ложь, шарлатанство или мистификація. О, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Набожность этихъ лицъ, ихъ здравомысліе и добросовѣстность никѣмъ не могли быть заподозрѣны. Эти сверхъестественныя явленія обратили на себя всеобщее вниманіе. Со всѣхъ сторонъ начали съѣзжаться благочестивые и разсудительные люди, чтобы тщательно изслѣдовать на мѣстѣ эти событія. И здѣсь они убѣждались, что это дѣйствительно есть дѣло Духа Святого.

Но большинство людей и особенно духовенство отвергли и не признали этихъ явленій. Тѣ же, которые увѣровали, стали молиться еще усерднѣе о болѣе полномъ откровеніи Св. Духа. Просили Господа указать имъ: какъ надо встрѣчать Христа и что именно слѣдуетъ сдѣлать для встрѣчи Его? И дѣйствительно, вскорѣ весьма многіе изъ вѣрующихъ получили даръ пророчества. Эти новыя пророчества, между прочимъ, указали, что Христосъ скорбитъ о томъ, что церковь, составляющая его тѣло и организмъ, разбита на части, скорбитъ о раздѣленіи церкви на лютеранство, католичество, православіе и проч. и проч. Что это такое? Развѣ это не тѣ же секты, не тѣ же ереси, которыя постоянно возникаютъ въ разныхъ концахъ и мѣстахъ? Скажите чѣмъ эти «церкви» отличаются отъ любой секты? Единственно только своими размѣрами, числомъ своихъ послѣдователей. Въ сущности же, это большія ереси и больше ничего. Во всѣхъ ихъ господствуетъ та же замкнутость, та же вражда ко всѣмъ другимъ церквямъ, та же нетерпимость, которыми отличаются, обыкновенно, разные секты и толки. Всѣ пророчества ясно указывали, что необходимо сліяніе всѣхъ церквей воедино.

— Все, что вы сказали сейчасъ, все это какъ

нельзя болѣе напоминаетъ извѣстное ученіе настоящаго шотландской церкви въ Лондонѣ, Эдуарда Ирвинга. Вѣроятно, поэтому васъ и называютъ многіе ирвингянами?—спросилъ я.

— Такое названіе невѣрно и непримѣнимо къ намъ!—съ живостью возразилъ епископъ.—Непримѣнимо по многимъ причинамъ. *He* отъ Ирвинга вышелъ впервые призывъ къ молитвѣ о ниспосланіи Духа Святого на общину. Призывъ этотъ былъ сдѣланъ англійскимъ пасторомъ, покойнымъ Джемсомъ Гольденъ Стюартомъ. Дары Св. Духа—даръ исцѣленія, даръ языковъ и пророчества—появились впервые *не* въ общинѣ Ирвинга. Я уже говорилъ вамъ что эти дары впервые обнаружались въ западной Шотландіи, община же Ирвинга находилась въ Лондонѣ. Вспомните затѣмъ, что Ирвингъ умеръ еще въ 1834 году, то есть, въ то время, когда наше ученіе только что начинало складываться. Наконецъ, онъ не былъ даже въ числѣ лицъ, призванныхъ къ апостольскому служенію, онъ не былъ въ числѣ тѣхъ двѣнадцати апостоловъ, которые были избраны Богомъ и которые окончательно утвердили наше дѣло.

— Однако, Ирвингъ имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ вашему ученію?

— Ирвингъ былъ первымъ изъ среды духовен-

ства, который открыто и смѣло высказалъ, что пророчества, о которыхъ я вамъ только что говорилъ, суть дѣйствительно дары Духа Святого. Онъ объявилъ публично, что ученіе шотландской церкви непротивно такимъ проявленіямъ живого Бога въ церкви. Онъ первый дозволилъ пророчествовать въ своемъ приходѣ. Къ нему начали обращаться всѣ тѣ лица, которыя были одарены даромъ пророчества. За это, какъ извѣстно, Ирвингъ былъ отлученъ отъ шотландской церкви. Въ послѣдніе годы своей жизни, Ирвингъ исполнялъ обязанности епископа (ангела) въ одной изъ апостольскихъ общинъ въ Лондонѣ. Но этимъ и ограничивается вся его роль въ нашемъ дѣлѣ, которое—какъ я уже сказалъ вамъ—всѣмъ обязано своимъ происхожденіемъ одному живому Богу, и никому больше.

— Скажите, пожалуйста, какъ образовалась ваша іерархія и вообще какимъ путемъ созданъ весь вашъ религіозный культъ?

— О, все это выработано на основаніи пророчества и согласно Священному Писанію. Въ этихъ пророчествахъ точно указывалось, какъ именно должна быть устроена истинная церковь, чтобы быть тѣломъ Господнимъ. Эти пророчества разъяснили всѣ символы ветхозавѣтнаго закона, особенно всѣ составныя части скинии. Далѣе было указано, что слу-

женіе апостоловъ, пророковъ, евангелистовъ и пастырей, служеніе, которое дано было церкви въ началѣ, должно быть восстановлено. Наконецъ, Господь, въ пророческомъ словѣ своемъ, указалъ на нѣкоторыхъ мужей, которыхъ онъ отдѣлилъ отъ прочихъ христіанъ и послалъ, какъ апостоловъ, въ міръ, чтобъ они устроили истинную церковь Господню. Такимъ образомъ, было установлено апостольское служеніе, а вслѣдъ затѣмъ и три остальные первоначальныя служенія: новозавѣтныхъ пророковъ, евангелистовъ и пастырей.

— Кто же были эти апостолы, указанные Св. Духомъ? Сколько ихъ было и къ какой націи принадлежали они?

— «Апостоловъ послѣдняго времени» было двѣнадцать человѣкъ, то есть то же самое число, которое было во времена Христа. По происхожденію своему, они принадлежали къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества: тутъ были и члены парламента, были и простые ремесленники. Но замѣчательно, что всѣ они были изъ Великобританіи. Многимъ это обстоятельство кажется удивительнымъ, страннымъ и даже невѣроятнымъ. Говорятъ: почему именно всѣ апостолы вышли изъ Великобританіи? Отчего ни Франція, ни Германія, ни Россія не дали ни одного апостола? Но, въ сущности, тутъ нѣтъ

ничего удивительнаго, или невѣроятнаго, потому что припомните, и всѣ первые апостолы Христа были также изъ одной мѣстности—изъ Галилеи.

— Когда именно состоялось избраніе «апостоловъ послѣдняго времени»?

— Оно состоялось въ промежутокъ отъ 1832 до 1835 года. Тогда же было рѣшено приступить къ исполненію одного изъ желаній Христа, выраженнаго въ пророчествахъ—къ объединенію всѣхъ церквей. Но какъ это сдѣлать? Послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшено было, прежде всего, ознакомиться какъ можно ближе со всѣми вѣроученіями и потомъ взять изъ cadaго вѣроученія лишь то, что вполне согласно съ букввальнымъ смысломъ Священнаго Писанія, остальное же все отвергнуть. Для этого всѣ двѣнадцать вѣроисповѣданія различныхъ народовъ. Такъ, одинъ отправился къ католикамъ, другой—къ лютеранамъ, третій—къ православнымъ и т. д. Это было въ 1836 году.

— Былъ ли кто нибудь изъ апостоловъ въ Россіи?—спросилъ я.

— Какъ же — Вильгельмъ Ду. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1836 году и жилъ здѣсь долгое время, знакомясь съ ученіемъ вашей церкви. Я знаю даже домъ и семейство, гдѣ онъ жилъ. За-

тѣмъ, онъ предпринялъ путешествіе по Россіи, былъ въ Москвѣ, въ Кіевѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

— Что же было затѣмъ?

— Изученіе различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій продолжалось три года, съ 1836 по 1839. Въ 1839 году всѣ апостолы снова съѣхались и, разработавъ весь собранный матеріалъ, установили ученіе нашихъ католическо-апостольскихъ общинъ. Многія духовныя лица и христіане всѣхъ званій и состояній въ различныхъ странахъ міра увѣровали въ дѣло Божіе и выступили на путь духовной жизни, подъ руководствомъ апостоловъ. Теперь число нашихъ общинъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ все болѣе и болѣе.

— Такимъ образомъ, вмѣсто предполагаемаго объединенія всѣхъ вѣръ, вы создали еще одну новую вѣру?

Епископъ укоризненно покачалъ головой.

— О, нѣтъ,—воскликнулъ онъ, — Господь не для того избралъ новыхъ апостоловъ, чтобы они стали во главѣ какой-нибудь новой секты. Церковь должна быть едина! Это—главнѣйшее убѣжденіе наше. И мы слѣдуемъ этому правилу: мы принимаемъ въ свои общины всѣхъ христіанъ; будь они

католики, лютеране, православные, реформаты и т. д.—для насъ безразлично.

— Однако, чего же вы требуете отъ вступающихъ въ ваши общины?

— Мы требуемъ только трехъ вещей. Во-первыхъ, каждый поступающій къ намъ долженъ вѣрить въ Бога и Духа Святого; ни атеистъ, ни материалистъ, ни деистъ не могутъ быть членами нашихъ общинъ. Во-вторыхъ, поступающій къ намъ долженъ вѣрить въ божественность Христа, всего священнаго писанія и въ пророчества; и, наконецъ, онъ долженъ вѣрить въ близкое пришествіе Иисуса Христа; онъ долженъ вѣрить, что мы живемъ теперь наканунѣ этого пришествія и потому должны быть готовы каждую минуту встрѣтить Христа, который можетъ явиться не только завтра, но и сегодня, сейчасъ. Вотъ чего мы требуемъ отъ поступающихъ къ намъ. А затѣмъ, вы можете оставаться католикомъ или православнымъ—это, повторяю, для насъ безразлично.

— А какія обязанности налагаетъ уставъ вашихъ общинъ на членовъ?

— Вступившіе въ наши общины обязаны отдѣлять для Бога десятину, т. е. десятую часть своихъ доходовъ.

— Какимъ же порядкомъ происходитъ это «отдѣленіе»?

— Въ церкви у насъ обыкновенно стоитъ особый ящикъ, въ который каждую субботу члены общины опускаютъ десятую часть своихъ доходовъ или заработковъ. Каждый кладетъ, сколько можетъ, никакого контроля за этимъ, конечно, нѣтъ.

— Куда же именно расходуются эти деньги?

— На нихъ нанимается помѣщеніе для церкви, на нихъ содержатся ея служители и, наконецъ, весь остатокъ этихъ денегъ отсылается въ Лондонъ, гдѣ живетъ нашъ главный апостоль.

IV.

„Апостолы“ и русское общество.

Нѣсколько дней спустя послѣ перваго моего разговора съ епископомъ, мнѣ снова пришлось встрѣтиться съ нимъ въ одномъ обществѣ. На этотъ разъ епископъ самъ уже началъ разговоръ объ апостольскомъ вѣроученіи. Онъ, кажется, желалъ убѣдить меня въ божественномъ происхожденіи «апостоловъ послѣднихъ дней».

— Да, мы должны благодарить Бога,—сказалъ

епископъ,—что Онъ снова даровалъ намъ апостоловъ. Господь послалъ ихъ, чтобы они приготовили народъ ко второму пришествію Христа.

— Но что ручается, что эти апостолы не самозванцы? Чѣмъ отличаются они отъ обыкновеннаго пастора или ксендза?

— О, я могу сообщить вамъ вѣрный признакъ, по которому каждый можетъ отличить апостола отъ обыкновеннаго служителя божія. Дѣло въ томъ, что всѣ служители церкви имѣютъ это званіе отъ Бога, но черезъ людей. Апостолы же получаютъ свое назначеніе не черезъ людей, а прямо и непосредственно отъ самого Бога. Всѣ другіе служители посвящаются людьми; апостоловъ же посылаетъ самъ Богъ. Поэтому то они и называются апостолами, т. е. посланниками. Неужели вы еще можете сомнѣваться въ этомъ?

— Извините; но почему я могу быть увѣренъ, что апостоловъ послалъ именно самъ Богъ, а не кто нибудь другой?

— Потому что апостоловъ назначалъ самъ Духъ Святой на глазахъ у всѣхъ вѣрующихъ. Послѣ того, какъ общины, путемъ опыта, научились распознавать голосъ Духа Святого и имѣли достаточно случаевъ испытать честность пророковъ, чрезъ которыхъ гово-

рилъ Богъ, случилось чудо, подобное тому, какое было нѣкогда въ Антиохіи, именно: Духъ Святой указалъ на одного изъ присутствующихъ, какъ на апостола. Это было въ Лондонѣ. Черезъ одного изъ пророковъ, Духъ Святой сказалъ мужу, который до сихъ поръ еще находится въ живыхъ: «Не апостолъ ли ты? Твори апостольское дѣло!» Община также просто-сердечно повѣрила этому указанію Духа Святого, какъ и первые христіане въ Антиохіи.

— Но откуда явилась вѣра въ то, что именно Духъ Святой говорить въ вашихъ общинахъ?

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Вы намекаете на возможность принять злого духа, духа дьявола, за голосъ Духа Святого. Нашъ вѣкъ дѣйствительно ознаменовался появленіемъ злыхъ, сверхъестественныхъ силъ. Кто имѣлъ случай познакомиться съ темною областью такъ называемаго магнетизма, спиритизма и т. п., тотъ, конечно, согласится съ вами. Но дѣло въ томъ, что голосъ, который раздавался и раздается въ нашихъ общинахъ, не имѣетъ, разумѣется, ничего общаго съ этими духами. Въ этомъ всего болѣе убѣждаютъ насъ тѣ чудеса, которыя творились среди вѣрующихъ членовъ общины. Сестра братьевъ Макдональдъ, о которой я вамъ уже упоминалъ, была долгое время больна.

Она была такъ слаба, болѣзнь такъ страшно измучила ее, что родные потеряли всякую надежду на ея выздоровленіе, и всѣ ожидали ея смерти. Но вотъ братья ея Джемсъ, исполняя Духа Святого, вдругъ подошелъ къ ея постели и сказалъ: «встань во имя Господне!» Онъ далъ ей руку и поднялъ ее. И что же? На глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ больная встала и мгновенно выздоровѣла.

Епископъ испытующимъ взоромъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, какъ бы желая угадать мои мысли.

— Замѣйте, — продолжалъ онъ: — это не единственный случай чуда, совершеннаго членами нашихъ общинъ. Въ сосѣдствѣ Макдональдъ жила благочестивая дѣвушка Мэри Кемплъ; она также была больна при смерти чахоткой. Врачи отказались отъ нея. Джемсъ Макдональдъ почувствовалъ въ себѣ побужденіе сдѣлать съ нею то же, что онъ сдѣлалъ по внушенію Святого Духа съ сестрою своею. Явившись къ Мэри Кемплъ, Джемсъ разсказалъ ей, что сдѣлалъ Господь съ сестрою его; онъ увѣщевалъ ее вѣрить, и во имя Иисуса встать и быть здоровой. И дѣйствительно, она поднялась съ постели совсѣмъ здоровой; всякая слабость моментально исчезла, злой чахотки не было и въ поминѣ. Впоследствии

она рассказывала, какую необыкновенную силу и благодать почувствовала она въ эту минуту своего возрожденія...

— Наконецъ, когда Духъ Святой избралъ двѣнадцать апостоловъ изъ среды нашихъ общинъ, то Господь повелѣлъ удалиться имъ въ уединеніе. Имъ назначена была, недалеко отъ Лондона, лежащая въ горахъ деревня, гдѣ случились уже многія благодатныя посѣщенія. Цѣлый годъ ежедневно читали они тамъ св. писаніе, сопровождая это чтеніе молитвой; съ ними были семь пророковъ, посредствомъ которыхъ Духъ Святой открывалъ тайны библіи. Когда апостолы были достаточно подготовлены къ ихъ великой миссіи, тогда Духъ Святой повелѣлъ имъ обратиться къ высшимъ представителямъ церковной и государственной власти въ христіанскомъ мірѣ и объявить о своемъ призваніи.

— Каковъ же былъ результатъ этого обращенія?

— Въ началѣ нѣкоторые изъ представителей власти признали-было апостоловъ, но потомъ, къ сожалѣнію, всѣ очень скоро отвергли ихъ, — съ грустью отвѣчалъ епископъ.

Изъ того, что я писалъ о богослуженіи апостоловъ, каждый, конечно, могъ убѣдиться, какое огромное значеніе придають «апостолы» внѣшней, чисто-обрядовой сторонѣ религіи.

— Мы признаемъ, — говорятъ они, — что церковные порядки, усвоенные нами, болѣе всего приближаютъ насъ къ Господу. Наша іерархія установлена согласно точнымъ указаніямъ св. писанія. Въ посланіи къ ефесянамъ апостолъ упоминаетъ о четырехъ служеніяхъ. «И онъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ — пророками, иныхъ — евангелистами, иныхъ — пастырями и учителями» (Ефес. 4, 11). Какъ же послѣ этого можно говорить, что намъ не нужны ни апостолы, ни пророки, ни евангелисты?

— Наше ученіе, — говорятъ апостолы, — распространилось теперь повсемѣстно. Всюду, гдѣ только находятся вѣрующіе, немедленно же основывается община, во главѣ которой обыкновенно становится ангель или епископъ вкупѣ съ четырьмя священниками. Каждый изъ этихъ священниковъ имѣетъ свои спеціальныя обязанности; «пастырь» обязанъ заботиться объ исцѣленіи и чистотѣ душъ своихъ прихожанъ; «евангелистъ» обязанъ заботиться объ увеличеніи числа вѣрующихъ; «старѣйшина» долженъ охранять всю общину, весь причтъ. Каждый вновь увѣровавшій и поступающій въ общину по-

лучаетъ рукоположеніе апостола и запечатлѣніе. Для этой цѣли апостоль, отъ времени до времени, объѣзжаетъ общины. Если что-нибудь мѣшаетъ ему лично сдѣлать это, то онъ посылаетъ своего помощника (коадьютора).

Однажды я поинтересовался узнать: живы ли въ настоящее время тѣ двѣнадцать апостоловъ послѣднихъ дней, которые были указаны Духомъ Святымъ?

Увы, оказалось, что теперь въ живыхъ остается всего лишь одинъ апостоль, который и живетъ въ Лондонѣ; всѣ остальные умерли въ разное время. Они почилы въ мирѣ послѣ тяжелыхъ трудовъ своихъ и ожидаютъ теперь перваго воскресенія. Пришествіе Христа должно случиться непременно при жизни оставшагося въ живыхъ апостола, а такъ какъ онъ становится уже весьма дряхлымъ старцемъ, то отсюда совершенно ясно,—говорятъ апостолы,— что Христосъ долженъ придти не сегодня-завтра.

— И вы твердо вѣрите въ это?—спрашивалъ я однажды госпожу Х., состоящую членомъ петербургской апостольской общины.

— О, конечно! возможно ли сомнѣваться въ этомъ? Развѣ не самъ Духъ Святой открылъ намъ это? Христосъ—у дверей! Онъ каждую минуту можетъ войти къ намъ. Онъ придетъ, чтобъ наказать невѣрующихъ, которые разумъ человѣческой ставятъ

выше Бога. Онъ придетъ, чтобъ взять съ собою на небо всѣхъ, ожидающихъ его прихода. Да, Онъ придетъ и возьметъ насъ на небо живыми. О, какое блаженство!..

— А что вы скажете, если вашъ послѣдній апостоль умретъ, не дождавшись пришествія Христа?

Моя собесѣдница съ изумленіемъ посмотрѣла на меня; очевидно, подобная простая мысль ни разу не приходила ей въ голову.

— Что я скажу?—въ раздумьи проговорила она, но потомъ, тотчасъ же оправившись, рѣшительно произнесла:—нѣтъ! этого не можетъ быть! Апостоль будетъ жить, пока не придетъ Христосъ.

— Бываетъ ли лондонскій апостоль въ Петербургѣ?—спросилъ я.

— О, да; прежде апостоль пріѣзжалъ въ Петербургъ почти ежегодно, но теперь, вслѣдствіе старости, онъ посѣщаетъ Россію гораздо рѣже; вмѣсто него пріѣзжаетъ сюда «коадьюторъ» (помощникъ).

Пріѣздъ самого апостола составляетъ весьма крупное событіе въ жизни общины; еще задолго до его пріѣзда дѣлаются различныя приготовленія, снимается особое помѣщеніе и т. д. Для встрѣчи апостола въ вокзалѣ собирается все духовенство петербургской общины. Обыкновенно, онъ пріѣзжаетъ къ празднику пасхи.

Послѣдователи апостольскаго вѣроученія любятъ, вообще, преувеличивать размѣры и численность своихъ общинъ. По ихъ увѣреніямъ, апостольское ученіе въ первое же время своего возникновенія весьма быстро распространилось; во многихъ большихъ городахъ и мѣстечкахъ Англій начали основываться общины, а въ Лондонѣ въ самое короткое время возникло цѣлыхъ семь общинъ, по 1.000 чело-вѣкъ въ каждой. Въ Берлинѣ пророки начали издавать свой ежемѣсячный журналъ. Вообще въ Германіи ученіе апостоловъ распространилось съ необыкновенной быстротою: уже въ началѣ 80-хъ годовъ въ сѣверной Германіи насчитывалось цѣлыхъ сто общинъ. Изъ Берлина ученіе апостоловъ перешло въ Кенигсбергъ, а оттуда, въ 1858 году, въ Россію—въ Ревель, Ригу, Митаву и Либаву. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ апостольская община образовалась въ Петербургѣ.

Апостолы, стараясь о распространеніи своего ученія, спѣшили послать агентовъ или евангелистовъ во всѣ главные пункты Европы. Есть указанія, что подобныя апостольскія общины существуютъ и въ Америкѣ.

Но особенныя надежды возлагали апостолы на Россію. Наслушавшись всевозможныхъ рассказовъ о наклонности русскаго народа къ сектанству, они не

на шутку воображали, что стоитъ лишь имъ появиться въ Россіи съ проповѣдью своего ученія, какъ тотчасъ же у нихъ явятся цѣлые легіоны поклонниковъ.

И вотъ, рѣшено было командировать въ Россію нѣсколько чело-вѣкъ изъ числа наиболѣе талантливыхъ епископовъ или агентовъ; въ числѣ избранныхъ, находился, между прочимъ, и г. Дитманъ. Прибывъ въ Россію, импровизованные евангелисты вскорѣ должны были убѣдиться, что надежды ихъ относительно «легіоновъ» новыхъ послѣдователей были, по меньшей мѣрѣ, преувеличены.

Въ большинствѣ случаевъ, русское общество отнеслось къ пророкамъ весьма холодно и сдержанно. Зато они встрѣтили какъ нельзя болѣе сочувственный пріемъ среди русскихъ пѣмцевъ. Благодаря этому, вскорѣ возникли апостольскія общины въ Ригѣ, Ревелѣ, Либавѣ и, наконецъ, въ Петербургѣ.

Лица, ставшія во главѣ петербургской общины, прежде всего старались направить свою пропаганду въ великосвѣтскую среду. На первыхъ порахъ имъ дѣйствительно удалось заинтересовать своей проповѣдью петербургское аристократическое общество, особенно придворную знать. Но это продолжалось очень недолго: мода на «апостоловъ» прошла такъ же быстро, какъ и возникла.

Если теперь «свѣтъ» и удостоиваетъ иногда своимъ вниманіемъ «апостоловъ», то это дѣлается лишь въ періодъ полного сезоннаго затишья. Только что минувшій зимній сезонъ, богатый самыми разнообразными развлечениями, былъ особенно несчастливъ для апостольской общины. Сара Бернаръ, Сальвини, Германъ, Казеневъ, цѣлый рядъ музыкальныхъ знаменитостей, посѣтившихъ Петербургъ— все это заставило великосвѣтскій людъ совсѣмъ забыть объ «евангелистахъ послѣднихъ дней» и о ихъ скучныхъ, однообразныхъ проповѣдяхъ. Цѣлую зиму церковная зала общины оставалась наполовину пустою; ни богослуженіе, ни проповѣди, ни пророчества не привлекали публики.

Этого мало. Соблазны, въ родѣ Сары Бернаръ, имѣли весьма гибельныя вліянія даже на самихъ членовъ общины: дѣло въ томъ, что многіе изъ нихъ не могли устоять противъ соблазна повидать знаменитую чародѣйку и совершенно позабывъ о томъ, что каждую минуту можетъ явиться Христосъ, отправлялись въ театръ. Конечно, всѣ они поплатились за это болѣе или менѣе строгими эпитеміями и отлученіями отъ церкви.

Итакъ, пропаганда апостоловъ среди высшаго петербургскаго общества не удалась; къ нимъ пригнуло не болѣе трехъ-четырехъ лицъ аристокра-

тическаго круга. При видѣ такого неуспѣха, евангелисты попытались было перенести свою дѣятельность въ среду простого народа. Для этого они наняли близъ Сѣнной площади особое помѣщеніе и начали читать проповѣди на русскомъ языкѣ. Зарапѣ можно было предсказать полное фiasco этой затѣи. Къ сожалѣнію, попыткѣ не дали умереть естественной смертю: вмѣшалась полиція и проповѣди были запрещены.

Однако, дѣятели общины не отчаивались этими неудачами и, рѣшившись во что бы то ни стало распространить свое ученіе среди русскаго общества, настойчиво шли къ своей цѣли. Они усердно распространяли свои изданія и рукописи. Особенно усердно раздавались слѣдующія брошюры: «Путь мира и спасенія, открытый въ наше время для всѣхъ христіанъ», «О бракѣ агнца», «Сходство послѣдняго времени христіанскаго домостроительства со днями Ноя и Лота», «О таинствахъ церкви Христовой», «La restauration et le perfectionnement de l'église aux derniers jours», «Vérités pour nos temps», «La bonne nouvelle de l'amour de Dieu envers tous les hommes» и т. п. Затѣмъ рѣшено было попытать счастья въ Москвѣ, и туда командировали все того же г. Дитмана. Онъ пробылъ въ Вѣлокаменной нѣсколько недѣль, сказалъ нѣсколько проповѣдей, но

никакого успѣха не имѣлъ и долженъ былъ снова вернуться въ Петербургъ.

V.

Христось у дверей.

Вѣра въ близкое пришествіе Христа, въ то, что Онъ долженъ явиться не сегодня-завтра, составляетъ главное основное положеніе ученія, созданнаго новыми апостолами.

— Скоро, скоро придетъ Христось!—ежеминутно твердятъ послѣдователи этого ученія.—День и часъ сокрыты, но время близко. «Онъ придетъ на облакахъ съ силою и славою великою» (Лук. 21, 27). Онъ сойдетъ съ неба при гласѣ архангела и трубъ божьихъ. И такъ, радуйтесь, что второе пришествіе приближается! Выходите навстрѣчу жениху!

На мои разспросы относительно условія и обстоятельствъ, которыми будетъ сопровождаться второе пришествіе Христа, апостолы обыкновенно отвѣчали такъ:

— Апокалипсисъ, глава 20-я, учить насъ, что Господь придетъ, какъ ангель съ неба, чтобъ связать сатану и заключить его въ бездну на 1.000

лѣтъ. Въ теченіе этого времени Христось будетъ царствовать со своими, т. е. съ тѣми, которые остались вѣрны Ему, будетъ царствовать на землѣ и лишь по окончаніи тысячи лѣтъ настанетъ страшный судъ. Изъ этого вполнѣ ясно, что Господь придетъ за тысячу лѣтъ до страшнаго суда и въ теченіе этого времени будетъ царствовать здѣсь на землѣ со своими, т. е. съ тѣми, которые примутъ участіе въ *первомъ* воскресеніи.

— Какъ въ *первомъ* воскресеніи? удивляюсь я.— Развѣ будетъ не одно воскресеніе?

— О, разумѣется! Всѣ люди воскреснутъ, но не всѣ въ одно и то же время. Существуетъ особый порядокъ воскресенія, имѣющій три ступени. Сначала воскреснетъ Христось, потомъ, по пришествіи Его, воскреснутъ тѣ, которые увѣровали въ Него, но отнюдь не всѣ люди. И уже послѣ того, наступитъ конецъ—всеобщее воскресеніе и страшный судъ.

— Все это вы говорите о мертвыхъ, а что же будетъ съ живыми?—поинтересовался я.

— Какъ только раздастся гласъ архангела и звукъ трубы божіей—«мертвые во Христѣ» воскреснутъ первые; затѣмъ мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ—на воздухъ, навстрѣчу Господу. И съ этихъ поръ мы вѣчно будемъ съ нимъ. Мы соберемъ къ Нему,

когда Онъ будетъ еще за облаками, прежде чѣмъ міръ увидитъ Его. На землѣ въ это время окончательно воцарится антихристъ и наступитъ великая скорбь, а дѣти божіи будутъ у Господа въ полной безопасности и славѣ. Помните, что говорилъ Господь: «бодрствуйте и молитесь, да сподобитесь избѣжать всѣхъ будущихъ бѣдствій и предстать предъ Сына Человѣческаго» (Лук. 21—36).

— Мнѣ кажется, что вы черезчуръ буквально понимаете слова Священнаго Писанія,—замѣтилъ я.

— А какъ же иначе? Конечно, буквально. Мы безусловно, слѣпо вѣримъ каждому слову, каждой буквѣ Св. Писанія. Намъ говорятъ: развѣ естественныя науки не доказываютъ, что написанное въ Св. Писаніи невозможно? На это мы отвѣчаемъ: нѣтъ, естественныя науки ничего противнаго Богу и слову Его не доказываютъ. Эти науки разъясняютъ намъ законы, которымъ подчинены твари, но не кладутъ и не могутъ положить преградъ волѣ Самого Творца, который всемогущъ. Онъ создалъ природу, которую мы, люди, изучаемъ, но онъ не сложилъ съ Себя всемогущества Своего. Онъ далъ законы природѣ, но Самъ не подчинился этимъ законамъ.

На необходимости понимать Священное Писаніе

буквально настаиваютъ всѣ проповѣдники апостольскихъ общинъ, въ разныхъ странахъ міра. Такъ, одинъ изъ нихъ, пѣкто Поххамерь, пишетъ: «Мнѣ говорятъ: неужели ты такъ глупъ, что вѣришь, будто ослица пророка Валаама въ самомъ дѣлѣ проговорила, или что солнце, по слову Иисуса Навина, дѣйствительно остановилось на небѣ? Неужели ты не знаешь, что это физически невозможно»? На это я отвѣчаю: «Да, я вѣрую отъ всего сердца тому и другому. Я очень хорошо знаю, что самъ собою оселъ говорить не можетъ; но я вѣрую, что всемогущій Богъ не только можетъ заставить говорить осла, но можетъ сдѣлать такъ, что даже камни возопіютъ. Я очень хорошо знаю, что солнце должно неизмѣнно слѣдовать законамъ Создателя своего и что земля движется, обращаясь вокругъ своей оси, какъ предписано ей Творцомъ, что всѣ другія планеты также движутся по указаннымъ имъ законамъ, я знаю, что все неминуемо превратилось бы въ хаосъ, если бъ хотя малѣйшая частица этого чуднаго цѣлаго уклонилась съ пути своего. Все это я прекрасно знаю, но я знаю также и то, что Богъ всемогущъ, что Онъ живетъ и творитъ, что захочетъ, и что для Него нѣтъ ничего невозможнаго. Словомъ, какъ написано, такъ я и вѣрую, ибо писаніе нарушиться не можетъ». (Іоан. 10, 35).

Вообще, въ дѣлѣ своей религіи апостолы не допускаютъ ни малѣйшихъ проявленій критики или скептицизма. Они требуютъ безусловной, слѣпой вѣры.

— Возможно-ли, — говорятъ они, — каменный домъ построить изъ дерева? Разумѣется, нельзя. Точно также невозможно доказывать истину божію чело-вѣческими идеями и умозаключеніями. Нельзя доказывать божественную истину; ее можно лишь получить отъ Бога, и когда она получена, то можно возвѣщать ее.

Проповѣдники ихъ стараются всегда дѣйствовать на чувство. Чтобы поразить слушателей, они прибѣгаютъ къ разнаго рода ораторскимъ эффектамъ, въ родѣ громкихъ воззваній, угрозъ, энергическихъ заклинаній и т. п.

— Братья! Заклинаемъ васъ, ради пролитой за васъ крови, вѣруйте свидѣтельству нашему! Мы возвращаемъ вамъ спасеніе и миръ! Богъ умилосердился надъ вами и снова даровалъ вамъ апостоловъ и пророковъ. Слушайте же ихъ! Съ ихъ помощью мы избѣжимъ великой страшной скорби, которая готова развиться надъ нашими головами. Если же вы отвернетесь отъ нихъ, то гнѣвъ божій, какъ проказа, поразитъ васъ всѣхъ и т. д.

Нерѣдко проповѣдники, въ погонѣ за картин-

ными, образными сравненіями, чтобы расшевелить и поддержать вниманіе слушателей, прибѣгаютъ къ весьма страннымъ уподобленіямъ. Напримѣръ, одинъ изъ проповѣдниковъ такъ вопрошалъ своихъ слушателей:

— Можетъ ли Богъ ничего не дѣлать? Неужели въ наше, такое дѣятельное время, одинъ Онъ будетъ бездѣйствовать?!

Или въ такомъ родѣ:

— Вы всѣ, — собственность Господа!—возвѣщаетъ проповѣдникъ слушателямъ.—Онъ купилъ всѣхъ насъ въ собственность себѣ. Онъ кровью заплатилъ за грѣхи наши. Вы—его. Вы не можете убѣжать отъ Него и т. д.

Но о чемъ бы ни говорилъ проповѣдникъ, онъ кончить свою проповѣдь непременно указаніемъ на близкое пришествіе Христа.

— Господь у дверей! Онъ придетъ неожиданно для всѣхъ. Сказываю вамъ: въ ту ночь будетъ двое на одной постели; одинъ возьмется, другой останется. Двое будутъ на полѣ: одинъ возьмется, другой останется. Двѣ будутъ молиться вмѣстѣ, одна возьмется, другая останется (Лук. 17, 34, 36).

— Что же должно произойти вслѣдъ за пришествіемъ Христа?—спрашиваю я.

— Тогда снова будетъ возстановленъ Израиль:

спасеніе распространится до концовъ земли, между людьми водворится вѣчный миръ и даже услышано будетъ стenanіе неразумной твари. Но прежде придетъ антихристъ и наступитъ великая скорбь. Эта скорбь будетъ такъ ужасна, что еслибъ несократились дни ея, то не осталась бы никакая плоть (Матв., 24, 22). Теперь мы вступили въ эту годину скорби.

Ожидая ежеминутно пришествія Христа и готовая къ этому, апостолы, казалось, должны бы отрицать все то, что мѣшаетъ сосредоточиться мыслью на этой надеждѣ. Однако, нельзя сказать, чтобы они въ этомъ случаѣ отличались особенною послѣдовательностью: многие изъ нихъ, ожидая ежеминутно Христа, продолжаютъ преспокойно служить, торговать, покупать и т. д. Но зато всякаго рода увеселенія, развлеченія и удовольствія довольно строго преслѣдуются въ средѣ послѣдователей пророковъ. Театры, концерты, балы и т. п. — все это строго воспрещается членамъ апостольскихъ общинъ. Разумѣется, далеко не всѣ способны «вмѣстить въ себя такую чистоту».

Въ числѣ членовъ петербургской апостольской общины находится, между прочими, нѣкая г-жа Х., особа, нужно признаться, довольно легкомысленнаго свойства. Прошлою зимой она была подвергнута эпитеміи, въ видѣ временнаго отлученія отъ общины,

за то, что, соблазнившись Сарой Бернаръ, бывала въ театрѣ. Во все продолженіе эпитеміи, надъ ней былъ учрежденъ особый надзоръ, который былъ порученъ «дьяконисѣ», сначала женѣ генерала Э-гъ, а потомъ княгинѣ К.

Прекурьзные сцены происходили подчасъ между благочестивою княгиней и легкомысленною послѣдовательницей апостольскаго ученія.

— Завтра маскарадъ въ куческомъ клубѣ, — вкрадчиво начинаетъ легкомысленная дама, поглядывая на свою дьяконису.

— Что жъ изъ этого, дитя мое? — съ совершеннымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ благочестивая княгиня. — Намъ не слѣдуетъ думать о развлеченіяхъ грѣховнаго міра.

— Да, конечно... но... иногда... изрѣдка...

— Я не понимаю васъ... что вы хотите сказать? — съ тревогою спрашиваетъ княгиня.

— Я вамъ признаюсь! О, я не скроюсь отъ васъ! Слушайте же: мнѣ страстно, страстно хочется поѣхать завтра въ маскарадъ!

Дьякониса въ ужасѣ.

— Какъ?!... Ѣхать въ маскарадъ! Несчастная, что вы говорите? Опомнитесь! Наканунѣ пришествія Христа одѣвать на себя какія-то бѣсовскія одѣянія и костюмы! Въ умѣ ли вы?

— О, повѣрьте — на мнѣ будетъ совершенно скромный, приличный костюмъ. Я одѣнусь «ночью» или даже, если хотите, просто въ домино, темное домино и больше ничего—ни бантовъ, ни лентъ.

— Положимъ, пусть такъ—вы поѣдете безъ бантовъ, безъ лентъ; ну а вдругъ прадеть Христось? Въ ту самую минуту, какъ вы разгуливаете по клубнымъ заламъ—явится Христось... Что вы тогда сдѣлаете? Какъ вы предстанете предъ Нимъ въ своемъ домино? Безъ бантовъ? а?.. Вы подумайте только объ этомъ. Что Онъ вамъ скажетъ, увидѣвши васъ въ такомъ одѣяннн?..

«Дьяконисы», наблюдающія за тою или другою изъ сестеръ, отлученныхъ отъ общины, обязываются, по возможности, чаще навѣщать ихъ квартиры и вообще слѣдить за ихъ образомъ жизни и поведеніемъ. По истеченіи срока эпитеміи, наложенной на ту или другую изъ сестеръ, дьякониса даетъ отчетъ общинѣ о результатѣ своихъ наблюдений; при этомъ рѣшается вопросъ: принять ли отлученную снова въ свою среду или же продолжить эпитемію.

Вотъ «картинка съ натуры», рисующая отношеніе «отлученныхъ» къ своимъ дьяконисамъ. Я сижу у одной изъ «сестеръ», подвергшейся отлученію отъ общины. Вечеръ. Разговоръ вертается на гипнотизмъ, на театрѣ, на послѣдней выставкѣ кар-

тинъ, на лекціяхъ Вагнера и т. п. Вдругъ изъ передней доносится тихій, едва слышный звонокъ.

Хозяйка, блѣдная, вскакиваетъ съ мѣста и съ испугомъ говоритъ:

— Боже мой! это вѣрно она.

— Кто она?

— Дьякониса!

— Ну, такъ что-жь?

— Ахъ, не говорите! Развѣ вы не видите, что у меня за безпорядокъ!—суетится хозяйка.

Я внимательно оглядываю гостиную, стараюсь подмѣтить какіе нибудь слѣды «безпорядка», и съ недоумѣніемъ пожимаю плечами: мнѣ кажется, что эта гостиная съ чинно разставленною медною мягкой мебелью, затянутаю въ красивый атласъ стального цвѣта, скорѣе страдаетъ черезчуръ строгимъ, почти неантическимъ порядкомъ.

— Смотрите, смотрите—карты-то, карты!—испуганно говоритъ хозяйка, подбѣгая къ столу, на которомъ лежалъ разложенный и забытый пасьянсъ.— Развѣ можно заниматься пасьянсомъ, когда каждую минуту... можетъ явиться Христось...

И она, сбивши въ кучу карты, старается спрятать ихъ подъ цѣлою грудой альбомовъ. Въ сосѣдней комнатѣ слышатся чьи-то медленные шаги.

— Она!—шепотомъ замѣчаетъ хозяйка и еще

разъ оглядываетъ гостиную:—кажется, теперь все въ порядкѣ!

Ея взоръ скользнулъ въ уголь, гдѣ на мраморномъ столикѣ покойно лежалъ только-что полученный изъ Парижа послѣдній романъ Зола.

— «Pot bouille»!—въ ужасѣ шепчетъ она.—Я совсѣмъ и забыла о немъ. Зола! Да вѣдь это самъ антихристъ!

И несчастный «Pot bouille» летитъ подь диванъ.

Изъ-за портьера показывается высокая, нескладная фигура пожилой дамы, съ невѣрною, разбитою походкой, одѣтая въ темносѣрое платье съ траурными кружевами и съ чернымъ длиннымъ вуалемъ, спускавшимся съ головы на спину. Это платье напоминало скорѣе рясу монахини, чѣмъ костюмъ свѣтской дамы.

Хозяйка, съ видомъ институтки, ежеминутно ожидающей услышать внушеніе и выговоръ, почти-тельно и подобострастно привѣтствуетъ гостью, которая испытующимъ взоромъ долго смотритъ ей прямо въ глаза.

VI.

«Апостолы» и политика.

Чтобъ дать понятіе о томъ насколько невинно, въ политическомъ отношеніи, ученіе апостоловъ, приведу нѣсколько извлеченій изъ ихъ проповѣдей, въ которыхъ они касались вопроса о властяхъ, о современныхъ государственныхъ и социальныхъ порядкахъ и т. п.

— «Послушаніе тому, кому дана всякая власть на небѣ и на землѣ, есть необходимое условіе нашего спасенія. Божественный авторитетъ этотъ передается самимъ Богомъ и на избранныхъ имъ людей. Самъ Богъ возводитъ людей въ санъ, ради котораго мы, по волѣ божьей, должны слушаться этихъ людей. Священное Писаніе говоритъ, что «начальникъ—божій слуга» (Рим. 13, 15). Мы должны помнить, что эти слова относятся ко всякой власти. Ради Бога, мы должны быть послушны всѣмъ государственнымъ, гражданскимъ властямъ; точно также мы должны быть послушны служителямъ церкви Божіей. Домъ, въ которомъ не почитаются родители, семейство, въ которомъ дѣти не слушаются отца—должны пасть. Точно также должно

пасть государство, въ которомъ правительство не вмѣняется ни во что».

— А какъ быть тамъ,—спрашивалъ я,—гдѣ родители, начальство и духовенство сами виноваты въ томъ, что имъ не повинуются?

— «Тамъ зло больше и труднѣе поправимо. Въ подобныхъ случаяхъ мы должны брать примѣръ съ Иисуса Христа. Онъ, въ теченіи всей своей жизни, не занимался ниспроверженіемъ порядковъ, установленныхъ людьми, несмотря на то, что порядки эти были весьма несовершенны. Напротивъ, Онъ былъ всегда покоренъ всякому человѣческому началству. Поэтому, и мы должны быть послушны царю и всѣмъ правителямъ. Св. Петръ увѣщевалъ: «Бога бойтесь, царя чтите; слуги, со всякимъ страхомъ повинуйтесь господамъ, не только добрымъ и кроткимъ, но и суровымъ». Богу угодно, если кто, помышляя о Господѣ, переноситъ скорби и обиды, страдая несправедливо, безъ всякой вины съ своей стороны; ибо, что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за преступленіе? Мы должны безропотно сносить всякаго рода гоненія, должны терпѣть, терпѣть, страдая».

— Подчиненные,—говорилъ одинъ изъ евангелистовъ послѣднихъ дней,—отнодъ не должны судить и критиковать своихъ господъ, но повиноваться

имъ ради Господа и все дѣлать такъ же, какъ бы они дѣлали для Господа. Кто пришелъ ко Христу, тотъ долженъ сдѣлаться камнемъ, т. е. непоколебимо твердымъ въ вѣрѣ, неизмѣннымъ въ убѣжденіяхъ своихъ и, въ то же время, нечувствительнымъ ни къ какимъ лишеніямъ или оскорбленіямъ.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ проповѣдниковъ апостольскаго ученія, Эрнестъ Ростеймеръ, пишетъ: «Почитайте царя и всякую власть, потому что существующія власти отъ Бога установлены. Не думайте, что гражданская свобода состоитъ въ томъ, чтобъ безболзненно судить и поносить лицъ, имѣющихъ власть, и презирать распоряженія ихъ. У нихъ есть высшіе начальники, которые одни имѣютъ право судить ихъ, а высочайшія лица (монархи и государи) стоятъ подъ судомъ одного лишь Бога, у котораго нѣтъ лицепріятія. Ужаснѣйшій судъ разразится надъ тѣми, которые получили отъ Бога власть и злоупотребили ею. Только не требуй никто изъ подчиненныхъ отъ начальниковъ своихъ совершенства, такъ какъ самъ несовершенъ во всѣхъ отношеніяхъ!»

Проповѣдники, касаясь французской революціи, всегда очень много распространяются и скорбятъ о томъ, что, во времена этихъ народныхъ движеній, «королевство и дворянство» и вообще «все высокое и славное въ странѣ» было или совсѣмъ уничтожено

или же унижено и загнано. Эти проповѣдники не скрываютъ своихъ антипатій, своей вражды къ демократическимъ принципамъ, которые «всюду пріобрѣтаютъ себѣ права гражданства, все болѣе и болѣе вытѣсняя идею о необходимости безусловнаго, слѣпотаго подчиненія власти монарха, установленной Самимъ Богомъ».

Во время своихъ богослуженій, апостолы каждый разъ молятся за Государя, Государыню и за весь царствующій родъ. Къ этому они нерѣдко прибавляютъ особую молитву о ниспосланіи правительству побѣды надъ крамолою и социализмомъ, въ которыхъ они видятъ духъ антихриста.

Не признавая за людьми права критическаго отношенія къ общественнымъ порядкамъ и лицамъ, заправляющимъ этими порядками, апостолы, въ то же время, въ своихъ проповѣдяхъ, нерѣдко сами, совершенно невольно, конечно, нарушаютъ эти правила, указывая на разныя аномаліи современной общественной жизни. Чтобъ рельефнѣе выяснить отношенія апостольскихъ общинъ къ современнымъ условіямъ общественной жизни, приведу почти цѣлкомъ проповѣдь на эту тему одного изъ евангелистовъ:

«Все болѣе и болѣе разслабляются узы семейной и гражданской жизни. Во всѣхъ сословіяхъ и отношеніяхъ беретъ перевѣсъ своеволіе, гордость,

неповиновеніе. Великіе міра сего и богатые безпрятственно и безпощадно притѣсняютъ малыхъ и бѣдныхъ, даютъ ихъ. Простые люди преисполнены жалобами и ненавистью къ знатымъ и сильнымъ; они ожидаютъ своего спасенія не отъ Бога и не отъ Духа Святого, но отъ соединенія другъ съ другомъ, отъ кроваваго возстанія и революцій. Жажда быть богатымъ или хоть казаться таковымъ увлекаетъ всѣхъ людей. Добросовѣстность и вѣрность изгнаны изъ дѣловыхъ отношеній, какъ старомодная ограниченность. Никогда литература не была такъ поверхностна по своему научному и нравственному содержанію, какъ нынѣ; всѣ свои усилія она направляетъ лишь на то, чтобъ въ конецъ уничтожить вѣру. Городскія массы особенно заражены невѣріемъ; они отрицаютъ Бога и Христа, осмѣиваютъ святыхъ, ненавидятъ все, что только напоминаетъ церковь и богослуженіе. Роскошь и нищета проѣли человечество до мозга костей.

«Дерзкій, гнусный развратъ оскверняетъ сердца и разстраиваетъ семейства. День Господень нарушается безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Мало этого: людей принуждаютъ нарушать воскресный день, какъ, напримѣръ, на фабрикахъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Существуютъ уже многочисленные классы, занятія которыхъ отрѣзываютъ ихъ отъ всякаго хри-

стіанскаго порядка жизни и богослуженія. Неумимо и безостановочно мчится великая рабочая машина этого міра, затирая людей и отвлекая ихъ отъ Бога и Духа Святаго. Безнравственность и испорченность проникають даже до юношескаго возраста. Неслышанно блестящія увеселительныя заведенія и просторныя смирительныя дома возрастають и наполняются въ одинаковомъ размѣрѣ. Въ то же время храмы Божіи остаются пустыми и громадное большинство христіанъ не чувствуетъ болѣе никакой потребности въ молитвѣ.

«Нѣтъ міра нечестивымъ!» сказано въ Св. Писаніи. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ нѣдрахъ народовъ всюду бродитъ глухое чувство недовольства и раздраженія противъ всѣхъ существующихъ порядковъ. Съ другой стороны, никто не придаетъ ни малѣйшаго значенія постояннымъ увѣреніямъ кабинетовъ и дипломатовъ о мирѣ; каждый народъ спѣшитъ вооружиться, спѣшитъ приготовиться къ войнѣ и, кажется, съ радостью ждетъ, когда наступитъ желанный день этой общей бойни. И въ то же самое время, клика безбожниковъ старается увѣрить всѣхъ, что, несмотря на все это, рано или поздно, на землѣ непременно водворится всеобщее царство мира, съ полною свободой и счастіемъ для всѣхъ и cadaго, только безъ Бога и безъ храма!»

Рисуя мрачныя картины общественнаго разложенія, апостолы и ихъ послѣдователи совсѣмъ не задумываются надъ причинами, вызывающими тѣ или другія печальныя явленія. Все зло они приписываютъ, съ одной стороны, «невѣрью», съ другой — «современному образованію» и «высокомѣрью» людей. Современное образованіе вызываетъ постыдное обоготвореніе природы; оно же создало ученіе о происхожденіи рода человѣческаго отъ обезьяны; наконецъ, оно же отвергаетъ въ человѣкѣ существованіе всякаго духа, за исключеніемъ развѣ шаловливыхъ духовъ спиритизма. Высокомѣріе заставляетъ людей преслѣдовать цѣль, на которую нѣкогда указалъ змѣй праотцу Адаму: «и вы будете яко боги!»

Но, несмотря на эту поразительную узкость и безсиліе мысли, несмотря на полное неумѣнье разобратся въ сложныхъ и подавляющихъ явленіяхъ печальной современной дѣйствительности, апостолы совершенно инстинктивно, разумѣется, чувствуютъ и сознають весь трагизмъ переживаемой нами эпохи. Въ доказательство, приведу съ буквальною точностью заключительныя слова одной изъ проповѣдей:

«При видѣ всего того, что творится теперь вокругъ насъ, невольно хочется воскликнуть вмѣстѣ съ пророкомъ Іереміей: «изумительное и ужасное дѣло совершается на землѣ!»

«Поистинѣ — ночь грѣха и тьмы повисла надъ міромъ!

«Всѣ чувствуютъ, что почва подъ ногами народовъ колеблется, всѣ сознаютъ, что мы на краю пропасти, въ которую должны низвергнуться. Въ минуты страха всякій спрашиваетъ: что-то будетъ изъ этого, наконецъ? Такъ продолжаться долго не можетъ»!..

VII.

Апостольская община въ наши дни.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о теперешнемъ состояніи петербургской апостольской общины.

Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны только что приведенные очерки, прошло много времени, цѣлые 26 лѣтъ. За это время, между прочимъ, произошло событіе, которое должно было оказать огромное влияние на послѣдователей не только петербургской, но и всѣхъ другихъ апостольскихъ общинъ.

Мы говоримъ о смерти послѣдняго апостола, единственнаго, который еще оставался въ живыхъ. Да, онъ умеръ... а Христосъ все еще не пришелъ.

Смерть послѣдняго апостола отразилась печальнымъ образомъ на петербургской общинѣ: она захирѣла и какъ-бы замерла въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы её видѣли въ 80-хъ годахъ. За по-

слѣдную четверть вѣка она не сдѣлала никакихъ успѣховъ въ дѣлѣ распространенія своего ученія и влияния ни въ средѣ русскаго общества, ни въ народной средѣ.

Правда, въ печати какъ то встрѣчались указанія на то, что ученіе ирвингянъ будто бы проникло въ народъ. Въ доказательство этого газеты указывали на секту «избранныхъ братьевъ и сестеръ», возникшую еще въ началѣ 70-хъ годовъ въ Псковской губерніи, ученіе которой будтобы весьма близко подходит къ ученію апостоловъ послѣднихъ дней. Возникновеніе этой секты газетныя извѣстія приписывали влиянію ирвингянъ и высказывали предположеніе, что ученіе «избранныхъ братьевъ и сестеръ» занесено въ Псковскую губернію изъ Дерпта, гдѣ давно уже имѣются послѣдователи апостольскаго ученія.

Въ короткое время новая секта приобрѣла не одну сотню послѣдователей среди мѣстныхъ крестьянъ. Особенно-же охотно приставали къ ней женщины-крестьянки. Основатель и главный проповѣдникъ этой секты іеромонахъ Серафимъ, — по имени котораго послѣдователи этой секты назывались также серафимовцами, — былъ арестованъ и затѣмъ заточенъ въ Соловецкую тюрьму; но это, конечно, не помѣшало дальнѣйшему распространенію секты.

По этому поводу я долженъ однако заявить, что утверждение газетъ о томъ, что секта «избранныхъ братьевъ и сестеръ» возникла подъ непосредственнымъ влияніемъ апостольскаго ученія—возбуждаетъ большія сомнѣнія. Сирошенный мною по этому поводу В. А. Дитманъ также отрицалъ справедливость приведенныхъ выше газетныхъ сообщений о связи секты «серафимовцевъ» съ ученіемъ апостоловъ послѣднихъ дней.

Затѣмъ одно время «*Рижскій Вѣстникъ*» сообщалъ, что апостольская секта появилась въ г. Дубельнѣ. Здѣсь распространителями ученія привиганъ были главнымъ образомъ рижскіе ремесленники. Судя по этому сообщенію, апостольская секта получила здѣсь распространеніе исключительно среди нѣмецкаго населенія.

Что касается петербургскаго общества, то мы уже упоминали, что высшіе круги, за исключеніемъ лишь отдѣльныхъ, едвичныхъ личностей, остались равнодушными къ ученію апостоловъ послѣднихъ дней. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о нижнихъ слояхъ петербургскаго населенія. Рабочіе, ремесленники, мастеровые совершенно игнорировали существованіе апостольской общины и проповѣди ея «въ-стниковъ» и «ангеловъ». Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, окончившихся полной неудачей, руководители

общины должны были отказаться отъ надежды найти себѣ сторонниковъ и послѣдователей въ этой средѣ. Если же гдѣ апостольная община и имѣла нѣкоторый успѣхъ, то только въ средѣ петербургскихъ нѣмцевъ-протестантовъ.

Стоявшій долгое время во главѣ петербургской общины инженеръ-генераль-маіоръ А. К. фонъ-Эрдбергъ умеръ въ 1883 году. Это была большая потеря для общины. Фонъ-Эрдбергъ былъ первымъ настоятелемъ апостольской общины въ Петербургѣ и «архангеломъ» этой секты. Онъ примкнулъ къ общинѣ при самомъ ея возникновеніи въ Петербургѣ и скоро сдѣлался высшимъ іерархомъ, ставъ во главѣ всего дѣла. Сдѣлавшись настоятелемъ общины, фонъ-Эрдбергъ оставилъ службу и, выйдя въ отставку, посвятилъ себя всецѣло дѣламъ общины. Благодаря его связямъ, ему удалось тогда-же выхлопотать разрѣшеніе публично отправлять богослуженіе. Ему-же въ значительной степени община была обязана и устройствомъ апостольской церкви.

Домъ № 10 по Сергіевскій улицѣ, въ которомъ долгое время помѣщалась церковь апостольской общины, принадлежалъ сначала графу Петру Андреевичу Шувалову, одному изъ самыхъ близкихъ людей къ государю Александру II. Можно-ли въ этомъ фактѣ усматривать сочувствіе графа Шувалова къ

ученію «апостоловъ послѣднихъ дней»—я не знаю. Едва-ли. Скорѣе здѣсь имѣло мѣсто вліяніе его супруги, графини Елены Ивановны Шуваловой, урожденной графини Чернышевой-Кругликовой, которая известна, какъ ревностная послѣдовательница ученій лорда Редстока.

Отъ графа Шувалова этотъ домъ перешелъ въ собственность г. Половцева, а затѣмъ—лѣтъ 12 тому назадъ—былъ приобрѣтенъ австрійскимъ посольствомъ. Съ переходомъ дома къ этому послѣднему владѣльцу, апостольской общинѣ пришлось покинуть помѣщеніе, которое она такъ долго занимала въ этомъ домѣ, такъ какъ австрійское посольство устроило въ этомъ помѣщеніи католическую церковь, служащую для нуждъ посольства.

Съ Сергіевской улицы апостольская община перекочевала на одну изъ центральныхъ улицъ Петербурга и пріютилась въ домѣ герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго. Въ этомъ домѣ была устроена апостольская церковь, которая существуетъ тутъ и до сихъ поръ. (Пишу это въ мартѣ мѣсяцѣ 1909 г.). Въ томъ-же домѣ, рядомъ съ церковью, находится квартира В. А. Дитмана, который въ настоящее время является однимъ изъ главныхъ руководителей петербургской апостольской общины.

Чтобы дать представленіе о томъ положеніи, въ

какомъ находится теперь петербургская апостольская община, а также о настроеніи, господствующемъ среди ея членовъ,—я приведу здѣсь свою бесѣду съ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ іерарховъ этой общины. Вотъ что онъ сказалъ мнѣ на мой вопросъ по этому поводу.

— Теперь мы находимся въ особомъ, совершенно исключительномъ положеніи, въ положеніи *вымирающихъ*... Да,—съ грустью продолжалъ іерархъ,—всѣ апостолы умерли. Умерли ранѣе, чѣмъ исполнилось то пророчество, которое было ими предсказано и которое,—какъ многіе думали,—должно было осуществиться при ихъ жизни.

— Такимъ образомъ ваша община болѣе уже не растеть?—спросилъ я.

— Да, наша община уже не развивается, не увеличивается притокомъ новыхъ силъ... Теперь мы даже не принимаемъ въ свою общину новыхъ членовъ... Мы покорно ждемъ, чтобы исполнилась воля Божія...

Мнѣ хотѣлось узнать что нибудь о нѣкоторыхъ членахъ общины, принадлежавшихъ къ ней въ 80-хъ годахъ.

— Въ прежнее время я часто встрѣчалъ въ вашей церкви графа Сиверса. Теперь я его не

вижу болѣе у васъ. Не отпаль-ли онъ отъ вашей общины?—спросилъ я.

— Графъ Эдуардъ Карловичъ Сиверсъ давно уже живетъ за границей,—нѣсколько уклончиво отвѣтилъ мой собесѣдникъ.

— Кто онъ собственно по общественному положенію?

Онъ—придворный... состоялъ церемоніймейстеромъ Высочайшаго двора... теперь онъ давно уже въ отставкѣ.

— Не было-ли у васъ въ послѣднее время какихъ нибудь изданій, изъ которыхъ можно было-бы познакомиться съ жизнью вашихъ общинъ, а также съ тѣми измѣненіями, которыя вызваны послѣдними событіями въ нашемъ ученіи?

— Нѣтъ, не было!—рѣшительно заявилъ іерархъ.—Нужно вамъ сказать, что измѣнять ученіе, воспринятое нами, мы, разумѣется, не считаемъ себя вправѣ. Наше ученіе остается не измѣннымъ, остается въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно ранѣе вылилось, благодаря трудамъ нашихъ апостоловъ, дѣйствовавшихъ по внушенію самого Духа Святого.

Прощаясь со мной, мой собесѣдникъ принялъ внушительный видъ и многозначительно проговорилъ:

— Однако мы и теперь не перестаемъ ожидать

великихъ событій... Эти событія неизбежно должны последовать... Мы вѣримъ въ это непоколебимо!...

Увы, эти громкія слова звучали холодно и безстрастно. Въ нихъ не чувствовалось внутренней силы, не чувствовалось того огонька, который зажигаетъ сердца не только вѣрующихъ, но и *желающихъ открыть* людей.

Послѣдователи лорда Редстока. „Пашковцы“.

«Генералъ» Пашковъ и его проповѣди.

Это было въ прошлое воскресенье, вечеромъ, часу въ восьмомъ.

Я подѣхалъ къ квартирѣ своего знакомаго, живущаго на Гагаринской набережной. Но знакомаго не оказалось дома, и такъ какъ извозчикъ уже былъ отпущенъ, то я и направился пѣшкомъ, намѣреваясь выйти на Литейную.

У ярко-освѣщеннаго подѣзда какого-то богатаго дома дремлетъ дворникъ. Къ нему точно подкрадывается человѣческая фигура, одѣтая въ какую-то неопредѣленную хламиду, сооруженную, по всѣмъ признакамъ, изъ старой солдатской шинели,—одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя обыкновенно называются «темными личностями».

— Чей это домъ будетъ?—спрашиваетъ темная фигура у дворника.

— Енерала Пашкова... А тебѣ чего нужно?

— Его самого и нужно... Чтенія, говорят, туть... Будуть, что ли?..

— Будуть безпремѣнно.

— Можно, значить?..

— Иди, иди... не сумлевайся.

Откуда-то вдругъ вынырнула старушка, принадлежащая по всѣмъ видимостямъ къ типу, извѣстному подь именемъ салопницъ.

— Что, голубчикъ, чтенія сегодня будутъ?

— Будуть, будутъ,—говорить дворникъ.

Темная фигура и салопница входятъ въ освѣщенный подъѣздъ. Рослый, откормленный и выхоленный швейцаръ широко открываетъ имъ дверь.

— Что это за чтенія? спрашиваю дворника.

— Обнакновенныя... чтенія.

— О чемъ же читають?

— Да-а... о божественномъ.

— Кто же читаетъ?

— Енераль Пашковъ... сами читають... Да вы зайдите, такъ увидите какія чтенія...

Это интересно. Вхожу въ домъ. Прекрасное антре: обстановка барская, роскошная, на широкую ногу. Яркое освѣщеніе, многочисленная ливрейная прислуга. По широкой лѣстницѣ тянутся дорогія, красивыя дорожки; громадныя изящныя вазы, тяжелыя драпировки на дверяхъ и окнахъ.

По лѣстницѣ поднимается темная фигура въ хламидѣ, оставляя слѣды мокрыми валенными сапогами; лакей въ чулкахъ и позументахъ указываетъ ему дорогу. Другой почтительно стаскиваетъ салопъ со старушки, только что вошедшей въ домъ.

Справляюсь о чтеніяхъ.

— Какъ же-съ, будутъ... Пожалуйте-съ.

Направо отъ входа широкая, вся залитая свѣтомъ лѣстница ведетъ въ бельэтажъ; мы повертываемъ влѣво и чрезъ два-три маленькихъ корридорчика входимъ въ комнату, посрединѣ которой устроена гимнастика, а всю переднюю стѣну занимаетъ огромный гобеленъ. На немъ изображена южная растительность, какія-то обнаженные дѣвы, какія-то животныя... Не то рай, не то—Богъ знаетъ что, не разберешь.

— Что изображаетъ эта картина?

— Не могу-съ доложить,—говоритъ мой чероне, повидимому барскій камердинеръ, во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и бакенбардахъ;—извѣстно только, что изъ Рима-съ... въ Римѣ куплена-съ...

Изъ этой комнаты мы входимъ въ залъ, весь уставленный рядами стульевъ съ проходомъ посрединѣ, точно въ театрѣ. Огромныя окна плотно закрыты темно-красною драпировкою; направо и налѣво двери, тщательно прикрыты; въ простѣнкахъ

зеркала, на стѣнахъ картины въ золотыхъ рамкахъ — красивые ландшафты и два-три какихъ-то, можетъ быть, фамилльныхъ портрета. Въ углу, около двери справа, головка хорошенькой молоденькой дѣвушки съ открытыми плечиками и ручками. Тутъ же на особой высокой подставкѣ, — что-то въ родѣ пюпитра, — стоитъ лампа съ синимъ абажуромъ; рядомъ съ пюпитромъ — стулъ.

— Вотъ съ этого стула они будутъ говорить проповѣдь, — слышится шопотъ.

— А что же здѣсь иконъ-то нѣтъ... ни единой? — наклонившись на ухо, спрашиваетъ какая-то чиновница свою сосѣдку.

Съ любопытствомъ оглядывалъ я публику, что размѣстилась на стульяхъ, креслахъ и диванахъ, стоящихъ вдоль стѣнъ. И было что посмотреть. Такого разнообразія едва ли гдѣ можно встрѣтить. Тутъ и мастеровые, и лакеи, и кухарки, и чиновницы, и офицеры, и деньщики, и гимназисты, и юнкера; тутъ же и важныя барыни, и студентки, и чиновники, и чернорабочіе, и купцы... Вотъ какой-то шикарный мундиръ съ аксельбантами, а рядомъ почталіонъ съ бляхою, еще дальше — грязные, лоснящіеся полупшубки рабочаго люда, чуйки и поддевки...

Публика постоянно прибываетъ. Вотъ входитъ цѣлая вереница молодыхъ дѣвушекъ въ одинаковыхъ

сѣрыхъ платьяхъ, черныхъ платочкахъ и бѣлыхъ фартукахъ — это изъ какого-то пріюта. Ихъ сопровождаетъ дама, одѣтая вся въ черномъ — должно быть, пріютская надзирательница. Размѣстивъ своихъ воспитанницъ, дама опускается на колѣни и, склонивъ голову на руки, шепчетъ какую-то молитву.

Занявъ мѣсто на диванѣ, вблизи отъ пюпитра, я очутился въ сосѣдствѣ съ офицеромъ, который что-то оживленно нашептывалъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ штатскому, человѣку среднихъ лѣтъ съ серьезнымъ, интеллигентнымъ лицомъ. Тутъ же сидѣли два нѣмца, которыхъ по ихъ широкимъ и грубымъ рукамъ можно было принять за мастеровыхъ; они молча перелистывали свои евангелія.

Вскорѣ всѣ мѣста въ залѣ были заняты. Тогда отворились двери съ правой и съ лѣвой стороны залы. Тамъ оказались комнаты, точно также установленныя рядами стульевъ и креселъ. Въ комнату справа ведетъ особый ходъ, въ этой комнатѣ публика состояла преимущественно изъ дамъ; между ними виднѣлось нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ. По временамъ оттуда слышался сдержанный разговоръ на французскомъ языкѣ. Вскорѣ и эти комнаты наполнились публикою.

Мои сосѣди оказались людьми весьма общительными. Не прошло и пяти минутъ, какъ мы вели уже общую бесѣду.

— Скажите, пожалуйста, кто это такой генералъ Пашковъ?—спрашивалъ я.

— Прежде всего онъ не генералъ, а отставной полковникъ гвардіи... Это очень богатый человекъ и большой филантропъ. Онъ ежегодно расходуетъ огромныя деньги на разныя благотворительныя предприятия... По дѣламъ нѣкоторыхъ бѣдняковъ мнѣ приходилось самому обращаться къ нему и онъ всегда помогалъ и никогда не отказывалъ въ помощи...

— Но цѣль этихъ чтеній или проповѣдей?

— О, это прекрасная, если хотите, высокая цѣль... Г. Пашковъ и его друзья задались цѣлью разъяснить истинный, настоящій смыслъ священнаго писанія и преимущественно евангелія... Вы понимаете?.. Ихъ толкованія, разумѣется, совершенно свободны отъ всѣхъ тѣхъ суевѣрій, которыя такъ обычны въ средѣ, напримѣръ, нашихъ сельскихъ поповъ... Чтенія эти устраиваются г. Пашковымъ каждое воскресенье, и какъ видите—за публику дѣло не стоитъ. Хотя я самъ въ первый разъ на этихъ чтеніяхъ, но очень много слышалъ о нихъ... Кромѣ этихъ чтеній у нихъ есть еще особыя собранія, на которыя допускается только избранная публика и притомъ не иначе, какъ по билетамъ...

— Но вотъ онъ самъ,—замѣтилъ рассказчикъ,—

указывая головою на господина, показавшагося въ эту минуту въ комнатѣ справа.

Всѣ поднялись съ мѣсть.

Господинъ, вошедшій въ залъ и остановившійся у двери около попитра, былъ болѣе чѣмъ средняго роста, хорошо сложенъ, съ длинными, почти сѣдыми бакенбардами, съ коротко подстриженными волосами, причесанными по-военному, на косой проборъ, со здоровымъ цвѣтомъ лица и подвижными, немного влажными сѣрыми глазами. Одѣтъ очень скромно... Въ рукахъ онъ держитъ маленькое евангеліе... Такія же точно евангелія были у многихъ изъ присутствующихъ.

Склонивши голову на евангеліе, онъ произноситъ: «Господь Богъ да благословитъ наше чтеніе!» и опускается на стулъ. Всѣ садятся.

— «Евангеліе апостола Іоанна»,—начинаетъ онъ—«глава тринадцатая»...

Всѣ развернули евангеліе, а онъ началъ читать—съ чувствомъ, отчетливо, внятно... За чтеніемъ слѣдовало объясненіе прочитаннаго; собственно говоря объяснялъ онъ немного. Вся его рѣчь или, вѣрнѣе, проповѣдь состояла главнымъ образомъ въ развитіи той мысли, что для спасенія души необходимо исполненіе всѣхъ заповѣдей, всего закона божія, что тотъ, кто не исполнитъ хотя одну заповѣдь—

проклять. Это проклятіе можетъ быть снято только вѣрою и покаяніемъ. Вѣра важнѣе всего; мало быть добродѣтельнымъ, безупречной нравственности чело-вѣкомъ, необходимо быть вѣрующимъ. Невѣрующихъ и преступающихъ законъ ждутъ мученія ада. Хотя теперь многіе и отрицаютъ это, но сомнѣваться въ этомъ невозможно, такъ какъ объ этомъ прямо ска-зано въ книгахъ, написанныхъ по вдохновенію Бога. Такъ какъ мы всѣ и постоянно прегрѣшаемъ, то по-этому намъ необходимо покаяться, «нужно стучаться въ сердце Господне и Онъ раскроетъ намъ его».

Вообще нужно сказать, что проповѣдь отлича-лась чрезвычайъ отвлеченнымъ, мѣстами даже туман-нымъ характеромъ. Но произносилась она съ жаромъ, съ одушевленіемъ, нерѣдко переходившимъ въ пафосъ. Это въ значительной степени способствовало впе-чатлѣнію... Глубокое, сосредоточенное вниманіе вы-ражалось на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ. По временамъ изъ заднихъ рядовъ, со стороны овчинныхъ полушубковъ вырывались восклицанія: «Правда!» «Истинно!» и проч.

Онъ кончилъ и поднялся со стула. Всѣ, какъ одинъ чело-вѣкъ, встали со своихъ мѣстъ.

— Чтеніе кончено, кто желаетъ — можетъ остаться помолиться Богу, — произнесъ онъ и вышелъ въ сосѣдній залъ направо.

Никто не тронулся съ мѣста; всѣ ждали. Ми-нутъ десять спустя г. Пашковъ снова возвращается въ залъ и, сказавъ: «помолимся Господу Богу» — опускается на колѣни.

Всѣ молча слѣдуютъ его примѣру.

— «Поблагодаримъ Господа Бога, — почув-ствованнымъ голосомъ начинаетъ г. Пашковъ, — за его священное слово, которое мы сейчасъ слышали... Пусть это слово Онъ вложитъ въ наши сердца... Пусть это слово западетъ глубоко въ нашу душу и да поможетъ оно намъ избѣжать грѣха, соблазна, злыхъ дѣлъ, неправды»...

Склонивъ головы на руки, всѣ стоятъ на колѣ-няхъ, слушая молитву... Слышатся тяжелые, удру-ченные вздохи, тѣ вздохи, что выдавливаются изъ груди тяжкимъ горемъ и нуждою; по временамъ слышатся женскія всхлипыванія.

— Аминь! — вставая, заканчиваетъ г. Пашковъ.

— Аминь, — повторяетъ публика, вставая слѣ-домъ за нимъ.

Начали было расходиться. Но въ сосѣдней ком-натѣ снова столпились и, обступивши кругомъ г. Паш-кова, просятъ его разъясненій. Какой-то старикъ-ра-бочій въ ватной поддевкѣ говоритъ: «стало быть, по вашему, мы теперь всѣ погибши, потому у ка-

жиннаго какой ли грѣхъ на душѣ да есть... Стало быть выходить, што всё прокляты?»

Г. Пашковъ старается разъяснить высказанную имъ мысль и разъяснить это недоразумѣніе... Вотъ чрезъ толпу протискивается какая-то синяя чуйка и спрашиваетъ: «Что значить стучаться въ сердце божіе, то есть, примѣрно, какимъ манеромъ? И захочетъ ли Богъ отворить свое сердце намъ, грѣшникамъ?» и т. д.

Снова слѣдуютъ объясненія и снова возникаютъ новые вопросы, новые недоразумѣнія и диспуты. Къ этому въ значительной степени подавали поводъ самыя объясненія г. Пашкова: они страдали тою же отвлеченностью, какую отличалась и его проповѣдь. Намъ показалось даже, что онъ намѣренно избѣгаетъ ясныхъ, категорично-выраженныхъ положеній и отвѣтовъ; это тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что сомнѣнія и вопросы, которые предъявлялись ему—обыкновенно формулировались вполне опредѣленно и ставились что называется ребромъ...

Мы видѣли, какъ нѣкоторые, проспоровъ долгое время, уходили съ тѣмъ же вопрошающимъ недоумѣніемъ на лицѣ и, очевидно, съ тѣми же самыми сомнѣніями, которыя, быть можетъ, привели ихъ сюда.

Во время объясненій г. Пашковъ раздавалъ въ большомъ количествѣ евангелія и разныя брошюрки

религіознаго содержанія всѣмъ, кто только заявлялъ желаніе имѣть ихъ. Тутъ же я узналъ, что подобныя собранія происходятъ ежедневно, въ различныхъ частяхъ города. На всѣхъ этихъ собраніяхъ чтецомъ и проповѣдникомъ является г. Пашковъ. По понедѣльникамъ чтенія происходятъ на Петербургской сторонѣ, въ квартирѣ какого-то офицера, по субботамъ—на Конногвардейской улицѣ, около Смольнаго монастыря, домъ № 2, квартира переплетчика.

Затѣмъ намъ передавали, что подобныя же чтенія происходятъ у княгини Волконской на Фурштатской улицѣ.

Мы вышли. Въ передней, въ ожиданіи своихъ господъ, полукругомъ стояли ливрейные лакеи въ цилиндрахъ, съ скунсовыми воротниками, пристегнутыми къ ливреямъ, и держали на рукахъ шубы и шубки. У подъѣзда стоялъ цѣлый рядъ каретъ и колясокъ.

— Признакомъ,—сказалъ мой бывшій сосѣдь офицеръ, выходя вмѣстѣ со мною изъ дому,—я ожидалъ большаго отъ этого чтенія. Ясно, что проповѣдь его осталась непонятою большинствомъ той публики, которая была на-лицо. Да въ сущности вѣдь это та же самая сухая риторика, которая такъ опротивѣла всѣмъ намъ... Ничего свѣжаго, живого; ничего даже оригинальнаго или талантливаго... Таковую проповѣдь

можно и отъ любого попа услышать... Словомъ— я совершенно разочарованъ... Просто-на-просто это какая-то барская затѣя, отъ скуки, разумѣется... Велікосвѣтская игра въ проповѣдники... Вѣроятно слава лорда Редстока вскружила имъ головы и вотъ они копируютъ его въ своихъ салонахъ...

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ молча.

— Такъ вы полагаете—отъ скуки?—вдругъ заговорилъ другой бывший мой сосѣдъ, штатскій.—Но неужели вы думаете, что человекъ на мѣстѣ Пашкова не могъ бы найти чего-нибудь веселѣе, чѣмъ толковать съ мужиками о евангеліи? Вы говорите, пустая, барская забава, но вѣдь эта забава продолжается не недѣлю, не мѣсяцъ, а, говорятъ, уже долгіе годы, эта забава отнимаетъ у него не часъ и не два въ день, а ей посвящаются всѣ вечера изо-дня въ день... Нѣтъ, очевидно, тутъ что-то другое... Конечно, проповѣдь вышла черезчуръ шаблонна, она и мнѣ не понравилась, но... мнѣ кажется, что мысль устроить такія чтенія, такія бесѣды и диспуты—весьма удачная мысль и заслуживаетъ сочувствія... Вы видѣли, сколько народу набирается на эти чтенія и толкованія, какъ они всѣ внимательно, вдумчиво, серьезно относятся ко всему, что читается и говорится вокругъ. Значитъ, существуетъ потребность въ этомъ, сильная, несомнѣнная потребность!..

— Да и можно ли въ этомъ сомнѣваться?— продолжалъ штатскій.—Стоитъ заглянуть въ провинцію, въ уѣздное захолустье, въ село, въ деревню... Народъ нашъ явно томится, явно жаждетъ духовныхъ, нравственныхъ, человѣческихъ впечатлѣній, которыхъ онъ совсѣмъ лишень и которыхъ ему не могутъ или не хотятъ дать ни попы, ни школы, ни миссіонеры, ни учителя... Вѣдь если мы съ вами эмансипировались отъ разнаго рода религіозныхъ сомнѣній и легко и свободно обходимся безъ того или другого религіознаго культа, то народъ... повѣрьте, народъ еще долгое, долгое время будетъ мучиться въ поискахъ «правой вѣры», въ исканіяхъ истины въ религіи... Его мысль и чувство бродятъ и не находятъ выхода; онъ явно не удовлетворяется тѣмъ, что ему даютъ его пастыри, его духовные опекуны; въ немъ все сильнѣе и рѣзче обозначается разрывъ съ ними, и вотъ, оставши отъ одного берега и не имѣя возможности пристать къ другому, онъ колотится, какъ рыба объ ледъ, кидается то въ изуверство, то въ самый крайній рраціонализмъ. Онъ создаетъ дикія, нелѣпыя, страшныя секты, идетъ къ скопцамъ, бѣжитъ въ лѣса вслѣдъ за «странниками», уходитъ въ мрачную «нѣтовщину», отрицающую правду, истину, самую жизнь... О, надъ этимъ пора задуматься серьезно и глубже!.. Пора

хоть что-нибудь сдѣлать для народа!.. Нужно наконецъ начать такъ или иначе!..

Мы подходили къ Литейному проспекту.

— Вамъ, кажется, направо?—сказалъ, остановившаяся, офицеръ,—а мнѣ прямо, имѣю честь кланяться...

С.-Петербургъ,
10-го января 1880 года.

Статья эта, какъ показываетъ дата, была написана въ 1880 году и тогда же напечатана. Въ виду того, что это была первая въ нашей печати статья, которая сообщала о Пашковѣ и знакомила съ его дѣятельностью, мы сочли полезнымъ воспроизвести её здѣсь безъ всякихъ измѣненій.

Московскіе редстокисты.

I.

„Вѣрующіе“.

Религіозное броженіе, занесенное въ среду русскаго общества извѣстнымъ англійскимъ проповѣдникомъ лордомъ Редстокомъ, какъ извѣстно, получило особенно сильное развитіе главнымъ образомъ въ Петербургѣ, въ средѣ тамошнихъ великосвѣтскихъ кружковъ. Наиболѣе активными послѣдователями «лорда-апостола» считаются у насъ извѣстные петербургскіе аристократы: отставной полковникъ гвардіи Василій Александровичъ Пашковъ и графъ Модестъ Модестовичъ Корфъ.

Этимъ лицамъ удалось очень много сдѣлать для распространенія редстокизма въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества, а также и среди народа, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Наибольшимъ успѣхомъ дѣятельность редстокистовъ увѣнчалась въ петербургской, великосвѣтской средѣ; здѣсь къ нимъ примкнули цѣлыя семьи аристократическихъ фамилій. Особенно дѣятельными распростра-

нительницами новаго ученія явились нѣкоторыя петербургскія дамы.

Изъ Петербурга ученіе «пашковцевъ» перешло въ провинцію и прежде всего въ барскія усадьбы. Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи редстокизмъ распространялся главнымъ образомъ чрезъ родственныя связи съ первыми послѣдователями и пропагандистами этого ученія.

Что касается Москвы, то здѣсь ученіе пашковцевъ никогда не имѣло сколько нибудь значительнаго успѣха. Однако и здѣсь около 1879—80 г. возникъ кружокъ изъ послѣдователей лорда Редстока; кружокъ этотъ существуетъ и до сихъ поръ.

Въ печати почти ничего не писалось о московскихъ редстокистахъ, если не считать коротенькихъ газетныхъ извѣстій, сообщавшихъ о появленіи послѣдователей пашковскаго ученія въ Москвѣ. Это было лѣтомъ 1880 года, когда проповѣди Пашкова въ Петербургѣ вызывали большой интересъ и служили предметомъ оживленныхъ толковъ какъ въ обществѣ, такъ и въ печати. Какъ извѣстно, въ то время собранія пашковцевъ въ Петербургѣ происходили вполне свободно и на нихъ стекалась масса самой разнообразной публики.

Въ Москвѣ, какъ сообщали газеты, «агенты пашковскаго ученія» впервые появились на Бутыр-

кахъ. Сообщение это обратило на себя вниманіе мѣстной полиціи, которая сочла необходимымъ навѣстить бутырскія бесѣды пашковцевъ. При этомъ, — опять таки по сообщенію московскихъ газетъ, — полиція «послѣ нѣкоторыхъ недоразумѣній убѣдилась, что ничего противозаконнаго эти собранія не имѣютъ. Послѣ этого бесѣды происходили спокойно и тихо, въ пѣніи псалмовъ немногочисленными послѣдователями Пашкова».

Тяготѣніе къ Англіи и всему англійскому составляетъ характерную черту пашковцевъ изъ высшаго круга. Это объясняется, конечно, главнымъ образомъ влияніемъ основателя ученія англичанина лорда Редстока. Наши редстокисты охотно и по долгу живутъ въ Англіи, а нѣкоторые изъ нихъ проводятъ тамъ даже цѣлыя годы. Многіе изъ нихъ воспитываютъ тамъ своихъ дѣтей. Сынъ Пашкова обучался въ Кембриджскомъ университетѣ.

Я давно уже слышалъ о томъ, что московскіе редстокисты или «вѣрующіе», какъ они обыкновенно называютъ себя, устраиваютъ еженедѣльные собранія, на которыхъ говорятъ проповѣди, поютъ духовныя гимны и т. п. Я зналъ, что эти собранія особенно оживляются съ прїѣздомъ членовъ секты изъ Петербурга и провинціи; но мнѣ было извѣстно также, что «вѣрующіе» неохотно допу-

скаютъ въ свою среду лицъ постороннихъ, не связанныхъ съ ними общими вѣрованіями. Живо интересуясь религіозными движеніями, я, конечно, не могъ не желать попасть на эти собранія. Счастливый случай помогъ мнѣ въ этомъ.

Вернувшись однажды изъ поѣздки по Волгѣ, я привезъ съ собою письма отъ саратовскихъ «духовныхъ христіанъ» (попросту молоканъ) къ одной «сестрѣ», жившей въ Петербургѣ и очень вліятельной въ средѣ тамошнихъ редстокистовъ, а также къ одному изъ московскихъ «братьевъ», В-еву, который оказался не только «вѣрующимъ», но и яркимъ, горячимъ пропагандистомъ исповѣдуемаго имъ ученія. По роду его занятій ему постоянно приходилось разъѣзжать по разнымъ мѣстамъ Россіи и сталкиваться съ массою людей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, сословій и званій. Особенно обширны были его связи и знакомство въ средѣ послѣдователей штунды и молоканства. Такъ какъ и у меня имѣются нѣкоторые знакомства въ этой средѣ, то вскорѣ у насъ оказалось довольно много общихъ хорошихъ знакомыхъ; обстоятельство это не могло, конечно, не способствовать нашему сближенію между собою.

Крестьянинъ —ской губерніи, В — евъ долгое время по прежнимъ правиламъ служилъ въ солдатахъ,

затѣмъ, выйдя въ отставку, поселился въ Москвѣ, такъ какъ связи съ деревней были уже порваны и утрачены. На развитие его религіозныхъ вѣрованій большое вліяніе оказали кіевскіе штундисты, которые давно уже находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ пашковцами. Поселившись въ Москвѣ, В. примкнулъ къ кружку «вѣрующихъ» и сдѣлался аккуратнымъ посѣтителемъ ихъ собраній.

В. началъ частенько навѣщать меня, и у насъ то и дѣло устраивались съ нимъ дебаты и споры о разныхъ «вѣрахъ», сектахъ и религіозныхъ ученіяхъ. Его рассказы о «вѣрующихъ» заинтересовали меня и я выразилъ желаніе побывать на ихъ собраніяхъ. Онъ далъ мнѣ слово устроить это. Однако, прошло болѣе полугода прежде, чѣмъ онъ исполнилъ свое обѣщаніе.

Однажды (это было весной 1884 года) В. зашелъ ко мнѣ въ неурочное время; обыкновенно онъ приходилъ вечеромъ, послѣ восьми часовъ, когда кончались его занятія. По его особенно сдержаннымъ движеніямъ и пытливымъ, испытующимъ взглядамъ, которые онъ кидалъ на меня, можно было догадаться, что онъ имѣетъ сообщить нѣчто важное.

— Что новаго?, — спросилъ я послѣ первыхъ привѣтствій.

— Завтра у насъ собраніе назначено, — много-

значительно и въ то же время какъ бы между прочимъ замѣтилъ В.

— По какому случаю?

— Пріѣхалъ одинъ братъ... дальній... Ну, и хотимъ собраться всѣ вмѣстѣ.

— Какой же братъ? откуда?

— Да онъ дальній, не русской земли... Родомъ изъ Сиріи... Только давно ужъ въ Россіи живетъ, здѣсь и женился... Теперь онъ изъ Петербурга ѣдетъ.

И затѣмъ, немного помолчавши, онъ добавилъ уже совсѣмъ таинственно: «Отъ Василія Александровича (Пашкова)... Василій Александровичъ его очень любить... очень любить», — съ удареніемъ повторилъ еще разъ В.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось повидать его и послушать,—замѣтилъ я.—Навѣрное, онъ будетъ у васъ говорить проповѣдь?

— Безпремѣнно будетъ... какже, завтра въ собраніи...

— А у кого будетъ собраніе?

— У Людмилы Павловны... у Людмилы Павловны Х. ¹⁾.

¹⁾ Имена и фамиліи лицъ, фигурирующихъ въ этомъ очеркѣ, измѣнены.

— Могу я быть, чтобы послушать?

— Отчего же?.. Милости просимъ...

— Но, можетъ быть, другіе члены собранія будутъ противъ этого?

— Нѣтъ, я уже говорилъ, всѣ согласны... Людмила Павловна велѣла мнѣ передать вамъ, что она будетъ ждать васъ завтра въ собраніе въ два часа дня... ровно въ два часа... Позвоните у перваго подъѣзда и спросите Людмилу Павловну.

II.

„Братья“ и „сестры“.

На другой день около двухъ часовъ я подъѣхалъ къ старинному, барскому дому. Людмила Павловна занимала нижній этажъ. Я позвонилъ разъ, другой. Наконецъ дверь отворилась и предо мной появился благообразный, приличнаго вида, съ выправкой, лакей.

— Вамъ кого угодно?—спросилъ онъ очень вѣжливо, но въ то же время весьма ловко и незамѣтно загораживая мнѣ дорогу.

— Людмилу Павловну.

— Ихъ нѣтъ-съ дома.

— Какъ нѣтъ?—удивился я.

— Точно такъ-съ... Нѣту дома. Уѣхали кататься.

— Однако это странно.

— Да-съ, уѣхали... и теперь, должно быть, до самаго до вечера не будутъ-съ. — И лакей готовился уже снова запереть дверь.

— Но меня приглашали именно въ два часа, — замѣтилъ я недовольнымъ тономъ.

— Виноватъ-съ! Васъ приглашали *въ два часа?*.. Тогда пожалуйте-съ... Извините, я не зналъ. Какъ прикажете доложить?

Мы вошли въ переднюю. Снимая пальто, я замѣтилъ въ слѣдующей приемной комнатѣ какое-то замѣшательство. Горничная, видимо, нерѣшительно открыла дверь, и на порогѣ показалась полная дама, лѣтъ подь шестьдесятъ, съ сѣдыми, тщательно расчесанными волосами, съ румянцемъ на дряблыхъ щекахъ, одѣтая въ черное шелковое платье съ кружевами. Стрые подвижные глаза ея были влажны, что въ связи съ красными вѣками заставляло догадываться о слезахъ, только что пролитыхъ ею.

— Вы monsieur P. Да?.. Ахъ, я очень рада васъ видѣть... Je vous connais depuis longtemps... par vos travaux... Да, я читала еще въ Парижѣ...

А мы собрались помолиться... Мы никого не приглашаемъ къ себѣ, но вамъ мы вѣримъ. Вы не захотите намъ зла, неправда-ли?.. Къ намъ пріѣхалъ одинъ братъ и сказалъ такую проповѣдь... ахъ такую проповѣдь... Que nous commencions même un peu à pleurer...

Людмила Павловна вынула батистовый платокъ и поднесла его къ глазамъ.

— Милости просимъ, — сказала она, направляясь во внутренніе покои и приглашая меня слѣдовать за собою.

Мы вошли въ залъ—довольно большой, свѣтлый залъ съ четырьмя окнами на улицу и съ тремя — на дворъ. На окнахъ, выходявшихъ на улицу, были опущены бѣлыя шторы. Обстановка зала—самая обыкновенная, заурядная, какую можно встрѣтить въ каждой достаточной семьѣ средней руки. Слева отъ входа стоялъ беккеровскій рояль, у задней стѣны—мягкій, очень удобный диванъ съ подушками и съ подушечками; вдоль стѣны—рядъ мягкихъ стульевъ, обитыхъ малиновымъ бархатомъ.

Средину залы занималъ большой четырехугольный столъ, покрытый бѣлой узорчатой клеенкой. Вокругъ стола сидѣли дамы и барышни молодя, пожилыя, красивыя и невзрачныя. Среди ихъ на мягкомъ бархатномъ стулѣ какъ-то особенно неуклюже

возсѣдалъ Іосифъ Дементьевичъ, одѣтый въ ватной, растянутой сверху поддевки. Передъ нимъ, на столѣ, лежала библія, къ которой онъ нерѣдко обращался, чтобы подыскать ту или другую цитату для подкрѣпленія своей проповѣди. Немного въ сторонѣ отъ стола сидѣлъ, скрестивши руки, старый, лысый, съ бритымъ лицомъ господинъ въ безукоризненной черной парѣ. Это былъ статскій генераль С—нъ, давнишній знакомый Людмилы Павловны.

Задній уголъ залы былъ заставленъ вѣнскими стульями, на которыхъ размѣстились «братья» и «сестры» такъ сказать, изъ народа. Тутъ сидѣли: кучера, кухарки, няньки, дворники и ихъ близкіе, «единомысленные». Тутъ же, но уже поближе къ столу сидѣлъ мой знакомецъ, В—евъ.

Изъ этой группы особенно выдавались двѣ фигуры: рослый, дюжій, широкій мужчина лѣтъ сорока съ огромной черной бородой и съ высокой «колосою» грудью. Это былъ кучеръ графини Z. На немъ была суконная кучерская безрукавка, плисовые шаровары и сверкавшіе какъ зеркало сапоги бутылками. Толстыми круглыми пальцами онъ держалъ въ рукѣ маленькое евангеліе, которое отъ сосѣдства съ его широкой дланью казалось еще болѣе микроскопичнымъ. Добродушное лицо выражало сосредоточенное вниманіе; лишь по временамъ и то какъ бы вскользь

вглядывалъ онъ на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ мальчика лѣтъ 14-ти, тонкаго и длиннаго, одѣтаго въ пиджачную пару; это былъ его сынъ.

Въ самомъ углу залы сидѣла женщина среднихъ лѣтъ, съ лицомъ монахини, на которомъ какъ два черныхъ блестящихъ жука, выдѣлялись большіе каріе воспаленные глаза. Сѣрый, сильно поношенный и выпѣвшій платокъ покрывалъ ея голову, спускаясь на плечи и станъ почти до пояса. Неподвижно, какъ статуя, сидѣла она, устремивъ полу-мечтательный, полу-загадочный взоръ темныхъ глазъ куда-то вверхъ, въ пространство. Изрѣдка губы ея начинали шевелиться и она что-то шептала про себя.

Войдя въ залъ, Людмила Павловна жестомъ пригласила меня занять мѣсто на диванѣ, а сама, въ качествѣ хозяйки, помѣстилась во главѣ стола. При нашемъ входѣ никто не шевельнулся съ мѣста; только проповѣдникъ внимательно скинулъ на меня маленькіе свѣтящіеся жидкимъ блескомъ глазки, быстро и зорко обхватилъ ими мое лицо и фигуру и затѣмъ продолжалъ свою рѣчь.

Наружность Іосифа Дементьевича явно говорила о его восточномъ происхожденіи. Армянскій типъ сильно сказывался въ его внѣшности и акцентѣ, съ которымъ онъ произносилъ свою проповѣдь. Говорилъ онъ довольно гладко и плавно. Въ планѣ и

оборотахъ рѣчи видны были опытность и навѣкъ, тотъ навѣкъ, который граничитъ съ шаблономъ.

— «Да, сколько ни живемъ, а умирать придется. *Всѣмъ* придется умирать,—говорилъ онъ, сильно подчеркивая слова и обводя юркими черными глазами всѣхъ присутствующихъ.—Никто не будетъ жить вѣчно,—никто! Смерть придетъ ко всѣмъ: къ одному раньше, къ другому послѣ, но непременно придетъ... Ну, а когда она придетъ къ намъ, о чемъ тогда мы будемъ думать? о чемъ будемъ сожалѣть?.. Можетъ быть мы будемъ сожалѣть о томъ, что скучно жили, мало веселились, рѣдко ѣздили на балы и въ театр (проповѣдникъ сказалъ: «театръ»), мало плясали, мало танцевали? Нѣтъ! тогда намъ будетъ не до того. Тогда мы и не вспомнимъ о весельѣ и балахъ... Можетъ быть мы будемъ сожалѣть тогда, что при жизни не сладко ѣли, мало пили, одѣвались не щеголевато, не по модѣ? Нѣтъ! Тогда намъ будетъ не до моды, не до сладкихъ кушаньевъ... Объ одномъ тогда мы будемъ сожалѣть, объ одномъ будемъ сокрушаться: о томъ, что не слушали голоса Господа, не слѣдовали по тому пути, который Онъ открылъ передъ нами».

И долго еще на эту тему говорилъ проповѣдникъ. Все—суета: жизнь человѣка на землѣ такъ коротка, такъ мимолетна. Всѣ наши радости, все наше сча-

стiе здѣсь такъ мелко, такъ ничтожно. Нужно жить для будущей вѣчной жизни, той жизни, которая ждетъ насъ за гробомъ. Тамъ, и только тамъ можно найти истинное счастье, истинныя радости. Поэтому всѣ наши помыслы, всѣ наши надежды должны быть сосредоточены на будущей жизни «въ небесахъ». Но для того, чтобы удостоиться этой жизни, необходимо твердо вѣрить, что мы всѣ «истинно-вѣрующiе» уже спасены Христомъ.

Проповѣдь производила впечатлѣнiе. Людмила Павловна сокрушенно вздыхала и то и дѣло подносила платокъ къ глазамъ. Сидѣвшая прямо противъ нея, на противоположномъ концѣ стола, высокая, уже немолодая барышня, съ поблекшимъ лицомъ и съ безкровными губами сосредоточенно слѣдила за рѣчью проповѣдника. Она вся обратилась въ слухъ и, казалось, боялась проронить слово. Серьезное, немного строгое лицо ея выражало глубокое внутреннее удовлетворенiе.

Маленькая брюнетка съ блѣдно-матовымъ лицомъ и черными глазами казалась совершенно растроганной. Она, видимо, боролась со своимъ чувствомъ, но непрощенная слеза, противъ ея воли, навертывалась на ея красивыхъ, темныхъ глазахъ. Тогда она бралась за евангелiе и имъ старалась прикрыть взволнованное лицо.

Но были и хладнокровныя, равнодушныя лица, на которыхъ проповѣдь очевидно не производила никакого впечатлѣнія.

Статскій генераль Су—инъ, видимо, тяготился проповѣдью и то и дѣло кидаль брезгливые взгляды на проповѣдника.

— «Ну, братецъ, какъ ты надоѣль, одвако... мочи нѣтъ!»—казалось говорилъ его взглядъ. Впрочемъ, генераль не былъ членомъ кружка и посѣщаль собранія «вѣрующихъ» лишь изъ любопытства, по просьбѣ Людмилы Павловны.

Разсѣянно и беззаботно слушала проповѣдника и та молодая, съ цвѣтущимъ лицомъ блондинка, которая помѣщалась какъ разъ рядомъ съ нимъ. Блестя ясными, какъ лазурь, голубыми глазами, она окидывала ими присутствующихъ, какъ бы спрашивая: «Неужели это такъ интересно? По моему здѣсь еще скучнѣе, чѣмъ на *jours fix*'ахъ». И когда проповѣдникъ наконецъ окончилъ свою рѣчь и сказалъ, «аминь!» лазуревая блондинка первая посѣпшно поднялась со стула и красивымъ жестомъ оправила турниюръ...

Она видимо принадлежала къ тому типу посѣдательницъ подобныхъ собраній, для которыхъ не важно Евангеліе, а важенъ Евангелистъ.

Но не успѣла еще публика перевести духъ,

какъ Іосифъ Дементьевичъ снова обратился къ собранію.

— Помолимся Господу!—сказаль онъ и неловко опустился на колѣни передъ стуломъ, на которомъ онъ только что сидѣль.

Всѣ послѣдовали его примѣру.

Ставь на колѣни, Іосифъ Дементьевичъ положилъ локти на стуль и, склонивши голову, придерживаль ее руками. Среди наступившей тишины онъ громко и съ чувствомъ произнесъ обычную благодарственную молитву, какими всегда заканчиваются проповѣди «вѣрующихъ». Но въ его чувствѣ, доходившемъ мѣстами до паэоса, невольнo слышалось мнѣ что-то форсированное, искусственно подогрѣтое и въ то же время заученное... Молитву свою, по обыкновенію, онъ закончилъ возгласомъ «аминь»!

— Аминь!—хоромъ повторили всѣ присутствовавшіе.

Затѣмъ наступило молчаніе, которое длилось двѣ, три минуты, причемъ всѣ продолжали стоять на колѣняхъ, склонивши головы... Ожидали, чтобы вдохновеніе снизошло на кого-нибудь изъ «братій». Но вдохновеніе видимо не спѣшило и молчаніе становилось все болѣе неловкимъ.

Вдругъ изъ угла, гдѣ помѣщалась черная пуб-

лика, раздался рѣзкій, взволнованный голосъ. Заговорила женщина съ лицомъ монахини и темными воспаленными глазами, — заговорила спѣша и волнуясь.

— Благодаримъ тебя, Господи, начала она, что Ты послалъ къ намъ брата, который объяснилъ намъ Твое святое слово. Помоги намъ, Господи, принять въ сердце свое это слово! Укрѣпи насъ въ вѣрѣ, чтобы мы твердо стояли на пути, который Ты, Господи, указалъ намъ... Пошли намъ, Господи, крѣпость духовную... дай намъ силы душевныя, чтобы избѣжать зла и грѣха и неправды... Дай намъ любви, Господи, любви къ братьямъ и сестрамъ, любви ко всѣмъ, любви къ врагамъ...

По мѣрѣ того, какъ она говорила, волненіе ея росло все болѣе и болѣе. Послѣднія фразы она произнесла голосомъ, полнымъ слезъ. Казалось, что вотъ-вотъ раздадутся рыданія и истерическій плачь огласить залъ. Прерывающимся голосомъ закончила она свою рѣчь словомъ «Аминь!»

— Аминь!—какъ эхо повторили всѣ присутствовавшіе и точно по командѣ поднялись на ноги.

Людмила Павловна подошла къ роялю, взяла лежавшую на немъ пачку маленькихъ брошюръ и начала поспѣшно раздавать ихъ всѣмъ присутствующимъ. Это были извѣстные «Любимые стихи», т. е.

гимны, распѣваемые «вѣрующими» на ихъ собраніяхъ.

— Не снѣтъ-ли намъ № 17?—нѣсколько робко спросила блѣдная брюнетка, обращаясь къ проповѣднику.

— Семнадцатый? — переспросилъ Іосифъ Деметьевичъ, перелистывая брошюру. — Нѣтъ, мы пропеемъ № 23-й.

И затѣмъ, обращаясь къ публикѣ, онъ сказалъ: пропеете № 23-й «Отчизна моя въ небесахъ»... «Мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ».

Всѣ поспѣшно развернули брошюры. Людмила Павловна сѣла за рояль и подъ ея аккомпанементъ все собраніе дружнымъ хоромъ запѣло:

Отчизна моя въ небесахъ,
Къ ней стремится и рвется душа,
Тамъ святые въ безсмертныхъ лучахъ,
Тамъ струится живая рѣка.

Въ небесахъ, въ небесахъ,
Отчизна моя въ небесахъ!

Господь меня ждетъ въ небесахъ,
Онъ готовитъ обитель Свою,
Отдыхъ мирный на зланныхъ лугахъ
Въ Его свѣтломъ, блаженномъ раю.

Въ небесахъ, въ небесахъ,
Господь меня ждетъ въ небесахъ.

Ужъ скоро мнѣ быть въ небесахъ,
Скоро кончится путь мой земной!

Тамъ мнѣ встрѣтятся въ райскихъ вратахъ
Тѣ, что вѣрою жили святой.

Въ небесахъ, въ небесахъ,
Ужъ скоро мнѣ быть въ небесахъ!

Пѣніе отличалось большимъ одушевленіемъ. Въ хорѣ преобладали женскіе голоса. Особенно по своей страстности выдѣлялся голосъ женщины съ лицомъ монахини, которая только что передъ тѣмъ произносила молитву. Попрежнему устремленные куда-то вверхъ темные глаза ея свѣтились и искрились лихорадочнымъ блескомъ. Видно было, что она вся ушла въ это пѣніе, всецѣло отдавшись впечатлѣнію религіознаго экстаза.

Послѣ небольшого антракта, былъ пропѣтъ предложенный брUNETкою гимнъ № 17-й на тему: «еще есть мѣсто».

Есть мѣсто, есть! Господь въ чертогъ зоветъ,
Въ чертогъ святой Онъ самъ тебя введетъ.
Тебя зовутъ; ты зовъ не отклони;
Тебя тамъ ждутъ; туда, туда входи!

Есть мѣсто, есть! о, поспѣши войти!

Прекрасенъ пиръ въ чертогѣ золотомъ;
Тебя Господь зоветъ быть гостемъ въ немъ,
Есть мѣсто тамъ и дверь не заперта:
Ее открылъ Спаситель для тебя.

Есть мѣсто, есть! о, поспѣши войти!

Грѣшниковъ многихъ принялъ Онъ туда,
Но тамъ еще есть мѣсто для тебя,

Они омыты кровію Христа,
Христосъ зоветъ,—омоетъ и теби.

Есть мѣсто, есть! о, поспѣши войти!

Входи, входи, пиръ этотъ для тебя,
И чапа тамъ веселіемъ полна,
Все небо тамъ, вся радость, о, входи!
Господь зоветъ: ты голосу внемли!

Есть мѣсто, есть! о, поспѣши войти!

Вдругъ мотивъ и слова рѣзко мѣняются. Въмѣсто горячаго, страстнаго призыва слышатся мрачныя, злобѣщіе звуки, полныя угрозы, тоски и отчаянія. Тяжелое, щемящее чувство невольно проникаетъ въ сердце.

Свѣтлудня недолго ужъ сѣять:
Ночная тьма готова все объять;
Настанетъ день, закроются врата,
Ужасный вопль услышишь ты тогда:

Нѣтъ мѣста, нѣтъ! Затворены врата!

Воплемъ прозвучали послѣднія слова. Пѣніе смолкло. Пѣвицы съ блѣдными лицами и горящими глазами нѣсколько минутъ молча стоятъ на своихъ мѣстахъ, какъ бы прислушиваясь къ звукамъ, которые только что наполняли залъ. Женщина, произносившая молитву, отвернувшись въ сторону, закрыла лицо платкомъ; плечи ея судорожно вздрагиваютъ. Она горько, беззвучно рыдаетъ...

Я вижу: брUNETка съ блѣднымъ лицомъ отдѣ-

ляется отъ группы пѣвицъ и направляется въ мою сторону. Я поднимаюсь навстрѣчу ей.

— Я такъ рада, что вы пришли къ намъ,— сказала она какъ-то необыкновенно просто и задумчиво, прямо смотря мнѣ въ глаза.

Нѣсколько смѣшавшись, я молча отвѣчала почти съ поклономъ. Впослѣдствіи я имѣлъ случаи убѣдиться, что съ подобными заявленіями «вѣрующіе» обращаются обыкновенно почти къ каждому новому лицу, посѣтившему ихъ собраніе.

— Я увѣрена,—продолжала она,—что не одно лобопытство привело васъ сюда. Не правда ли?... Вы—вѣрующій?

Я зналъ, что значить это слово въ устахъ членовъ собранія, и потому отвѣчала такъ:

— Да, я вѣрю... вѣрю въ силу добра и правды, вѣрю, что...

— Да, но вы вѣрите, что мы спасены?—вдругъ нѣсколько стремительно перебила меня Людмила Павловна, также подошедшая ко мнѣ вслѣдъ за брюнеткой.

— Какъ спасены?

— Спасены Христомъ, который за насъ страдалъ и умеръ на крестѣ,—убѣжденно проговорила блѣдная брюнетка.

— По ученію православной церкви, Христосъ

избавилъ насъ только отъ первороднаго грѣха,—возразилъ я.

— Какъ?!—воскликнула Людмила Павловна,—значить по-вашему мы не спасены?

— Я полагаю, что мы *можемъ* спастись, если будемъ дѣлать добро, будемъ жить, согласно ученію Христа,—отвѣчала я.

— Но въ такомъ случаѣ: зачѣмъ же страдалъ Христосъ? Зачѣмъ онъ принесъ такую жертву?— снова спросила брюнетка.

— Ah! quel grand offre!—патетически добавила Людмила Павловна, закатывая глаза къ небу...

— Je vous prie au salon,—нѣсколько неожиданно закончила она, указывая на прикрытую портьерой дверь гостиной...—Мы тамъ еще поговоримъ...

— Quelle grande victime!—еще разъ сказала она, направляясь навстрѣчу генералу, который съ цилиндромъ въ рукахъ подвигался къ выходу, ища глазами хозяйку.

Часть привилегированной публики покинула залъ и направилась въ переднюю. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ оттуда доносились прощанія, пожеланія и поцѣлуи, пересыпаемые французскими фразами. Другая часть интеллигентной публики перешла въ гостиную и размѣстилась на мягкой мебели съ тѣмъ видомъ довольства и нѣкоторой беззаботности, ко-

торыя обыкновенно испытываютъ люди послѣ долгаго напряженнаго состоянія.

Черная публика, нерѣшительно помявшись нѣкоторое время въ углу залы и чувствуя себя лишней, начала выходить въ корридоръ. Единственнымъ представителемъ народа въ залѣ остался Іосифъ Дементьевичъ, съ которымъ о чемъ то серьезно говорила блѣдная брюнетка, возражая и оспаривая его.

Людмила Павловна, проводивъ уѣзжавшихъ, вернулась въ гостиную и позвала Іосифа Дементьевича, причемъ ея взглядъ, обращенный къ гостямъ, казалось, спрашивалъ: «вы ничего не имѣете противъ этого? Не правда ли? Вѣдь онъ такой скромный, приличный и къ тому же его рекомендуетъ Василій Александровичъ».

Гости тотчасъ же поняли этотъ взглядъ. — «Ахъ, пожалуйста, пожалуйста!.. это очень интересно».

Іосифъ Дементьевичъ, съ библией подъ мышкой и съ заискивающей улыбкой на красномъ, вспотѣвшемъ лицѣ, тихо вошелъ въ гостиную и почтительно поклонился присутствующимъ.

— У насъ *все* равны между собою, — говорила мнѣ одна изъ ревностныхъ послѣдовательницъ Редстока, — и князь, и простой крестьянинъ. Мы никому не дѣлаемъ предпочтеній по званію или происхожденію. Во Христѣ — все равны!

Однако на дѣлѣ выходитъ нѣсколько иначе. И даже можно сказать совсѣмъ иначе. Правда, выдающиеся представители народного сектантства пользуются среди «вѣрующихъ» большимъ вниманіемъ, можно сказать, даже почетомъ. Разные пресвитеры штунды, молоканскіе начетчики и т. п. всегда встрѣчаютъ въ кружкахъ русскихъ редстокистовъ самый радушный приѣмъ. «Вѣрующіе» весьма охотно приглашаютъ ихъ на свои собранія, гдѣ они обыкновенно говорятъ проповѣди, которыя всегда выслушиваются съ полнымъ вниманіемъ.

Но въ иномъ положеніи находится *масса* сѣраго люда, которая примыкаетъ къ ученію «вѣрующихъ»... Уже изъ того, какъ размѣстилась публика въ собраніи вѣрующихъ, можно видѣть, что здѣсь въ полной силѣ господствуетъ дѣленіе на «чистую» и «нечистую» публику. До начала собранія чистая, привилегированная публика наполняетъ обыкновенно гостиную и залъ; что же касается «меньшей братіи», то ни одного изъ нихъ вы не увидите здѣсь до восьми часовъ. Гдѣ же они? Они сидятъ на кухнѣ, куда приходятъ черезъ заднее крыльцо. Сидя здѣсь среди кастрюль и лоханей, «братья во Христѣ» терпѣливо ждутъ, пока пробѣетъ восемь часовъ, урочный часъ для обычныхъ собраній — и ихъ приглашать наконецъ войти въ залъ. Они входятъ гуськомъ, осторожно по-

скрипявая толстыми подошвами, кланяются «господамъ» и скромно занимают задній уголъ залы.

Въ первые годы распространенія редстокизма въ русскомъ обществѣ, когда—какъ это всегда бываетъ на первыхъ порахъ—въ средѣ его прозелитовъ было больше увлеченія, больше вѣры и страсти, въ это время можно было иногда встрѣтить кровнаго аристократа, сидящаго съ какимъ нибудь дворецкимъ, но затѣмъ, когда первый пылъ прозелитизма мало-по-малу остылъ, — условія довольно быстро измѣняются.

Графиня Z призываетъ своего кучера, котораго мы видѣли въ собраніи, и держитъ къ нему такую рѣчь:

— Послушай, Михайла... я давно хотѣла тебѣ сказать, чтобы вы собирались на молитву отдѣльно отъ насъ... Понимаешь?

— Слушаю-съ, ваше сіятельство.

— Да, отдѣльно... Чтобы не стѣснять другъ друга... Вы будете между собой собираться, а мы тоже отдѣльно между собой... Понимаешь? А то вы стѣсняетесь насъ, а мы стѣсняемся васъ... Не правда ли?

— Ваша воля, ваше сіятельство... Сказано: рабы да повинуются господамъ своимъ...

Вскорѣ послѣ этого, графиня перестала посѣщать собранія г-жи X. и начала устраивать ихъ у себя, допуская на нихъ лишь избранное общество.

Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось встрѣчать на собраніяхъ «вѣрующихъ» у г-жи X. простыхъ рабочихъ, поденщиковъ, фабричныхъ. Но обыкновенно они приходили разъ, два, много три и затѣмъ отставали. Туманныя проповѣди, полныя мистицизма, отрицаніе земныхъ, жизненныхъ интересовъ не могли, конечно, не дѣйствовать на нихъ отрицательнымъ образомъ.

— Нѣтъ, это—не то,—обыкновенно говорилъ ихъ взглядъ послѣ того, какъ они съ напряженнымъ вниманіемъ прослушивали длинную, скучную проповѣдь.

И они уходили грустные, разочарованные, не удовлетворенные.

Москва:

2 декабря 1886 г.

Преслѣдованія пашковцевъ.

Религиозное движеніе, вызванное лордомъ Редстокомъ въ петербургской великосвѣтской средѣ, не могло, конечно, пройти незамѣченнымъ со стороны предержавшихъ властей. Прежде всего, разумѣется, на это движеніе обратило вниманіе мѣстное, столичное духовенство, вскорѣ забывшее сильную тревогу по этому поводу. Чувствуя свое безсиліе бороться съ редстокистами, духовенство, по своему исконному обычаю, обратилось за полицейскимъ содѣйствіемъ къ гражданскимъ властямъ.

Имѣются указанія на то, что уже въ 1878 году послѣдовало со стороны высшаго правительства официальное запрещеніе Пашкову устраивать публичныя собранія и на нихъ предлагать религиозныя поученія. Одновременно съ этимъ на мѣстное духовное начальство возложена была обязанность назначить особаго священника «для увѣщанія надъ г. Пашковымъ, какъ лицомъ, впавшимъ въ религиозное заблужденіе».

Однако эти увѣщанія не достигли своей цѣли: Пашковъ остался непреклоннымъ въ своихъ рели-

гіозныхъ вѣровапіяхъ. И такъ какъ онъ, несмотря на состоявшееся запрещеніе, продолжалъ устраивать собранія и произносить проповѣди, то духовное вѣдомство нѣсколько разъ возбуждало вопросъ о принятіи болѣе рѣшительныхъ мѣръ противъ Пашкова.

Особенно неудовольствіе духовенства возбуждала дѣятельность основаннаго Пашковымъ и его друзьями «Общества поощренія духовно-правственнаго чтенія».

1878 За время своего существованія это общество издало много брошюръ и книгъ религіозно-этического характера. Эти брошюры и книги, вмѣстѣ съ евангеліями и библіей, распространялись членами Общества въ широкихъ кругахъ русскаго народа.

Благодаря дѣятельности этого Общества, евангеліе на русскомъ языкѣ проникло въ очень многія глухія села и деревни; оно сдѣлалось доступнымъ мужику. Въ этомъ нельзя не видѣть серьезную заслугу пашковцевъ.

Чтеніе евангелія сдѣлало свое дѣло. Подъ влияніемъ этого чтенія мысль крестьянина всколыхнулась. Мало-по-малу она начала работать надъ вопросами нравственнаго, религіознаго и общественнаго характера...—Почему общественнаго? — быть можетъ, спроситъ читатель. Да просто потому, что въ глазахъ народа религія обнимаетъ всю совокупность явленій личной, семейной и общественной

жизни. На основаніи евангелія крестьянинъ-сектантъ мечтаетъ и нерѣдко пытается перестроить весь складъ своей жизни.

Это пробужденіе народной мысли, поддерживаемое извѣстными явленіями современной жизни,—политической и соціальной,—съ каждымъ годомъ сказывалось все громче и опредѣленнѣе, обнаруживаясь въ разныхъ формахъ и въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Но такое пробужденіе не могло, конечно, правиться сторонникамъ мрака и застоя: оно пугало ихъ, вызывая тревогу и опасенія, вызывая страхъ передъ народомъ, умъ и чувство котораго начинали прозрѣвать. И вотъ начинаются репрессіи.

«Общество поощренія духовно-правственнаго чтенія», такъ много сдѣлавшее для распространенія въ народной средѣ евангелія,—было закрыто. Всѣ брошюры и книги, изданныя этимъ Обществомъ, были запрещены и конфискованы. Какъ мы слышали, эти книги и брошюры и до сихъ поръ гниютъ гдѣ-то въ кладовыхъ св. синода.

Надъ Пашковымъ и его друзьями учреждается строгій гласный или тайный надзоръ полиціи, нѣкоторые изъ пашковцевъ обязываются подпиской о невыездѣ изъ мѣста жительства, многіе изъ нихъ привлекаются къ разнымъ дознаніямъ, уѣзжаніямъ и т. д. Но это было только начало гоненій, пред-

принятыхъ К. П. Побѣдоносцевымъ противъ «евангелическихъ христіанъ».

Въ 1884 году В. А. Пашкову предъявляется требованіе прекратить свою дѣятельность по распространенію евангелія и религіозно-нравственныхъ брошюръ, а также всякую устную пропаганду. Отъ него потребовали, чтобы онъ выдалъ въ этомъ подписку. Подобное требованіе не могло, конечно, не возмутить до глубины души такого убѣжденнаго и искренняго человѣка, какимъ несомнѣнно былъ В. А. Пашковъ. И онъ, какъ увѣряютъ, отвѣчалъ на это требованіе въ такомъ приблизительно духѣ:

— Я могъ бы еще отказаться отъ распространенія брошюръ, такъ какъ онѣ являются результатомъ трудовъ обыкновенныхъ смертныхъ, обыкновенныхъ людей, и потому полезность ихъ можетъ быть заподозрѣна въ отдѣльныхъ случаяхъ. Но отказаться отъ распространенія евангелія, — святаго, божественнаго евангелія, — это свыше моихъ силъ... По моему убѣжденію, подобное чудовищное требованіе можетъ быть предъявлено только людьми, порвавшими почему-нибудь всякую связь съ христіанствомъ, ибо въ евангелии — какъ это всѣмъ извѣстно — изложено подлинное ученіе Христа которому всѣ мы обязаны слѣдовать.

Лица, исполнявшія предписанія К. П. Побѣдонос-

цева, не смутились однако такими отвѣтами, и когда В. А. Пашковъ категорически отказался выдать требуемое отъ него обязательство, то ему было объявлено, что въ такомъ случаѣ онъ долженъ немедленно же оставить Россію. Это насиліе не могло, разумѣется, поколебать его рѣшимости. Изгнанный изъ Россіи, Пашковъ поселяется въ Англіи.

Такому же изгнанію изъ Россіи подвергся ближайшій сотрудникъ Пашкова, графъ Модестъ Модестовичъ Корфъ. Онъ вынужденъ былъ переселиться во Францію. Какъ Пашковъ, такъ и Корфъ уѣхали за границу вмѣстѣ съ своими семьями и тамъ воспитывали своихъ дѣтей.

За остальными болѣе дѣятельными редстокистами, какъ напримѣръ: графомъ А. П. Бобринскимъ, вдовой генераль-адъютанта Елизаветой Ивановной Чертковой, Н. П. Зиновьевымъ, княгиней В. Ф. Гагариной, семьей Н. Ф. фонъ-Крузе и многими другими учрежденъ былъ двойной надзоръ, — съ одной стороны полиціи, съ другой — духовнаго начальства. Этотъ надзоръ нерѣдко принималъ крайне грубыя формы, начиная отъ подглядыванія подъ окнами и кончая до вторженія въ ихъ дома околочныхъ, урядниковъ и другихъ полицейскихъ чиновъ.

Если подобныя мѣры допускались по отношенію лицъ, принадлежащихъ къ высшему обществу, лицъ,

которыя нерѣдко располагали значительнымъ связями и вліяніемъ, то не трудно себѣ представить, что дѣлалось съ простыми смертными, съ крестьянами и мѣщанами, заподозрѣнными почему-нибудь въ принадлежности къ пашковской сектѣ.

Достаточно было миссіонеру или уряднику узнать, что у такого-то крестьянина имѣются пашковскія брошюры или такъ называемое «пашковское евангеліе», чтобы немедленно же послѣдовалъ обыскъ у этого крестьянина. Если при этомъ находили тѣ или другія пашковскія брошюры или же евангеліе съ подчеркнутыми мѣстами, то тотчасъ же начиналось дознание и слѣдствіе, начинались допросы и аресты, словомъ, возникало «секретное» дѣло по обвиненію въ распространеніи пашковской секты, со всѣми его обычными, всегда очень печальными для обвиняемыхъ послѣдствіями.

Административныя и судебныя дѣла о пашковцахъ или баптистахъ постоянно возникали въ Петербургѣ, Москвѣ и въ разныхъ губерніяхъ: Тверской, Псковской, Нижегородской, Таврической и во многихъ другихъ. Почти всѣ эти дѣла возбуждались по инициативѣ мѣстнаго духовенства; чаще всего эта инициатива исходила изъ среды православныхъ миссіонеровъ, во главѣ которыхъ тогда, — какъ и теперь, впрочемъ, — стоялъ редакторъ «Миссіонерскаго Обо-

зрѣнія» В. М. Скворцовъ, — относительно оцѣнки дѣятельности котораго, кажется, пѣть двухъ мнѣній. И это не только въ глухой провинціи, но и въ столицахъ.

Въ Москвѣ, напримѣръ, миссіонеромъ отцомъ Христофоромъ Максимовымъ возбужденъ былъ цѣлый рядъ подобныхъ дѣлъ. Такъ, въ 1893 году онъ возбудилъ дѣло по обвиненію О. М. Бороздиной, г-жи Огневой и нѣсколькихъ крестьянъ въ распространеніи пашковской секты. Слѣдствіе, къ которому привлечено было множество лицъ, производилъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ. Въ концѣ концовъ, однако, московскія власти не нашли удобнымъ передать это дѣло на судъ и предпочли окончить его административнымъ порядкомъ. Многие изъ числа привлеченныхъ къ слѣдствію были сосланы административнымъ порядкомъ на 5 и на 7 лѣтъ въ Закавказскій край, въ Эриванскую губернію.

Тѣ же лица, которымъ удалось избѣжать ссылки, подверглись преслѣдованіямъ другого рода. Такъ, надъ О. М. Бороздиной учрежденъ былъ строжайшій надзоръ полиціи, при чемъ для выѣзда изъ Москвы въ предѣлы Московской губерніи она должна была каждый разъ испрашивать разрѣшеніе московскаго генераль-губернатора, а для выѣзда въ другія губерніи — разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Когда г-жѣ Бороздиной явилась необходимость

поѣхать въ Серпуховской уѣздъ, къ своему родственнику, занимавшему тамъ должность предводителя дворянства, то ей было выдано «проходное свидѣтельство», при чемъ она обязана была ѣхать, нигдѣ не останавливаясь, по прибытіи же на мѣсто, явиться въ полицію. Мѣстныя полицейскія власти, начиная отъ исправника и кончая урядникомъ и полицейскимъ десятскимъ, получили приказаніе строжайше слѣдить за каждымъ шагомъ этой опасной преступницы, вся вина которой состояла лишь въ томъ, что она осмѣлилась раздавать народу евангеліе съ подчеркнутыми текстами... Какъ видите, преступленіе, которое едва ли предусмтрѣно хотя однимъ уголовнымъ кодексомъ земнаго шара!

Большинство пашковцевъ, навлекшихъ на себя подозрѣнія духовенства въ пропагандѣ, высылались въ Закавказье, гдѣ они обыкновенно поселялись среди инородцевъ, при чемъ администрація нимало не задалась вопросомъ о томъ: найдутъ ли эти люди на мѣстахъ ссылки какіе-либо заработки, которые давали бы имъ средства къ существованію. Благодаря этому, ссыльные сектанты терпѣли страшныя лишения, голодали, болѣли и нерѣдко «мерли какъ мухи».

Сліяніе пашковцевъ съ баптистами нимало не остановило и даже не ослабило тѣхъ преслѣдованій,

которымъ подвергались эти сектанты со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей. Мы не будемъ долго останавливаться на этихъ преслѣдованіяхъ, такъ какъ о нихъ въ нашей печати, несмотря на тяжелыя цензурныя условія, все-таки сообщалось довольно много извѣстій. Основываясь даже только на этихъ извѣстіяхъ, не трудно себѣ представить то безотрадное, можно сказать, невыносимое положеніе, въ которомъ находились у насъ пашковцы, баптисты или евангелическіе христіане—вплоть до самаго 17 апрѣля 1905 года.

Въ самомъ дѣлѣ: людямъ не давали молиться, запрещали сообща читать евангеліе, штрафовали за пѣніе духовныхъ псалмовъ. Ихъ молитвенныя собранія грубо разгонялись полицейскими чиновниками, городовыми, урядниками, сотскими и десятскими. Судьи и земскіе начальники ежедневно приговаривали ихъ къ арестамъ и штрафамъ только за то, что они рѣшались сообща молиться Богу. Имъ не выдавали паспортовъ для отлучки на заработки, ихъ выслѣживали, какъ важныхъ уголовныхъ преступниковъ и наконецъ ссылали административнымъ порядкомъ на 5, на 7 лѣтъ въ наиболѣе отдаленныя окраины Россіи.

При конституції.

Только освободительное движеніе 1905—1906 г. принесло облегченіе послѣдователямъ разныхъ религіозныхъ ученій, порвавшихъ съ господствующей церковью,—въ томъ числѣ для пашковцевъ, баптистовъ, евангелическихъ христіанъ. Суровыя преслѣдованія за религіозныя убѣжденія прекратились, опустѣли казематы монастырскихъ тюремъ, прекратились обыски и аресты людей за то только что они собирались вмѣстѣ молиться Богу, вмѣстѣ читать евангеліе... Но—увы!—не надолго.

Да, несмотря на конституцію, несмотря на законы 17 апрѣля и 17 октября 1905 года, несмотря на все то, что мы пережили за послѣднія пять-шесть лѣтъ,—снова встаетъ и оживаетъ мрачный призракъ религіозныхъ стѣсненій и преслѣдованій,—призракъ, казалось, уже безвозвратно отошедшій въ область исторіи.

Снова людямъ не даютъ свободно молиться, не даютъ собираться вмѣстѣ, чтобы читать евангеліе, слушать религіозныя проповѣди, пѣть духовныя гимны.

О разных стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ, которымъ подвергались въ послѣднее время «евангелическіе христіане» въ Петербургѣ и Кронштадтѣ—въ газетахъ уже появлялись извѣстія.

Событія послѣдняго времени показываютъ, что эти стѣсненія начинаютъ принимать характеръ систематическихъ преслѣдованій. Въ доказательство этого я могу сообщить поразительный фактъ.

Дѣло дошло до того, что въ октябрѣ 1908 года въ Петербургѣ принуждены были закрыться всѣ молитвенные дома евангелическихъ христіанъ, извѣстныхъ въ публикѣ подъ именемъ «пашковцевъ» и «баптистовъ».

Эти молитвенные дома возникли сейчасъ же послѣ обнародованія манифеста 17 апрѣля 1905 года и съ тѣхъ поръ существовали совершенно открыто и свободно, какъ въ центрѣ Петербурга, такъ и на его окраинахъ: на Выборгской сторонѣ, за Нарвской заставой, на Петербургской сторонѣ, за Невской заставой и т. д.

Ученіе евангелическихъ христіанъ имѣетъ своихъ послѣдователей въ разныхъ слояхъ петербургскаго населенія. Какъ извѣстно, къ нему, между прочимъ, примыкаетъ цѣлый рядъ лицъ и семействъ изъ высшего петербургскаго общества. Съ другой стороны, это ученіе находитъ много сторонниковъ среди низ-

шихъ классовъ населенія: среди мастеровыхъ, ремесленниковъ, прислуги и т. д. Наконецъ среди послѣдователей этого ученія встрѣчаются отдѣльные представители интеллигенціи: А. И. Пейкеръ, инженеръ И. С. Прохановъ, фонъ-Крузе и проч.

Изъ лицъ аристократическаго круга къ числу евангелическихъ христіанъ принадлежатъ: вдова генералъ-адъютанта Е. И. Черткова, княгиня Ливенъ съ двумя дочерьми, А. И. Пашкова, княгиня В. Ф. Гагарина и нѣкоторые другіе.

Во дворцѣ княгини Ливенъ по субботамъ и воскресеньямъ происходили большія собранія, на которыхъ присутствовали сотни евангелическихъ христіанъ. Замѣчательно, что эти собранія перѣдко устраивались даже въ періоды самой отчаянной, самой бѣшеннои реакціи.

Мнѣ лично не разъ приходилось присутствовать на этихъ собраніяхъ во времена Сипягина и фонъ-Плева, во времена господства К. П. Побѣдоносцева.

Но то, что было возможно во времена абсолютизма, сдѣлалось невозможнымъ теперь, при «обновленномъ государственномъ строѣ», при наличности парламента...

Съ цѣлью узнать изъ первыхъ рукъ, въ чемъ именно выразились стѣсненія, я отправился къ знакомымъ мнѣ членамъ общины евангелическихъ христіанъ, играющимъ видную роль въ петербургской общинѣ.

По ихъ словамъ, дѣло происходило такъ. Во всѣхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ происходили молитвенныя собранія евангелическихъ христіанъ, явились полицейскіе чиновники и объявили, что отнынѣ на эти собранія будутъ допускаться только члены общины и что никто изъ лицъ, не принадлежащихъ къ общинѣ, не будетъ допущенъ.

Затѣмъ полицейскіе чиновники предъявили требованіе, чтобы имъ были представлены именные списки всѣхъ членовъ общины. Съ этими списками въ рукахъ полиція будетъ слѣдить при входѣ въ молитвенные дома, при чемъ она не допуститъ въ собраніе ни одного изъ тѣхъ лицъ, которыя не значатся въ этихъ спискахъ.

Несмотря на все свое миролюбіе, евангелическіе христіане были возмущены этими требованіями.

— Какъ!—съ негодованіемъ говорили они,— намъ Государь далъ свободу вѣроисповѣданія, — кто же теперь лишаетъ насъ этой свободы?.. Гдѣ же это слыхано, чтобы молитвенныя собранія контролировались полиціей!.. Неужелимы снова возвращаемся къ тѣмъ временамъ, когда мы могли молиться только съ разрѣшенія полицейскаго пристава...

Въ отвѣтъ на это полицейскіе чиновники, по обыкновенію увѣрили, что они тутъ не причемъ, что они исполняютъ только предписаніе начальства и т. д.

Сектанты просили дать имъ копію съ этого пред-

писанія, но получили въ отвѣтъ, что копіи съ бумагъ, въ которыхъ излагаются административныя распоряженія, не выдаются.

— Тогда мы отказываемся исполнить ваши требованія,—заявили баптисты.

— Въ такомъ случаѣ,—объявилъ приставъ,— ваши молитвенныя собранія не будутъ допускаться...

И дѣйствительно, ни въ субботу, 11-го октября, ни въ воскресенье, 12-го октября, во всемъ Петербургѣ не было ни одного молитвеннаго собранія евангелическихъ христіанъ.

— Этого еще никогда не бывало у насъ,— съ грустью и пасмурно подчеркивають они.

— Отъ кого же идутъ всѣ эти стѣсненія?— спросилъ я своихъ собесѣдниковъ.

— Извѣстно отъ кого, — сдержанно отвѣчали баптисты.

— Все это святѣйшій синодъ,—съ глубокимъ убѣжденіемъ говорили нѣкоторые изъ нихъ.

— Что же вы думаете дѣлать?—спросилъ я, зная, что они не могутъ оставаться безъ молитвенныхъ собраній.

— Будемъ собираться въ частныхъ домахъ, какъ собирались до закона 17-го апрѣля 1905 года,—

возбужденно говорили сектанты.— Пусть насъ разгоняють, пусть штрафуютъ, арестуютъ. Видно, у насъ въ Россіи и въ XX вѣкѣ, и при конституціи придется терпѣть гоненія за вѣру и религіозныя убѣжденія... Пусть!.. Но мы никогда не допустимъ, чтобы полицейскій чиновникъ вмѣшивался въ наши отношенія къ Богу!..

Узнавши то, что меня интересовало, я началъ прощаться со своими собесѣдниками. Провожая меня, хозяинъ съ горечью замѣтилъ:

— Послѣ 17 апрѣля 1905 года мы составили благодарственный адресъ на Высочайшее имя. Мы благодарили Государя Императора за то, что онъ освободилъ нашу совѣсь отъ полицейскаго вмѣшательства... И вотъ теперь, при конституціи, наши молитвенныя собранія снова хотятъ подчинить полицейскому надзору...

— Подобныя стѣсненія происходятъ только въ Петербургѣ и Кронштадтѣ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, повсюду! Мы получаемъ письма съ разныхъ концовъ Россіи. И повсюду жалуются на миссіонеровъ, урядниковъ и стражниковъ...

Идя домой, я думалъ: очевидно, за послѣдніе годы мы сдѣлали дѣйствительно большіе успѣхи въ смыслѣ общественности. Конституція, которая «слава Богу» существуетъ, привела насъ въ такой

тупикъ, въ какой не могли вогнать насъ ни «великій инквизиторъ», ни жандармскій геній В. К. Плева... Господа, руководящіе думскимъ большинствомъ, знаете ли вы, что дѣлается въ Россіи, знаете ли вы, что дѣлается въ Петербургѣ, въ двухъ шагахъ отъ вашего парламента? Неужели вы забыли, какія чувства и настроенія вызываются въ народѣ и обществѣ подобной политикой?..

Все это происходило въ октябрѣ мѣсяцѣ 1908 г. Вскорѣ въ печать проникли извѣстія объ этихъ стѣсненіяхъ. Газеты подняли шумъ. Благодаря личному вмѣшательству предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, на этотъ разъ дѣло уладилось: петербургскіе евангелическіе христіане были восстановлены въ своемъ правѣ... правѣ молиться Богу.

Но иначе обстоитъ дѣло въ провинціи и не только въ глухой и далекой, но и въ ближайшей къ столицѣ. Изъ Кронштадта мнѣ сообщаютъ, что разнаго рода стѣсненія приходится испытывать евангелическимъ христіанамъ и по сію минуту. То же пишутъ и изъ многихъ другихъ мѣстъ Россіи.

Но этого мало. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начались уже избіенія евангелическихъ христіанъ, извѣстныхъ подъ именемъ баптистовъ и шундистовъ. Эти избіенія обыкновенно организуются сельскимъ и

волостнымъ начальствомъ, при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи полицейскихъ урядниковъ.

Установлено, что почти всегда подобнымъ избіеніямъ предшествуютъ проповѣди мѣстнаго священника или рѣчи заѣзжаго миссіонера о вредѣ и опасности, какіе представляютъ собою люди, называющіе себя евангелическими христіанами... Конечно, все это крайне печально, но можно ли этому удивляться?

Почитайте, что пишется въ «Колоколѣ» и «Миссіонерскомъ Обзорѣніи»,—органахъ, руководимыхъ официальнымъ представителемъ духовнаго вѣдомства, чиновникомъ особыхъ порученій г. оберъ-прокурора св. Синода В. М. Скворцовымъ, сумѣвшимъ сохранить свое значеніе и при К. П. Побѣдоносцевѣ, и при князѣ Оболенскомъ, и при П. П. Извольскомъ, и наконецъ при С. М. Лукьяновѣ. Послушайте, что проповѣдуютъ господа православные миссіонеры, въ родѣ Айвазова, или отцы миссіонеры, въ стилѣ Илліодора и Іоанна Восторгова, дѣятельность которыхъ всячески поощряется свыше...

И тогда вы навѣрное перестанете удивляться чему бы то ни было, такъ какъ для васъ будетъ вполне ясно, что русское общество снова очутилось на тѣхъ же самыхъ позиціяхъ, которыя оно занимало лѣтъ такъ 8—10 тому назадъ и что В. Н. Коковцевъ въ сущности былъ глубоко правъ, говоря,

что «Слава Богу, у насъ никакой конституціи нѣтъ». Современная дѣйствительность даетъ слишкомъ много доказательствъ справедливости этого утвержденія. Вотъ, наприимѣръ, одно изъ нихъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1909 года святѣйшій синодъ разсматривалъ докладную записку миссіонера Айвазова, снискавшаго за послѣднее время разными своими выступленіями довольно печальную извѣстность. На этотъ разъ г. Айвазовъ доносилъ синоду, что Россію перѣдко навѣщаютъ иностранные проповѣдники, которые болшею частію «проповѣдуютъ въ домахъ высокопоставленныхъ особъ», при чемъ распространяютъ «опасныя лжеученія».

Въ чемъ именно состояли эти «опасныя лжеученія», до которыхъ такъ неожиданно оказались падки наши «высокопоставленные особы»,—г. Айвазовъ, судя по газетамъ, не сообщалъ. Точно также, повидимому, онъ ничего не сообщалъ и о тѣхъ «высокопоставленныхъ особахъ», благонамѣренность которыхъ онъ столь рѣшительно заподозрилъ. Тѣмъ не менѣе въ своей запискѣ онъ доказывалъ, что «вся дѣятельность упомянутыхъ проповѣдниковъ направлена ко вреду православной церкви», а потому предлагалъ «запретить заграничнымъ проповѣдникамъ всякія религіозныя публичныя лекціи».

Не правда-ли: и коротко и ясно?

Разсмотрѣвъ эту записку г. Айвазова, «св. синодъ вполне согласился съ доводами докладчика и постановилъ обратиться къ министерству внутреннихъ дѣлъ съ заявленіемъ, что, по мнѣнію синода, законъ о вѣротерпимости распространяется только на русскихъ подданныхъ, а потому синодъ надѣется, что министерство внутреннихъ дѣлъ приметъ мѣры, чтобы иностраннымъ проповѣдникамъ не были разрѣшены публичныя религіозныя лекціи»¹⁾).

Къ сожалѣнію, въ печати, — сколько намъ извѣстно, — не появлялось извѣстій о томъ, какъ отнеслось министерство внутреннихъ дѣлъ къ этому болѣе чѣмъ странному домогательству святѣйшаго синода и нашло ли оно возможнымъ удовлетворить его желанія. Тѣмъ не менѣе уже одни слухи о стремленіи св. синода воспретить иностранцамъ всякія проповѣди и лекціи не могли, разумѣется, не взволновать послѣдователей многихъ нашихъ сектъ, въ родѣ евангелическихъ христіанъ, адвентистовъ, пашковцевъ, русскихъ баптистовъ и т. д....

Не чудится ли вамъ, читатель, какъ постепенно оживаетъ и встаетъ изъ могилы злобѣщая тѣнь «великаго инквизитора», причинившаго Россіи такъ много зла и горя?...

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 1909 г., 53.

ИСТОЧНИКИ.

Материалами и источниками для этой книги, кромѣ личныхъ наблюденій автора и извлеченій, сдѣланныхъ имъ изъ подлинныхъ дѣлъ нѣкоторыхъ архивовъ, послужили слѣдующія изданія:

А. С. Пругавинъ: „Расколъ внизу и расколъ вверхъ“. Очерки современнаго сектанства. Спб., 1882 г.

Его же: „О мистицизмѣ въ русскомъ народѣ и въ обществѣ“. Лекція, читанная въ Москвѣ въ Политехническомъ музеѣ въ 1885 г. и напечатанная въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, 1886 г. № 3.

Его же: „Привилегированные сектанты“. Сообщеніе, прочитанное въ Обществѣ любителей россійской словесности 10 марта 1885 года.

Юрій Толстой: „О духовномъ союзѣ Е. Ф. Татариновой“. Напечатана въ сборникѣ П. И. Вартечева: „Деятельный вѣкъ“, книга первая. М., 1872 г.

„Изъ записной книжки художника В. А. Боровиковскаго“. (Напечат. тамъ же).

Мельниковъ, П. И. „Тайныя секты“. „Русскій Вѣстникъ“, 1868 г. № 5.

Н. В. Реуцкій: „Люди Божьи и скопцы“. Историческое изслѣдованіе. М., 1872 г.

Н. Ф. Дубровинъ: „Наши мистики-сектанты“. „Русская Старина“, 1894 и 1895 г.

М. Ф. Суперанскій: „Изъ исторіи мистицизма въ Россіи“. „Новое Слово“, 1895 г. № 9.

„Вѣтъ закона“, статья Р. Д. (А. С. Пругавина). Напечат. въ приложеніи къ газетѣ „Освобожденіе“, издававшейся за границей П. Б. Струве.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАД ДЪ
Т-ва „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“.

СПБ., Большая Подъяческая, 39.

- Арсеньевъ, К.** Свобода совѣсти и вѣротерпимость. Сборникъ статей. Ц. 1 р. 50 к.
- Ахшарумовъ, Д.** „Воспоминанія петрашевца“. (Изъ моихъ воспоминаній 1849—51 гг.). Съ вступит. ст. В. И. Семевского. Цѣна 1 р. 60 к.
- Радищевъ, А.** „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Съ портр. и вступит. статьями П. Щеголева и Н. Сильванскаго. Провѣрено по рукописи. Ц. 2 р.
- Розень, А.**, баронъ. Записки дегабриста. Съ лейпцигск. изданія, исправленное и дополненное. Ц. 3 р.
- Рейснеръ, М.** Государство и вѣрующая личность. Ц. 2 р. 50 к.
- Николай Морозовъ.** Алхимія. Въ поискахъ философскаго камня. Ц. 2 р.
- Чириковъ.** Моя книга (дѣтск. разск. съ иллюстр.). Ц. 1 р. 80 к. въ переп. Ц. 1 р. 80 к.
- Елпатьевскій.** Близкія тѣни. Воспоминанія о Михайловскомъ, Гаринѣ, Чеховѣ, Успенскомъ съ портр. Ц. 75 к.
- А. Франсъ.** Избранные разказы въ перев. Куприна, Балмонта, Лукьянова, Ватюшкова и др. Ц. 1 р.
- Овсяннико-Куликовскій.** Гоголь, изд. 2-е. Ц. 1 р.
- Выборгскій процессъ.** Иллюстр. изд. Ц. 1 р. 50 к. и 1 р. 75 к.
- Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ ХХ вѣка.** Подъ редак. Мартова, Маслова, Потресова, т. I. Ц. 5 р.
- Цыперовичъ, Д.** „За полярнымъ кругомъ“. Десять лѣтъ ссылки въ Колымскѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- А. Оедоровъ.** Подвигъ. Романъ. Ц. 1 р.
- „ Камни. 2-е изд. Ц. 1 р.
- „ Разказы. Ц. 1 р.
- „ Стихотворенія. Ц. 1 р.
- Рѣдкинъ, А.** Французско-русскій словарь съ показаніемъ произношенія французскихъ словъ. Ц. 6 р., въ переп. 7 р. 50 к.

Складъ выполняетъ заказы на всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ.

Составляетъ новыя и пополняетъ существующія библіотеки: общественныя, публичныя, школьныя, сельскія, заводскія и т. д. Скидка по соглашенію.

Заказы книжн. магазиновъ исполняются изъ 5% комисс.

По предварительному соглашенію высылаетъ магазины, библіотекамъ и т. д. всѣ вновь выходящія книги, или по отдѣльнымъ отраслямъ, немедленно по выходѣ. Заказы на изданія, поименован. въ каталогѣ, выполняются въ 1—2 дня, на другія книги въ 2—5 дн.

Заказы высылаются налож. плат.

Каталоги по требованію бесплатно.

111 - 8380

Цѣна 1 руб.

11421

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

въ книжномъ магазинѣ т-ва „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“
(С.-Петербургъ, Б. Подъяческая, 39, с. д.).

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.